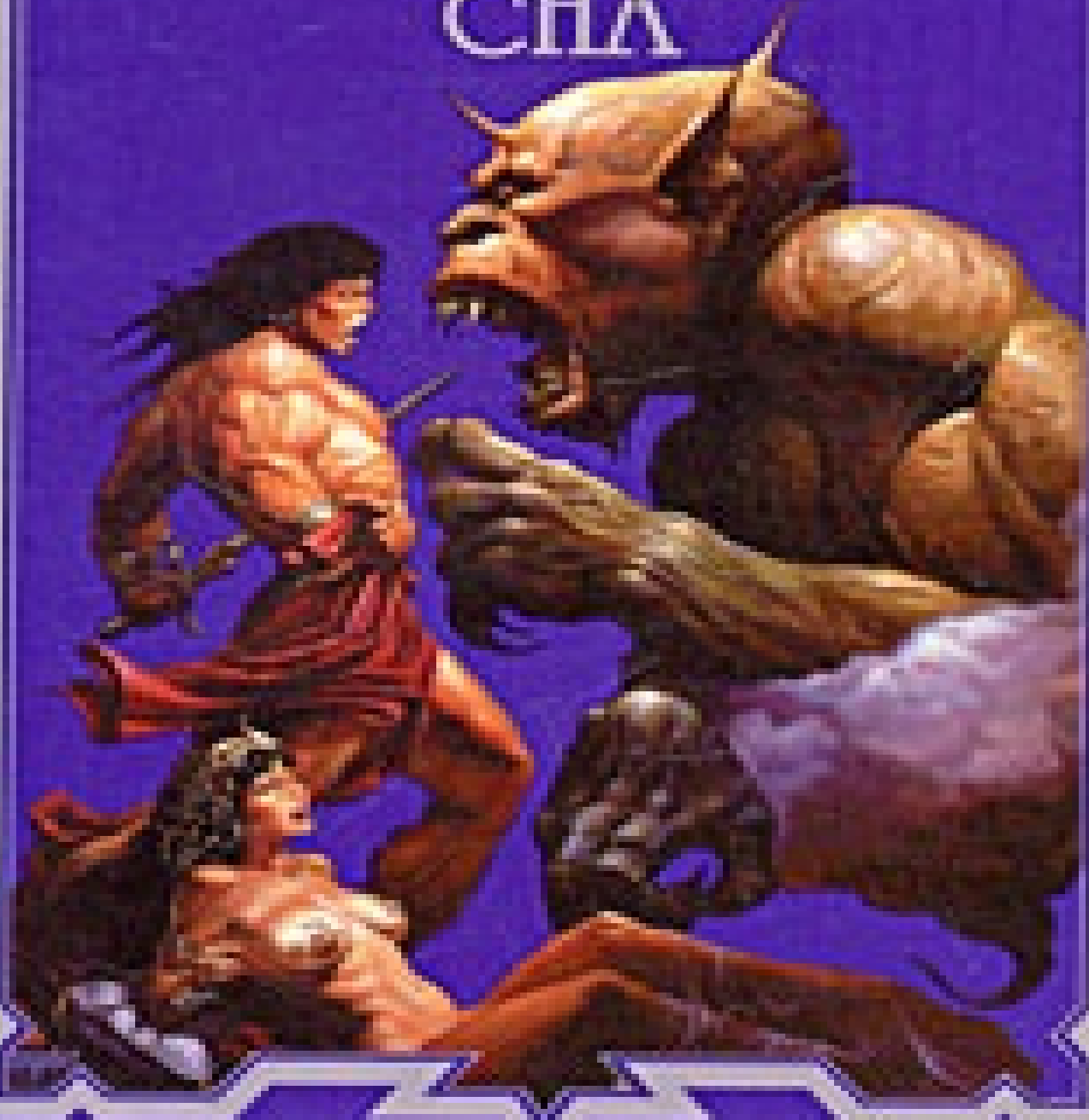
КОНАН

КОНАН И ПАГОДА СНА



Annotation

...Еще один эпизод из саги о Конане-киммерийце...

«Северо-Запад Пресс», «АСТ», 2005, том 103 «Конан и пагода сна»
Марко Леонетти. Пагода сна (роман), стр. 7-362

- Марко Леонетти
  - Пролог
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI
  - Глава XVII
  - Глава XVIII
  - Глава XIX
  - Глава XX
  - Глава XXI
  - Глава XXII
  - Глава XXIII
  - Эпилог

Марко Леонетти
Пагода сна

Пролог

Тяжелые пестрые шторы, занавешивающие большие окна, не пропускали в зал лучи палящего солнца, сберегая тень и прохладу для избранных гостей Судир Шаха. Полуденный зной оставался за стенами дворца, среди грязных кварталов бедноты.

Здесь в лучших покоях доброго хозяина скрывался от завистливых взглядов черни совершенно иной мир, полный роскоши и всевозможных богатств. Пол зала устилали мягкие ковры, низкие столики ломились от изысканных яств, а в воздухе висел едва уловимый приторно-сладкий аромат пыльцы золотого лотоса, нагонявший дремоту на прислугу. К дивному аромату наркотика, дарящего очаровательнейшие из очаровательных сновидений, примешивался нежный запах благовоний из сандала и жасмина.

Конан лежал на мягких перинах и подушках в объятиях молодых наложниц, собирая сладкие плоды их ласки и внимания. Могучее тело киммерийца прикрывала лишь набедренная повязка, гибкие тела юных красавиц не обременял никакой предмет одежды. Тонкие пальчики, легко касавшиеся его мощного торса и прохладный ветерок от двух опахал из павлиньих перьев, которыми обмахивали варвара двое слуг, поочередно возносили Конана на вершину блаженства и окунали в глубокое море, неги.

К услугам варвара, почетного гостя Судир Шаха, были предоставлены все земные блага, которые можно купить за звонкую золотую монету.

Опьяненный лотосом и вином, Конан с улыбкой вспоминал свое последнее приключение, обеспечившее его щедрой наградой. Великий Аграпур обернулся огромным золотым кошелем, из которого северянин сумел вытрясти более тысячи золотых монет.

Больше всего Конана веселило то, что капитан городской стражи так никогда и не узнает, что его план сработал. Изменники ограбили дворец, но все богатства за них собрал чужеземец, варвар из далеких северных земель. Теперь его пусть ищут хоть все солдаты Турана. Всю вину за грабеж, скорее всего, списали на покойных злоумышленников, но даже если кто-то и прознает о незнакомце, отнявшем у грабителей трофеи, то не станет преследовать вора за морем Вилайет, в далекой Вендии.

С легкой усмешкой на губах, Конан вяло следил за движениями обнаженной девушки, исполнявшей танец змеи. Чьи-то нежные пальчики положили в его рот кусок сочного плода.

У дверей зала с застывшим взором стоял огромный лысый стражник, уткнув в пол тяжелый меч, больше напоминавший мясницкий тесак.

Внезапно своим звериным инстинктом, не раз предупреждавшим его об опасности, варвар почувствовал какое-то странное изменение в спокойной атмосфере дорогих покоев. Угроза исходила отовсюду, хотя Конан не мог определить ее источника. Все выглядело так, словно в зале сгустилось невидимое злое облако. Обстановка вдруг заполнилась отталкивающим смрадом враждебности, ничто теперь не казалось безобидным — даже девушка подносившая кувшин с вином в тот момент показалась киммерийцу хитрой убийцей, проникнувшей в покои с единственной целью — расправиться с Конаном.

Варвар инстинктивно дернулся. Правая рука киммерийца нащупала среди подушек тяжелый клинок.

Та же нагая танцовщица, извивающаяся в страстном танце, тот же наголо выбритый головорез у дверей и двое слуг с опахалами из павлиньих перьев…

Но что-то не так.

Что-то гнусное и мерзкое затаилось в зале, готовясь нанести страшный удар в самое сердце. У варвара стянуло кожу, а по жилам заструился жидкий лед. Так бывало, когда киммериец чувствовал себя загнанным в угол зверем, хищником, попавшимся в капкан охотника, что случалось очень редко, ибо во всей Хайбории не было ничего такого, что могло бы испугать Конана. Ни бог, ни демон, ни человек не заставили бы могучего воина трепетать от страха.

К магии варвар привык относиться осторожно. Он уважал искусство волшбы, хотя предпочитал никогда не иметь общих дел с кудесниками чародейства. Не раз злое волшебство лучших представителей магического искусства было обращено против него, но всякий раз киммериец справлялся с опасными врагами лишь силой мышц, сталью меча, да удачей, ниспосланной ему Кромом. И, похоже, на этот раз варвар вновь столкнулся с черным колдовством. Теперь Конана заботила лишь одна мысль — как можно скорее разделаться с дерзким магом, нарушившим его покой.

Он еще раз оглядел полутемный зал.

Цепкий взгляд горца выискал новую деталь в окружении. У одного из слуг, помахивающих радужными опахалами, изменились глаза. Словно через распахнутые очи человека на киммерийца глядел кто-то другой, кто незримо присутствовал в покоях дворца. Зрачки вендийца почернели, и даже форма глаз приобрела другие очертания. Конан точно знал, что у жителя Вендии не может быть раскосых глаз.

Теперь пальцы киммерийца крепко обвились вокруг рукояти меча.

— Кто ты? — сурово бросил варвар в сторону слуги, поменявшего вид.

Незваный гость ответил жутким заливистым смехом, отбросившим всяческие намеки на вежливость.

Конан вздрогнул. Тела наложниц превратились в уродливые чешуйчатые кольца туго обвивающих его змей. С отвращением варвар оттолкнул от себя мерзость.

Когда яростный взгляд северянина вновь обратился в сторону слуги с чужими глазами, вендиец уже вернул нормальный вид. С изумлением Конан повернул голову и ужаснулся новому чуду — на месте юной танцовщицы извивалась дюжина змееподобных существ, беснующихся в странном танце, а голова лысого охранника с мечом Обернулась колонной кровожадного идола. Из глаз здоровяка катились слезы, смазывая кровь с окостеневшего лица.

С разных сторон киммерийца обступила тьма, навалившаяся грузными душными облаками. Вокруг варвара внезапно заплясали языки ярко-желтого пламени, которое нисколько не делало зал светлее.

С яростным рыком Конан обрушился на змей-танцовщиц — они тут же рассыпались сотней шепчущихся теней. Замахнулся мечом на уродливого стражника — и он истаял серым дымом.

Позади варвар расслышал тот же издевательский надменный смех.

Киммериец резко обернулся и увидел улыбающуюся девочку с двумя тугими косичками черных волос. Темные раскосые глаза маленького существа высокомерно разглядывали воина.

Колдун!

Чернокнижник в облике девчонки…

Одним огромным прыжком варвар преодолел разделявшее их расстояние, меч взвился в

воздух быстрее мыслей Конана…

Холодная сталь сверкнула на уровне тонкой детской шеи, и варвар… проснулся.

Тяжело дыша, Конан оглядел зал.

Столы с едой были перевернуты, дорогое вино разлилось по коврам темно-красными, кровавыми пятнами. Испуганные наложницы жались по углам.

Слуги побросали опахала и скрылись за балдахином в углу, спасаясь от гнева киммерийца. В широко раскрытых глазах могучего охранника читался неподдельный ужас. Стражник замер в нерешительности, уставившись на Конана.

Мигом позже варвар осознал, что дикий испуг вызвал вовсе не он, а его обнаженный клинок, который киммериец судорожно сжимал в руках.

Но что за колдун придумал столь искусную волшбу?

Какое черное колдовство заставило его поверить в реальность происходящего?

Разве не было раскосых черных глаз на лице слуги? Разве молодые красавицы не обернулись страшными чудовищами, а могучий страж — поганым идолом?

И куда, во имя Крома, подевалась девчонка-кхитаянка?..

Изрыгнув десяток проклятий, Конан опустил клинок.

Предстоит неприятное объяснение с Судир Шахом по поводу учиненного разгрома. Однако последнее мало тревожило киммерийца.

В ушах варвара до сих пор стоял надменный смех невидимого колдуна.

Глава I

Таллок ненавидел вечернюю Айодхью. Все в этом городе раздражало его — бранящиеся лавочники, устало плетущиеся домой крестьяне, пугливо жмущиеся по темным углам кварталов нищие, от которых исходил омерзительный смрад немытого тела, и даже городской патруль солдат-кшатриев, которые кидали на прохожих надменные взгляды. Он ненавидел и презирал общество аристократов, самоуверенных эгоистов, коротающих вечера в пустых забавах, среди которых главенствующее место занимали выпивка, перемывание костей себе подобным и издевательства над прислугой. Слащавые красавицы, привыкшие считать жизнь исключительным удовольствием, как правило, не удостаивались внимания странника, несмотря на обворожительные улыбки.

Город пороков, тщательно укрывший всю мерзость под покрывалом благочестия — такой же, как Шадизар или Аграпур — плотоядный хищник в облике ягненка. Стоит неопытному страннику попасться на обман, и столица Вендии распахнет свой жадный зев.

Таллок много путешествовал, много повидал. Со своим братом Далго они убежали из дома, когда им едва минуло одиннадцать лет. С тех пор вся жизнь Таллока проходила как одно большое путешествие. Несмотря на юный возраст, странник успел посетить три дюжины городов по обе стороны моря Вилайет. Он даже останавливался в провинции Кхитая, где изучал древние пергаменты великих чародеев. Вопреки традициям местных жителей, с их суровым отношение к чужакам из дальних земель, Таллок снискал уважение и почет кхитайцев. Эти люди почти боготворили его, почитая за новое воплощение Тай-Хао, величайшего чародея всех времен. Но именно способность к обучению и хорошее понимание законов древней волшбы кхитайцев сделали странника мишенью для преследования вездесущих магов Алого Кольца. Говорили даже, что в свое время им занялся сам Ях Чиенг, и испуганный Таллок поспешил поскорее покинуть древние земли.

Здесь, в Вендии, он не собирался долго задерживаться. Через пару месяцев Таллок планировал оставить Айодхью и вновь вернуться на запад, за море Вилайет. Но сейчас, пока у него позвякивали в карманах монеты, вырученные за лекарственные снадобья, привезенные из Кхитая, Таллок не торопился распрощаться с великим городом. В Айодхье было одно место, где путешественник любил проводить большую часть своего времени — дворец Судир Шаха. Там юному страннику предоставлялись любые земные блага, к тому же Судир Шах был его близким другом, которому Таллок мог доверить на хранение все свои сбережения, не опасаясь за их сохранность. Зажиточный вайшья, иранистанского происхождения, был известен не только за свою честность, но и за небывалую щедрость. Круг знакомых был строго ограничен — Судир Шах признавал лишь особых гостей, тех, кому он мог полностью доверять. Таллок затратил немало усилий, чтобы войти в число избранных друзей вендийца. Золото, дорогие подарки из экзотических стран, магические талисманы из Кхитая, помогающие в торговле — пожалуй, это лишь малая толика того, чем пришлось порадовать доброго хозяина, прежде чем Судир Шах разрешил страннику остановиться в его дворце.

С великим трудом поборов брезгливость, юноша свернул в темный квартал бедняков — так можно добраться до дворца вдвое быстрее.

Таллок не боялся грабителей, за себя юноша мог постоять, тем более, крупных денег у

него при себе не было. Какой-то нищий с полным горшком рисовой каши преградил ему дорогу — Таллок отшвырнул от себя бродягу, и тот повалился на землю, опрокинув содержимое горшка прямо на грязные камни улицы.

Впрочем, он тут же вскочил, но не для того, чтобы ответить обидчику, — бедняк с жадностью принялся соскребать с земли то, что должно было стать его ужином.

Потом странника встретили роскошь и великолепие дворца Судир Шаха. Таллок поднялся по ступеням золоченого крыльца, прошел мимо двух сумрачных охранников, слегка улыбнулся молодой наложнице, с которой прошлой ночью успел завязать более чем близкое знакомство, и вышел через длинный коридор в большой зал, заполненный статуями с изображением слонов. Среди фигур с хоботами всевозможных размеров и невысоких пальм высотой в человеческий рост, юноша почувствовал себя гораздо лучше после прогулки по вечернему городу. В зале не было никого за исключением неживых статуй из мрамора и кости, и Таллок провел больше часа в одиночестве, предаваясь размышлениям.

Ходили слухи, что Судир Шах просто помешан на коллекционировании разнообразных фигурок слонов, и юноша подумал, что было бы неплохо в следующий раз привезти доброму хозяину пару таких штук откуда-нибудь из-за моря, где мастера предпочитают дерево и металл белому мрамору и кости. Тогда, возможно, Судир Шах снизойдет для специальных скидок Таллоку. Самое лучшее во всей Хайбории вино можно будет пить целыми кувшинами без страха остаться без гроша.

Увлекшись собственными мыслями, странник не заметил, как в зал спустился сам владелец роскошного дворца. Судир Шах, тучный вайшья в преддверье пожилого возраста, на этот раз казался чем-то опечаленным. Таллок был готов услышать от хозяина грустную новость о том, что запас денег странника вот-вот готов истощиться, и уже придумывал, чем объяснить свое желание остаться в его дворце — задержкой корабля, на котором он собирался отправиться в Туран, или неотложными делами в Айодхье — но, вендийца, по-видимому, занимала совершенно иная проблема. Желая выглядеть вежливым, Таллок спросил:

— Что вас тревожит, о, добрейший из добрейших детей Асуры?

Судир Шах не ответил на формальную вежливость своего гостя. Вендиец казался очень расстроенным.

— Киммериец, — выдохнул Судир Шах после угрюмого молчания. — Он обезумел.

Таллок подумал, что хозяин дворца продолжит рассказ, но Судир Шах не спешил с разъяснениями. Тогда странник собрался спросить что-то еще у вендийца, однако в этот момент в зал вбежали две невольницы, разыскивавшие хозяина.

— Господин, — обратилась одна из девушек к Судир Шаху. — Мы хотели отнести еду и вино вашему высокому гостю с голубыми глазами, но он страшно накричал на нас, а потом запер дверь!

— Да, и сказал, что если мы и в следующий раз заявимся в его комнату без предупреждения, он поотрубает нам головы, — добавила другая.

— У него огромный меч, и мы его боимся, — пожаловалась черноволосая.

— Конан? — догадался Таллок. — Варвар из северной горной страны? Вор Шадизара? Что, во имя Катара, с ним случилось?

Судир Шах бросил быстрый взгляд на юных наложниц и велел им убраться вон. Когда девушки удалились, хозяин дворца склонился к самому уху странника и, словно опасаясь, что их могут услышать, прошептал:

— В него вселился демон!

Таллок едва не раскрыл рот. Неужели Судир Шах и вправду верит, что огромного киммерийца пленил невидимый злой дух? Он знал Конана и никогда бы не поверил, что этого могучего воина, родом из далекой северной страны, может захватить какой-то сказочный демон. Одно дело реальный враг, с саблей или ножом, с которым варвар разделался бы в два счета, другое — таинственный и злобный противник, невидимый глазу смертного. Таллок не был суеверен, несмотря на все свои познания в магии, и потому привык опасаться реальных врагов из плоти и крови, с кем судьба сталкивала его не один раз. И в то же время уважаемый Судир Шах ни в коем случае не шутил — вендиец говорил с неподдельным страхом, да еще и с таким выражением, будто сообщал собеседнику страшный секрет. Таллок знал, что жители Вендии боялись демонов и духов, особенно тщательно они старались избегать произнесения вслух их имен, и юноша понимал, каких мук стоило учтивому хозяину держать у себя во дворце человека, плененного злым духом.

— Я что-нибудь могу для вас сделать, о мой добрый друг? — спросил вайшью Таллок, желая проявить сострадание и показать свое сопереживание.

— О, конечно! — сразу оживился Судир Шах, и юноша мгновенно пожалел, что задал свой вопрос. — Я слышал, что ты долгое время изучал древние секреты магии у лучших чародеев Кхитая. Это так?

— Большей частью это правда, — ответил Таллок, слегка польщенный вопросом вендийца. На самом деле он всего лишь читал старые магические свитки.

— И у тебя, наверняка, есть обширные познания в области знахарства и лечения болезней, вызванных демонами?

«О, нет! — невесело подумал странник. — Если он попросит меня заняться недугом этого сурового киммерийца, лучше я сразу повешусь. Или сбегу из Айодхьи».

— Да, — сказал Таллок, удивляясь твердости своего голоса.

— Хвала Асуре! — воскликнул Судир Шах. — Я думал, ты никогда не согласишься, но раз уж ты сам предлагаешь свою помощь…

«Пора перенести срок отплытия на более раннюю дату», — решил Таллок.

— Ты же понимаешь, в какое положение я попал, любезный Таллок, — продолжил вендиец. — Конан один из моих лучших друзей, я не могу его просто так выгнать. Но в последнее время от него одни убытки — он крушит мебель, пугает моих слуг, сыпет проклятья и кричит страшным голосом, словно за ним гонится сам Азах на своей громовой колеснице. А два дня назад он заперся в своей комнате на втором этаже и никого туда не пускает.

Таллок глуповато улыбнулся. Образ безумного варвара никак не вязался в его сознании с человеком, которого он знал, как Конана Канаха. Безумная ярость в бою — возможно, но никак не помутнение разума, столь несвойственное для киммерийца.

— Так что я хочу попросить тебя об одной маленькой услуге, мой добрый Таллок, ибо чувствую, что сама воля Асуры направила тебя в мой дворец.

«Маленькой услуге?.. Да уж, конечно…»

— Думаю, столь великому знахарю как ты, не составит труда исцелить Копана от бешенства. Со своей стороны я постараюсь сделать все, чтобы не оставить тебя в обиде — золото, превосходный лотос и лучшее вино во всей Вендии, самые красивые девы, о которых ты можешь только мечтать!

«Надо было сразу начинать с разговора о фигурках слонов, — запоздало решил

Таллок. — Сейчас никакой бог этой страны не заставит меня подняться в покои Конана, чтобы излечить безумие варвара».

— Я сделаю все, что в моих силах, — с притворной улыбкой пообещал юноша Судир Шаху.

— Да благословит тебя святая Сирра! — возрадовался доверчивый вендиец. — Ты можешь покаэать чудеса своего волшебства уже сегодня вечером, добрый Таллок!

Странник быстро кивнул.

Пора убираться отсюда. Вот только как вернуть назад деньги, отданные на хранение Судир Шаху? Он бы покинул дворец и без них, потому что вряд ли золота осталось много, с вычетом всех затрат на вино и наложниц, однако за море его никто не повезет бесплатно. Так что любая сумма окажется полезной.

Внезапно у Таллока созрел план.

— Я и сам как можно скорее хочу приступить к ритуалу изгнания демонов, потому что, мне кажется, это один из уникальных случаев моей практики. Только… придется ненадолго отлучиться в город, чтобы купить кое-какие снадобья, необходимые для чародейства, и мне понадобится все мое золото, чтобы приобрести товар.

— Не стоит тратиться, мой друг, — сказал Судир Шах. — Ты без колебаний согласился помочь мне, так почему же я не вправе оказать тебе ответную услугу? Я дам втрое больше того золота, которое необходимо тебе для покупок.

— Это очень щедрый подарок, о, великий и добрый хозяин, — ответил Таллок с легким поклоном, чтобы спрятать игравшую на губах улыбку.

Теперь главное незаметно исчезнуть из Айодхьи, пока обманутый вайшья не раскрыл его плана. Разумеется, сразу после того, как он получит деньги от Судир Шаха.

Богатый вендиец принес из своей сокровищницы сто золотых монет. Двое слуг передали юному лже-чародею два увесистых шелковых мешочка с деньгами. Таллок возблагодарил всех известных ему местных богов за ниспосланную удачу. Но, как оказалось, слишком рано.

Судир Шах, хоть и отличался излишней доверчивостью, но был совсем не глуп. Он не мог позволить страннику исчезнуть со всеми деньгами, не получив гарантию, что добрый Таллок Всерьез взялся за дело. Конечно, никакой о какой помощи в ритуале изгнания демонов не могло быть и речи. Просто перед тем, как отпустить юношу в город со ста золотыми монетами он настоял на том, чтобы Таллок поднялся в покои Конана, с тем чтобы определить природу недуга киммерийца, узнать имя злого существа, пленившего разум варвара и установить какую чародейскую хитрость нужно приобрести для успешного свершения обряда. В общем, тщательно подготовиться к порученной работе. А чтобы юный специалист по изгнанию демонов не вздумал удрать, Судир Шах приставил к Таллоку двух стражников-горилл с очень острыми мечами. Правда, добрый хозяин объяснил свой поступок несколько иначе — вендиец якобы заботился о безопасности чародея. Вдруг злобному демону захочется отведать свежей крови странника? А вот сам Таллок был готов поспорить, что начни Конан разрывать его грудь голыми руками, эти двое великанов не шевельнут и пальцем, чтобы оттащить демона в облике киммерийца от его трепыхающегося тела.

У юноши перехватило дыхание. Ему совсем не правилась идея посещения обезумевшего варвара, тем более, он не раз видел, как ловко Конан орудует своим огромным жутким мечом. Вдруг северянин его не узнает — и что тогда? Страшный клинок сделает из странника двух Таллоков.

А что если отказаться, пока не поздно?

Он признается Судир Шаху, что обманул его доверие, и что он совсем несведущ в вопросах высшего колдовства. По крайней мере, можно будет сказать, что в Кхитае изгнанию гуй, как жители этой древней страны называли демонов, его не учили. Конечно, после всего, что он обещал вендийцу, это покажется вероломным и низким поступком, но зато он останется жив. Возможно, Судир Шах сдаст его городским властям и под любым предлогом отправит в тюрьму. Год заключения — не такая уж страшная беда в сравнении со скорой смертью от руки варвара.

Таллок вздохнул.

Нет, назад пути нет.

Судир Шах еще может ему пригодиться, не стоит превращать друга в злейшего врага. Тем более, сто золотых монет — немалая сумма. За сто вендийских рупий можно трижды переплыть море Вилайет туда и обратно. И странник решился идти до конца. Пусть вендиец удостоверится в том, что он жаждет исцелить Конана. Он будет правдиво разыгрывать из себя великого лекаря до тех пор, пока киммериец не выздоровеет. Или… пока не выпадет шанс сбежать.

С уверенным видом Таллок поднялся на второй этаж дворца и остановился перед дверью покоев Конана. Стараясь не замечать двух головорезов Судир Шаха за своей спиной, он вежливо постучался в тяжелую деревянную дверь.

Тишина.

Наверное, киммериец уже отправился к своему покровителю Крому. Тогда можно будет забыть про задание хозяина дворца. Таллок постучался во второй раз.

Вновь никакого ответа. Не слышно даже шороха за дверью, словно варвар и вправду отправился в мир иной.

Юноша едва не испустил вздох облегчения. Стучимся еще раз и уходим. Судир Шаху можно будет сказать, что Конан отдыхает.

Ученик кхитайских чародеев, успокоившись, постучался в третий раз, более настойчиво и громко.

Ужас и разочарование настигли его одновременно. За дверью Таллок услышал грозный рык:

— Убирайтесь в подземное царство, псы! Я не хочу никого видеть! Оставьте меня в покое, если вам дорога ваша жизнь, шелудивое отродье!

Побледнев, Таллок подергал дверь за ручку. Не заперто.

Произнеся последние молитвы, он вошел в покои киммерийца.

Глава II

Конан метнулся влево — и налетел на невидимую стену. Попытался передвинуться на шаг вправо — путь блокировала та же невидимая преграда. Оставался лишь один прямой коридор вперед, едва отличимый от кромешной темноты сумеречным багрово-фиолетовым сиянием. Повернуть назад киммериец не мог, словно тысячи сильных рук постоянно толкали его вперед и вперед, зато по мере продвижения по мерцающему коридору давление постепенно ослабевало. Точно жадная гигантская воронка, таинственный проход все глубже засасывал варвара в свое нутро.

Наконец, тьма прянула в стороны, и Конан оказался в плохо освещенном зале. В помещении было много длинных свечей из желтого воска и статуй чешуйчатых драконов. Тусклый свет играл в прищуренных глазах злобных существ из камня, и при беглом взгляде, брошенном на морды огненных ящеров, создавалось впечатление, что они живые.

Где-то во мраке, под самым куполом зала, слышался быстрый бой барабана. Жуткое эхо искажало звук, делая его похожим на утробный рык чудовища. Чьи-то уродливые тени плавно переливались в диком танце, заражая неистовством дергающееся пламя свечей. Со всех сторон к варвару несся шепот на незнакомом для киммерийца языке.

Внезапно Конан осознал, что находится в зале не один, хотя он был готов поклясться, что еще секунду назад кроме него в помещении не было ни души.

В сумраке, между двух гигантских статуй красных змеев, киммериец различил фигуру человека среднего роста. Он был одет в боевые доспехи из дерева и бамбука, скрепленные полосками тугой кожи, но оружия при нем не было, за исключением короткого железного посоха с навершием в виде когтистой лапы. Раскосые глаза и стянутые на затылке в косичку волосы выдавали его принадлежность к жителям Кхитая. Кожа песочного цвета обтягивала череп, словно растянутый пергамент, что свидетельствовало о том, что человек очень стар, несмотря на обманчиво-юные черты лица. Глаза, темные и бездонные, говорили о большом опыте кхитайца, прожившего долгую жизнь. Эти глаза были знакомы Конану.

— Ты вторгся в мои сны, колдун! — прорычал варвар. — Я убью тебя!

Выражение глубоких глаз не изменилось. Так смотрит человек, полностью уверенный в своих силах.

— Твоя злость — есть бесполезность, — произнес чародей на ломанном западном диалекте, понятном киммерийцу. — Твой гнев не помогать. Скоро твоя душа становиться моей!

— Уйди из моих снов, проклятый чернокнижник! — вскинул голову варвар. — Не то, клянусь Кромом, а отрублю твою голову, высушу череп и повешу в качестве украшения в своей комнате.

Колдун-кхитаец рассмеялся.

— Твоя попадать под мою власть, воин! Ты становиться мертвый и очень сильный. Ты вечно служить мне!

Более не теряя времени на разговоры, киммериец бросился вперед. Его могучая рука ухватила защищенное доспехами плечо, но спустя миг в руках варвара остался одни лишь призрачный туман.

— Напрасно стараться, горец! — услышал Конан откуда-то сзади. Северянин резко

обернулся.

Чародей стоял в том, месте, откуда он совершил свой быстрый бросок. Варвар метнулся назад. И снова руки киммерийца сграбастали лишь серый дым.

— Твоя становиться очень-очень хороший слуга! Издевательский голос на этот раз исходил откуда-то слева, но мага не было видно.

Конан огляделся.

— Я вырежу твое сердце, злой колдун, клянусь пылающим взором Митры!

В ответ тот же надменный смех.

Внезапно все каменные чудовища, наполнявшие зал, в одно мгновение ожили. Их голодные взгляды устремились в сторону киммерийца. Распахнулись жадные пасти. Бесчисленные кольца могучих зеленых тел заструились вокруг варвара. Конан вспомнил про своей меч, и как по волшебству оружие появилось в его руках.

Киммериец обрушил тяжелый удар сверху вниз и почти напополам разрубил морду ближайшего гада, смердящего нестерпимой вонью прямо в лицо Конану. На пол брызнула алая кровь чудовища.

Другой дракон обвил ноги варвара сзади и, разинув красную пасть, напал на киммерийца с высоты своего роста. Конан выставил клинок, и огненный змей с силой напоролся на острие. Высвободив меч, варвар приготовился встретить атаку нового противника, но спираль тугих колец уже оплела его тело. Конану стало трудно дышать, крепкие объятия чешуйчатых тел с неимоверной силой сдавили его грудную клетку. Вот-вот и затрещат ребра, пойманные в чудовищные тиски…

Киммериец размахнулся и всадил меч в зеленую плоть по самую рукоять. Хватка едва ли от этого ослабла.

Оскаленная морда с желтыми клыками замерла у самого лица Конана. Светящиеся глаза дракона уставились в глаза киммерийца. Он вздрогнул, почувствовав, как взгляд чудовища пронзает его насквозь, выедая остатки воли к сопротивлению. Сделав отчаянное усилие, варвар выдернул из раны клинок.

Однако ударить у него не было сил — то ли сказывалась нехватка воздуха, выжатого из сдавленной грудной клетки, то ли взгляд магнетических светящихся глаз лишил его всякого стремления выиграть этот неравный бой.

Сдаваться Конан не собирался. Стальные мышцы северянина автоматически подняли меч и вогнали его в зрачок зеленого монстра.

Дракон даже не дернулся. Словно каменный, он продолжал таращиться на противника единственным глазом. Киммериец размахнулся снова, но железный меч тут же обернулся ядовитой змеей и впился в плечо варвара. Рукоять цепко обвила его пальцы. Вскрикнув, Конан попытался высвободить руку. Из головы змеи, в которую превратился его клинок, вытянулась другая голова поменьше и вцепилась в щеку варвара. Потом отросток разросся целой гроздью пищащих голов, которые набросились на плоть зажатого в чешуйчатых тисках воина.

Конан закричал, на этот раз отчаянно, почувствовав, как хрустнули лопнувшие под тяжелым давлением его ребра…

* * *

Боль и удушье отпустил не сразу.

Киммериец долго приходил в себя, держась за горло и затравленно озираясь по сторонам. Распухшее плечо болело.

Комнату наполняла тишина, разрываемая лишь его хриплым дыханием. Дворец Судир Шаха притих в злобном молчании, вслушиваясь в каждый звук северянина, с трудом очнувшегося от мучительного кошмара.

Конан не мог понять, когда он провалился в сон. После всего пережитого за последнюю неделю ему меньше всего хотелось окунуться даже в дурман легкой дремоты. Похоже, это вышло само собой. Сказалась усталость и слишком долгий срок утомительного бодрствования.

Меч лежал рядом на кровати. Железный и неядовитый.

С опаской Конан тронул гладкую рукоять и быстро отдернул пальцы.

И тут н дверь раздался стук, заставивший варвара вздрогнуть. Все еще пытаясь отогнать исчезающие лоскуты привидевшегося кошмара, он

склонил голову и слепо уставился в пол. Стук повторился.

Какого нечистого принесла судьба под его дверь?

Непрошенный гость вновь постучался, на этот раз очень настойчиво, почти что нагло.

— Убирайтесь в подземное царство, псы! — прорычал Копан незваному посетителю. — Я не хочу никого видеть!

Тяжкий вздох.

— Оставьте меня в покое, если вам дорога ваша жизнь, шелудивое отродье! — добавил киммериец.

Несмотря на угрозы, навязчивый гость все-таки вошел. Нет, гот не из прислуги Судир Шаха. Один из гостей вайшьи, странник по имени Таллок, тот, кто даже не помнит свою родину. Наглости у этого парня не занимать, раз он так бесцеремонно позволяет себе нарушать покой других. Поучить бы его хорошим манерам, да нет ни сил, ни желания.

— Я же сказал, чтобы меня не беспокоили, — грозно проворчал Конан. — Какого демона ты здесь ищешь, парень?

Таллок закрыл за собой дверь, но в комнату не прошел.

— Вообще-то я здесь не по своей воле, — вздохнул юноша, — меня послал Судир Шах. Вот ему-то как раз и нужен этот самый демон.

Киммериец нахмурился. Он не понимал игру слов странника, и не видел в сказанном иронии.

— Убирайся вон, — приказал Копан.

— Подожди, — Таллок успокаивающе вытянул руку. — Я уйду сразу, как только исполню поручение нашего доброго вендийца. И я был бы очень признателен, если бы ты согласился мне помочь.

— Помочь тебе? — сдвинул брови варвар. — Каким образом?

— Просто выслушай. Судир Шах верит, что ты одержим демоном. Но мы же оба знаем, что это не так. А вот наш добрый друг убежден, что тебя пленила злая сила и если я не исцелю злосчастный недуг, вендиец с меня шкуру спустит.

— Так какого черта тебе надо от меня?

— Просто скажи Судир Шаху, я сделал все, что в моих силах. А я тем временем тихонько исчезну из города.

— Это все?

— Все.

— Теперь убирайся, разрази тебя гром! Таллок неуверенно взялся за дверную ручку.

— А как же соглашение?

— Я ничего не скажу Судир Шаху о твоем плане, скажу, что ты прибег к очень сильному колдовству, но оно не помогло. Доволен? А теперь выметайся из моей комнаты и больше не испытывай мое терпение, ясно?

Странник кивнул и быстро выскользнул за дверь.

Ну вот, все позади. Оказывается, Конан не так уж страшен. Или не настолько безумен. С гордостью прошагав мимо двух головорезов Судир Шаха, юноша спустился вниз и сообщил хозяину дворца, что узнал имя демона, пленившего Конана и теперь отправляется за покупками в город. Судир Шах пожелал юноше поскорее закупить все необходимые лекарства и вернуться, чтобы навсегда покончить с невидимым врагом северянина. Вендиец даже предложил ему двух слуг в охрану. Разумеется, Таллок отказался, объяснив это тем, что в присутствии непосвященных волшебные снадобья могут потерять силу.

Прощай, Айодхья!

Да здравствует свобода и добрая сотня золотых монет, так приятно оттягивающих карман!

Когда странник покинул дворец Судир Шаха, город уже поглотили ночные сумерки. Но это нисколько не заботило юношу. Поскорее отыскать конюха, купить лошадь и дальше без остановок до ближайшего порта. Когда зажиточный вайшья заподозрит неладное, он будет уже далеко.

Таллок поглубже запрятал в походный мешок кошели с монетами, чтобы сладкий звон не привлекал внимание чужих ушей. Потом быстро углубился в темный квартал, где странника скрыли ночные сумерки.

Путешественник знал, ночь в крупном городе — время воров и разбойников, но верил, что ему удастся выскользнуть из Айодхьи, не нарываясь на лишние не приятности. К тому же, темное время суток отлично помогает беглецам, прихватившим с собой кучу золотишка.

Забыв об осторожности всего на несколько мгновений, юноша не обратил внимания на тень, вынырнувшую из темноты вслед за Таллоком. Человек осторожно вышел с улицы, одного из прилегающего к дворцу квартала.

* * *

Конюх-вендиец оказался на редкость сговорчивым. Он даже предложил страницу купить благородное животное, коим вайшья считал слона и намекнул, что уступит один превосходный экземпляр всего за каких-нибудь сорок-пятьдесят рупий. Слон, сказал вендиец, сможет перевозить больше товара, а в строительстве домов и перетаскивании бревен он вообще незаменимый помощник. Таллок с улыбкой выслушал конюха, после чего вежливо отклонил его предложение — товара у Таллока пока не было, обзаводиться домом он не собирался, по крайней мере, еще лет десять, зато ему срочно нужно было попасть в ближайший порт, и такое быстроногое животное, как лошадь, его вполне устраивало.

Отзывчивый вайшья пообещал как можно скорее приготовить своего лучшего скакуна к путешествию, вдобавок нагрузив седельные сумки кормом для лошади. Всего за каких-нибудь двенадцать золотых монет. Таллок согласился, хотя знал, что утром он купит любого скакуна вдвое дешевле, но торговаться странник не хотел. Имея в своем распоряжении сто золотых монет, с двенадцатью можно расстаться без сожаления.

После визита к конюху юноша отправился в ближайший трактир — не торчать же в конюшне, пока вендиец делает свое дело. Счастье, что ближайший из них находился совсем неподалеку.

Завернув за угол, Таллок разглядел приветливо мерцающий в ночном сумраке вход в питейное заведение. Пожалуй, там можно будет расстаться еще с парочкой рупий, заодно прикупив еды в дорогу.

С пугающей неожиданностью из темноты вынырнула фигура, закутанная в серую хламиду, и преградила юноше путь. Инстинктивно странник потянулся к ножу, спрятанному под рубахой, но тут же с облегчением вздохнул, когда человек скинул капюшон и открыл лицо.

Девушка. Судя по светлой коже, не местная.

Призывно махнув рукой и улыбнувшись, юная красотка велела ему следовать за ней в темный переулок.

Таллок всегда был осторожен. Конечно, он не мог подумать, что это хрупкое создание в силе справиться с ним в одиночку, однако в темном переулке могли затаиться трое-четверо здоровенных детин, которые без труда вышибут из него всю пыль в придачу с мозгами.

Но разве можно устоять перед взглядом столь дивных и чистых голубых глаз? Странное желание обладать этой незнакомой девушкой воспламенило сердце юноши, подобно жаркому огню, и он уже не мог сопротивляться искушению.

Пусть в темноте его поджидает хоть вся банда иранистанца Асмен-Али, он убьет всех его головорезов — всех до единого — но получит эту красавицу!

Уже представляя, как покрывает ее тело жаркими поцелуями, Таллок шагнул в темноту и оказался в переулке.

Грабителей здесь не было. Девушка была одна.

Не теряя времени, странник сжал ее в объятиях и… прямо в кадык ему уперся острый кинжал.

— Эй, в чем дело? — запротестовал юноша. — Разве ты не…

— Заткнись и отвечай на мои вопросы, — оборвала все его попытки оправдаться юная искусительница. — От правдивости ответов зависит твоя жизнь. Это тебе понятно?

Таллок быстро кивнул. Все-таки этого следовало ожидать. Какой же он дурак, что позволил себя заманить в ловушку, где и о помощи-то просить трудно. Одно резкое движение ее сжатой в кулачок ладошки — ив горле странника окажется дырка.

— Послушай, — вновь попытался Таллок, — я всего лишь бедный путешественник, и денег у меня совсем нет…

— Прикуси язык, если не хочешь найти его на земле, — прервала его голубоглазая. — Мне не нужны твои деньги.

— Не нужны деньги? — помимо воли удивился Таллок. Он-то был уверен, что кто-то уже успел прознать о задатке, полученном от Судир Шаха. — Тогда, во имя светлых небес, зачем ты позвала меня в этот переулок?

— Давай так: вопросы задаю я, ты на них отвечаешь. Все просто, правда?

Кинжал оцарапал кожу, и юноша понял, что лучше все делать так, как ему велят, пока с ним разговаривают по-хорошему.

— Ты служишь Шао Луну?

Таллок отрицательно качнул головой, слегка отстранившись от угрожающего ему лезвия.

— Шао Лун во дворце Судир Шаха?

— Я даже не имею ни малейшего представления, кто этот человек. Судя по имени, кхитаец. А насколько я знаю, в покоях дворца ни одного кхитайца не было последние два месяца.

— Ты лжешь!

— Позволь, юная госпожа — я не лгу! Как можно лгать молодой и красивой девушке, особенно, когда в руке у нее зажат острый кинжал, нацеленный тебе в горло?

Незнакомка впилась в него своим пронзительным взглядом глаз-фиалок. Таллок ощутил, что это хрупкое создание читает его мысли как открытую книгу.

— Ты говоришь правду… — произнесла она уже в некоторой растерянности.

— Если ты все видишь сама, к чему эти дурацкие вопросы?

— Не знаю, — еще больше смутилась она, и острие кинжала чуть опустилось. — Я не умею разбираться в чужих мыслях как она…

— Кто она?

— Кесея, верховная жрица.

Таллок понял, что это его шанс.

— Вот, что: я думаю все это какое-то чудовищное недоразумение. Но если ты действительно кого-то ищешь, я с радостью могу помочь.

— Правда?

Кинжал опустился… И в следующую секунду оказался в руке юноши, вырвавшего оружие из слабой женской ладони. С усмешкой странник повертел в руках клинок.

— Отдай, — неожиданно сказала девушка, и Таллок к своему огромному удивлению подчинился, вернув кинжал владельцу.

Однако незнакомка, по-видимому, оставила все намеки на агрессивность. Клинок больше не поднялся к горлу странника.

— Ты должен встретиться с Кесеей, — сказала голубоглазая красавица, и в голосе ее угадывалась скорее просьба, нежели приказ.

Таллок улыбнулся.

Глава III

Девушка с глазами-фиалками привела Таллока в небольшую таверну для вендийской знати — никакой выпивки и грязных развлечений. Комнаты таверны, под названием «Очи Катара», были полны книг, которые аккуратно лежали на полках шкафов из черного дерева. Древние фолианты украшали топазы и сапфиры, и если бы драгоценные камни из них украсть, а потом продать (грешным делом подумал Таллок), то удачливый вор обеспечил бы себя на всю оставшуюся жизнь. На столах возвышались целые ряды глобусов. Любая из комнат превосходно подходила для занятий наукой и философией.

Намного позже странник узнал, что таверна открывала двери только избранным сынам и дочерям Асуры, то есть великим брахманам-жрецам, представителям высшей правящей касты Вендии.

Охрана у таверны была посерьезнее той, что держал в своем дворце Судир Шах. Высокие и плечистые солдаты, с обнаженным торсом и чалмами на головах, прогуливались даже по богато убранным коридорам заведения.

Еду, питье и все необходимое можно было заказать в любое время, стоило только крикнуть одного из солдат-кшатриев. За безопасность властных гостей отвечал офицер-кшатрий по имени Рунир. Этого великана с бугрящимися мускулами странник видел только один раз, но и этого раза было достаточно, чтобы понять, насколько дорого могут обойтись злые шутки с постояльцами таверны. Ходили слухи, что Рунир собирал коллекцию из отсеченных правых рук всех воров, когда-либо дерзнувших позариться на богатство «Очей Катара».

Таллока пригласили в комнату с золотистыми стенами, где юноше предложили изысканные блюда к ужину. Странник от еды отказался — ему не терпелось быстрее переговорить с верховной жрицей таинственного ордена Сна, а потом обежать из Айодхьи, — если не навсегда, то надолго. И молодой ученик кхитайских чародеев уже начал жалеть, что позволил голубоглазой девице втянуть себя в бесполезную авантюру.

Кесея не заставила себя долго ждать. Она появилась сразу, как только юноша о ней подумал. Причем Таллок был полностью уверен, что перед его очами появилась именно верховная жрица — дорогой наряд из белоснежного шелка на стройной темноволосой женщине украшали блестящие камни, в подлинности которых сомневаться не приходилось. В карих глазах затаился блеск огромных знаний, тайн и волшбы; казалось, Кесея прожила не одну жизнь. Несмотря на свой высокий статус и положение в вендийском обществе, дева-брахман не являлась коренной вендийкой.

— Приветствую тебя, Таллок, — сказала она юноше. Голос Кесеи был мягок и полон теплоты.

— Как ты… Я ведь не называл своего имени.

— Этого и не нужно. Ты представился за себя своими мыслями.

— Хм, вот как…

— Я — Кесея, верховная жрица дев-браминов Сна, а это моя лучшая ученица Алекса, — женщина указала на юную красавицу, которая привела молодого странника в таверну.

— Я уже имел счастье с ней познакомиться. Странно, что она сама не назвала своего имени.

— Прости за неловкую ситуацию, в которую тебя поставила Алекса. Думаю, я могу все объяснить. Как ты уже понял, жрицы нашего общества умеют заглядывать в мысли других людей. Моя ученица нашла кое-что интересное в твоем сознании. Ты ведь был в Кхитае, верно?

— Этого я не отрицаю.

— Алекса подумала, что ты служишь черному колдуну Шао Луну, след которого мы недавно обнаружили во дворце Судир Шаха. Налицо очевидное совпадение — твоя причастность к древней магии Кхитая и появление в том же месте кхитайского чародея. Тебя по ошибке приняли за слугу Столикого.

— Кто такой Столикий?

— Узнаешь, но не сейчас. Прежде ответь мне, Таллок, не заметил ли ты что-нибудь странное во дворце Судир Шаха? Что-нибудь связанное со снами?

Юноша напряг память, но ничего такого странного не вспомнил. Возможно, безумие варвара, но какое это отношение имеет к вопросу Кесеи? Хотя…

Таллок вспомнил черные круги под ярко-синими глазами киммерийца. Такие возникают у людей не получавших сна больше трех суток. А, принимая во внимание необыкновенную выносливость северянина, можно было сделать вывод, что он не спал целую неделю, а то и больше.

— Конан из Киммерии, — сказал Таллок. — Думаю, ему снятся кошмары.

Кесея едва заметно вздрогнула. Алекса посмотрела на свою наставницу с тревогой.

— Шао Лун желает поработить одного из лучших воинов Хайбории, чтобы расправиться со своими врагами. И в первую очередь Конан, подчинившийся власти колдуна, придет за мной…

— Нужно опередить его! — без колебаний произнесла девушка.

— Правильно…

— Эй, может быть, вы все-таки объясните, что происходит? — вмешался странник.

— Не самое подходящее время. Нужно спешить, пока Шао Лун не захватил бессмертную душу Конана. Ты нам поможешь, Таллок.

— Я? Чем же я могу вам помочь, о, могущественнейшие девы-брамины? Я всего лишь путешественник, у которого нет никаких навыков в области магии.

— Ошибаешься. Ты путешествовал по Кхитаю и познакомился с природой древнего чародейства, а, следовательно, на данный момент обладаешь более обширными знаниями о характере колдовства Столикого, нежели все наше общество, из которого никто не бывал в стране талисманов и старых пагод.

— Но я не разбираюсь во снах и, тем более, питаю стойкую неприязнь к кошмарам.

— Сны и все, что с ними связано — область наших усилий. От тебя потребуется совсем немногое.

Таллок вздохнул. Ему совсем не хотелось возвращаться во дворец вендийца.

— Послушайте, Конан, Шао Лун, пагоды и кошмары — все это ваши личные проблемы. Все, чего хочу я — это поскорее убраться из Айодхьи.

— Ты не знаешь, с кем связался, мальчик, — голос верховной жрицы стал необыкновенно холодным. — Когда брамины просят о помощи, отказывать не принято. Мы можем тебя заставить — пытками или магией. Мы можем подчинить твою волю через сны и гипноз, и ты превратишься в безвольную куклу, которая вырвет себе сердце по одному нашему слову. Но мы просим тебя, Таллок. Просим, ибо нам действительно нужна твоя

помощь — речь идет не только о жизни Конана-киммерийца, но и о моей жизни и жизнях всех дев-браминов нашего общества. Если Шао Лун осуществит свой коварный план, нам не уцелеть. Неужели ты желаешь, чтобы мы погибли, о, Таллок? Неужели мрачный Азах отнял у тебя сострадание и до капли выжал всю жалость?

«Провалитесь вы все», — мелькнуло в мыслях странника, но, бросив взгляд на красавицу Алексу, юноша невольно содрогнулся, представив девушку мертвой.

— Вы, между прочим, не говорили, что все настолько серьезно, — пошел на попятную ученик кхитайских колдунов. — Если от этого зависит ваши жизни, разумеется, я готов помочь.

— Тогда поспешим, — сказала верховная жрица. Алекса подарила Таллоку приятную улыбку.

— Я приведу Вало. Визит во дворец Судир Шаха может стать опасным, если Шао Луну удалось взять под контроль разум Конана, — напоследок сообщила Кесея и вышла

Юная ученица поспешила вслед за наставницей, но Таллок перехватил девушку за руку. Алекса в негодовании вскрикнула и высвободила запястье.

— Что ты себе позволяешь?

— Я просто хотел поинтересоваться… Э-э-э, там, в темном квартале мне показалось, что ты хочешь…

— Что? — удивилась девушка.

— Ну… соблазнить меня.

— Ах, это, — лицо синеглазой красавицы просветлело. — Я использовала чары привлечение Несложный обманный трюк, каким пользуется большинство девушек нашего круга браминов Сна.

— Понятно, — Таллок мгновенно сник. — А я-то думал…

Со смехом Алекса выбежала из комнаты.

* * *

Вало оказался могучим великаном, семи футов ростом и весом не меньше десяти пудов. Несмотря на свою грузную комплекцию, эта гора мышц передвигалась с легкостью пушинки. Вало-великан был настоящим вендийцем, со смуглой кожей и большими темными глазами. Наголо обритый череп выставлял напоказ единственный пучок черных как смоль волос, перекинутый через левое плечо. В обществе хрупких дев-браминов Сна этот прирожденный убийца выполнял функции телохранителя и палача, устранявшего неугодных.

Всю дорогу Таллок старался держаться подальше от молчаливого гиганта. Гораздо больше юношу привлекали формы Алексы, которая переоделась в обтягивающую тунику черного цвета.

По мере того, как знакомый дворец приближался, странник все больше смирялся с мыслью, что из проклятого города ему не удастся выбраться еще недели две. Зря вендиец-конюх седлает скакуна в дорогу, Таллок не покинет Айодхью этой ночью.

На площади перед дворцом Судир Шаха скопилось много народу, и это сулило тревожные вести. Кесея и Алекса направились прямо сквозь гомонящую толпу, к золоченому

крыльцу дворца. Вало пошел впереди, раздвигая простолюдинов своими могучими ручищами и расчищая путь для дев-браминов. Любой, даже самый высокий вендиец едва ли доходил до плеча богоподобному Вало, который шел среди простого люда, словно корабль по тихим волнам. Таллок плелся позади.

На пороге дворца их встретил охранник, который преградил им путь.

— Что вам нужно? — сурово спросил кшатрий-солдат.

«Попасть во дворец, недоумок», — хотел огрызнуться юноша, но счел за лучшее прикусить язык и предоставить брахманам самим разобраться с возникшей проблемой.

— Мы должны увидеть Конана из Киммерии, гостя Судир Шаха, — сказала Кесея.

— Его здесь нет.

— Он ушел?

— Нет. Его связали и уволокли в тюрьму. Надеюсь, его скоро повесят.

— Что тут произошло, во имя Асуры?

— Ваш варвар-мясник убил Судир Шаха, нашего хозяина.

Глава IV

Самым страшным оказался тот момент, когда рассудок вновь вернулся к киммерийцу, и Конан обнаружил себя с окровавленным мечом в руках у трупа своего друга. Судир Шах лежал в луже собственной крови, вытекающей из рассеченного левого бока, в глазах вендийца застыли удивление и обида. Правая рука вайшьи все еще сжимала пузырек с лекарством, видимо, предназначенным для варвара.

Получилось так, что Конан не сумел вернуть ощущение реальности после очередного кошмара и, скорее всего, принял своего друга за одно из чудовищ, терзавших его мозг. Хозяин дворца имел неосторожность войти в комнату киммерийца без предупреждения, за что и поплатился жизнью.

За дверью Судир Шаха ждали двое слуг. Услышав последний предсмертный крик своего господина, стражники вбежали в комнату Конана и набросились на киммерийца. Взбешенному нелепостью и ужасом происшедшего северянину уже было все равно, кто погибнет следующим. Одного охранника он разрубил едва ли не напополам вместе с выставленным для защиты мечом. Другому стражнику варвар распорол живот, и человек умер спустя несколько минут.

Потом дворец заполнили солдаты-кшатрии городского патруля, вызванного кем-то из слуг. Вендийцы окружили северянина со всех сторон, но никто долго не решался приблизиться к Конану, страшась огромного меча, которым киммериец размахивал подобно воинственному Кфурусу, богоподобному слуге Асуры. Кшатрии потеряли троих, когда варвар пытался прорваться сквозь плотное кольцо солдат, но так и не дали северянину выскользнуть из окружения. Подоспело подкрепление, около двух десятков солдат раджи Юсефа, и вендийцы набросились на Конана всей кучей. Позолоченный пол дворца забрызгала горячая кровь, киммериец зарубил еще двоих солдат и покалечил четверых, отхватив им кисти рук вместе с мечами. Наконец, разъяренного варвара скрутили и туго связали толстой веревкой. Двумя минутами позже Конана, похожего на чудовищный извивающийся кокон, с крепко перевязанными руками и ногами, утащили в темницу раджи Юсефа.

Мудрый правитель Юсеф понимал, что варвар находится во власти безумия, и потому не может нести наказание за содеянное, согласно вендийским законам. Но в то же время он понимал, что народ потребует справедливой кары, одинаковой и для безумца, то есть смерти. Юсеф приказал заточить киммерийца в глубокую темницу, подальше от глаз и ушей снедаемых жаждой возмездия граждан. Там, он надеялся, Конан сможет переждать бурю гнева, захлестнувшую полгорода, и только потом держать ответ за свои поступки по справедливости. Надежда раджи не оправдалась — через час посыльный передал ему решение о казни киммерийца от совета состоятельных вайшьей. Конечно, он мог пойти против воли совета, но тогда этот год правления Юсеф мог считать последним — слишком много у него накопилось недоброжелателей, которые только и ждали повода, чтобы скинуть его с трона. Юсеф решил не искушать судьбу и назначил срок казни на утро. Киммерийцу оставалось жить не больше шести часов.

* * *

Конан долго блуждал в темной бездне среди клубков червей и мерзких слизистых созданий. Варвар был готов убить еще хоть сотню вендийских солдат, часами махать клинком и получать раны. По крайней мере, все это было наяву. Но только не спать, не гнить в черном провале безумия и кошмаров!

Чьи-то челюсти с мелкими зубами грызли его ноги, серые призраки кружили вокруг его головы, а скользкие змеи обвивали его тело гадкими плетями.

Отовсюду и из ниоткуда неслось эхо победного смеха кхитайского колдуна. Чародей торжествовал. Скоро, кричал он, скоро придет время, и тогда душа Конана навеки попадет в невидимый склеп. А тело киммерийца останется во власти чернокнижника, и отмерший мозг станет послушен только приказам кхитайского мага.

Неожиданно настойчивый тихий шепот стих. Тени прянули от варвара, мерзкие гады расползлись в разные стороны. Сумрак бездны разорвал луч яркого света.

— Конан… — позвал мягкий голос из мерцающей бреши.

Киммериец приблизился к сияющей щели. Оттуда исходил едва уловимый сладкий аромат надежды, несущий утешение и комфорт. То же самое почувствовал бы Конан в детстве, если вдохнул полной грудью чистый горный воздух. Спокойствие и безмятежность…

Перед взором варвара поплыли просторы родной Киммерии. Тяжелые фиолетовые тучи, нависшие над снежными равнинами, высокие пики гор, подпирающие небо и тонкий шлейф дыма, разрываемого в клочья холодным ветром…

Киммерия.

Варвару вспомнился добрый и сильный голос вождя их племени, обращающегося к нему, юнцу, едва выбравшемуся из пеленок.

«Запомни, мальчик, простую истину, — сказал тогда Адир Канах, — для киммерийца страшна не смерть. Хуже всего потерять свободу. Что бы ты ни делал, какие бы испытания тебе ни готовила судьба, никогда не позволяй другим лишать тебя воли, ибо воля — ценнейший из всех подарков, которыми Кром наградил человека». Конан зарычал.

Черный колдун хочет лишить его самого главного — свободы! — заперев душу северянина в магическую клетку.

Не бывать этому! Никогда!

Он доберется до чародея, где бы тот ни находился, даже в подземном царстве. Тогда проклятый колдун узнает, что значит покушаться на свободу у сына Киммерии. Он никогда не станет рабом кхитайского чернокнижника.

Пора выбираться из плена сна…

* * *

Кесея потерла виски, чувствуя, как голову заполняет ужасная головная боль.

Алекса и Таллок с тревогой взглянули на верховную жрицу, очнувшуюся от транса. Вало стоял неподалеку, следя за тем, чтобы никто не побеспокоил деву-брамин во время медитации.

— Хорошие новости? — спросил Таллок главу общества брахманов Сна.

— Конан до сих пор не попал под власть Шао Луна. Это обнадеживает. Похоже, чернокнижник недооценил выносливость воина. И, вообще, очень странно, что варвар еще жив — зная всю ужасающую мощь магии Столикого, могу сказать, что люди, которых Шао-дракон пытал кошмарами, умирали всего за несколько часов. У Конана поразительная невосприимчивость к колдовству и чарам.

— Ты помогла ему, наставница? — спросила Кесею Алекса.

— Я вытащила его из ямы видений, в которую его заключил Столикий, вернее, он выбрался сам, я лишь подсказала ему выход. Но, думаю, это ненадолго — Шао Лун возобновит свои попытки исторгнуть душу из тела воина.

На площади появилась новая фигура, которая направилась в сторон группы. Убийца Вало было насторожился, но, разглядев идущего, приветствовал другого члена общества Сна легким поклоном. Диаса, еще одна ученица Кесеи, принесла тревожные вести.

— Наставница, Юсеф назначил казнь Конана на утро, — сообщила блондинка с карими глазами. — С восходом солнца киммерийца повесят за убийство Судир Шаха и городских солдат.

Кесея закусила губу.

— Этого нельзя допустить. Если Конан умрет, он непременно попадет под власть Шао Луна. Тогда всем нам конец.

— Но что может сделать мертвое тело? — спросил Таллок. Юноша, слышал, что некоторые кхитайские мистики могли возвращать к жизни трупы, однако редко прибегали к магии некромантии, страшась навлечь проклятье демонов на себя и свою семью. Шао Лун, должно быть, отъявленный мерзавец, раз решается тревожить покойников.

— Такой сильный воин как Конан может обернуться страшным оружием в руках могущественного чародея после смерти, — пояснила верховная жрица. — Когда душа убитого человека находится в руках колдуна, тело не находит покоя. Ни меч, ни стрела не оборвут жизнь того, кто уже мертв. Остановить его можно будет лишь одним способом — выкрав душу из колдовского плена и захоронив тело.

Алекса судорожно сглотнула.

— А если не успеть?

— Что не успеть?

— Сделать все необходимое, чтобы пленник чернокнижника упокоился с миром?

— Проще предотвратить смерть воина, чем устранить ужасные последствия, вызванные черным колдовством. Я не сомневаюсь, что если Конан погибнет, умрем и все мы.

— Вернее, вы, — поправил жрицу Таллок. — Я-то ничего Шао Луну не сделал и не касаюсь вашей распри. Но… поверьте, я также не хочу, чтобы с вами что-то случилось. Если потребуется моя помощь — я в вашем распоряжении.

— Но почему? — удивленный взгляд Алексы коснулся лица странника. — Еще пару часов назад ты больше всего на свете хотел скрыться из города.

Таллок раскрыл рот, чтобы ответить, но, встретившись со светлым взглядом девушки, осекся и опустил глаза.

— Потому что… Потому что… — юноша не находил слов. — Потому что я пересмотрел свои позиции.

После этого Таллок надолго замолчал.

— Я предлагаю созвать всех дев-браминов нашего общества и потребовать от лица

брахманов свободы для Конана, — сказала Диаса.

— Это не поможет, — сказала верховная жрица. — Юсеф уже назначил час казни, да и как ты собираешься просить о помиловании для чужеземца, обращаясь к толпе разъяренных и требующих крови граждан? Когда взойдет солнце, Конан будет уже мертв.

Внезапно Кесея поднялась.

— Нужно вытащить киммерийца из темницы Юсефа до восхода.

— Власти этого не одобрят.

— Мы покинем Айодхью. Когда речь идет о жизни и смерти, затягивать с решением нельзя.

Алекса и Таллок тоже поднялись.

— Призови только Исиру и Алиэль, браминов сонных чар, — обратилась Кесея к Диасе. — Как только они будут готовы, мы проникнем во дворец Юсафа. Вало!

Гигант быстрым шагом подошел к жрице.

— Да, госпожа?

— Нужно освободить одного человека из темницы.

— Всегда готов, госпожа. Я войду хоть в чертоги Асуры по одному вашему слову.

Легкая улыбка озарила лицо великана. Таллок деликатно кашлянул.

— Кажется, мне придется вспомнить, чему меня учили кхитайские чародеи. Я ведь, признаться, не только пергаменты читал.

И странник извлек из складок одежды темную склянку, припасенную им на крайний случай.

— Через полчаса в Квартале Жасмина, — удовлетворенно кивнула Кесея.

* * *

Конан оглядел сырую камеру темницы.

Из заточения сна он уже выбрался, осталось сбежать из городской тюрьмы. Варвар не раз вырывался из плена, когда вел жизнь вора. Он сбегал из темниц Турана, Заморы, Коринфии и даже Гипербореи. Чем вендийская тюрьма отличалась от казематов Шадизара? Те же цепи, сковывающие руки и ноги, вонь, сырость и серые тени снующих во тьме грызунов.

Кто-то из солдат-кшатриев оставил его клинок прямо в камере. Наверное, вендийцы, склонные к предрассудкам, не решились унести с собой проклятое оружие. Вот только до меча было невозможно дотянуться — узника приковали к стене толстыми цепями. Но не всякие оковы способны удержать киммерийца.

Конан внимательно осмотрел цепи — такие разорвать не получится.

Варвар пробежал пальцами по ржавым звеньям вплоть до массивного железного кольца, вмурованного в стену. Кольцо держалось не так уж крепко. Конан подергал цепь у самого основания. Если сильно потянуть на себя, используя вес тела, кольцо, возможно, выйдет из стены.

Попробовать стоит.

Киммериец напряг руки и изо всех сил потащил цепь. Звенья лязгнули, но не поддались.

Проклятое кольцо осталось в стене.

Варвар повторил попытку.

Плечи мышц вздулись двумя огромными горами, из которых должна брызнуть жаркая кровь-лава. Широкая грудь Конана натянулась, подобно парусу, раздуваемому сильным ветром.

Что-то звякнуло, раздался лязгающий скрежет, и из того места, где кольцо крепилось к стене, посыпалась каменная крошка.

Киммериец перевел дух.

Несмотря на титанические усилия, кольцо не вышло ни на ноготь.

Варвар отдохнул и вновь потянул цепь на себя, стараясь нагрузить на нее весь свой немалый вес.

Лязг, доносившийся из камеры, привлек внимание стражи. В коридоре заплясали красноватые пятна света, и прямо за решеткой возник худощавый тюремщик в старой чалме, с дымным факелом, высоко поднятым над головой. Подслеповато щурясь, вендиец вгляделся в сумрак камеры и, поняв, чем занимается узник, велел Конану прекратить упражнения с цепью. Северянин даже не оглянулся на голос — он чувствовал, что времени у него остается мало. Нередко вендийские власти оказывались очень скоры на расправу с нарушителями закона. Если им нужна его голова, то пусть зайдут в эту камеру и получат ее немедленно. Терпеливо ожидать своей участи было не в привычках Конана.

В одиночку остановить северянина щуплый тюремщик не решился. Вместо этого он пошел за подмогой. Свет в коридоре постепенно исчез.

Конан сплюнул на грязный пол, где не было даже соломы, отдохнул и снова навалился на цепь. Еще пара минут бесплодных попыток, — кольцо сидело в стене, точно заговоренное.

Пот струился по спине варвара липким потоком. Лицо горело нестерпимым жаром, словно сам Митра вдохнул в него пылающий огонь.

По коридору разнеслось эхо шагов обеспокоенных стражников. Судя по звуку, их было около десяти.

— Трусы, — проворчал Конан, несколько раз попытавшись вырвать кольцо резкими рывками.

Охранники принесли пики — так они надеялись успокоить северянина, держась от него на безопасном расстоянии.

Скрипучую дверь отперли ключом, и в камеру ввалились четверо темнокожих вендийцев. Кто-то из солдат посмелее выкрикнул последнее предупреждение. Конан велел ему убираться в пасть к Таугу, после чего продолжил терзать цепь, уперевшись ногой в каменную стену.

Стражники окружили варвара полукольцом и вытянули вперед пики.

Один из них не удержался и чихнул — трое других, вздрогнув, мгновенно отскочили назад. Поворчав друг на друга, они стали приближаться к киммерийцу.

Бах-х-х-х!

С диким криком и целой тонной пыли, неожиданно для себя Конан отлетел от стены, вырвав вместе с кольцом и цепями целый каменный блок, и растянулся на сыром полу как раз возле своего меча.

Испуганные стражники завопили так, словно сам мрачный Азах вырвался на свободу из подземного царства. Тем не менее, пика одно из вендийцев нырнула вниз и клюнула

распростертое тело варвара в левое плечо. Взревев, Конан вскочил — и неудачливый стражник рухнул с черепом, размозженным тяжелым камнем. Свой клинок киммериец не стал поднимать с земли, потому что проку от него было немного — толстые цепи и болтающийся на них блок сильно стесняли движения. Вместо этого Конан размахнулся и нанес новый удар необычным оружием. Другой вендиец отлетел к решетке, у третьего переломилась пика. Четвертый стражник резко выбросил руки с зажатым в них оружием, однако, страх не позволил тюремщику варвара сделать молниеносный выпад. Конан, обладавший поразительной реакцией и ловкостью, пропустил острие мимо себя, потом сокрушил пах противника согнутым коленом и добил скорчившегося вендийца сверху локтем. Тот солдат, у которого северянин сломал оружие, не мешкая, бросился из камеры, забыв запереть дверь. Четверо других стражников оказались настолько парализованы ужасом происходящего, что даже не воспрепятствовали варвару выбраться из железной клетки.

Лязгая цепями, словно настоящий властелин подземного царства, Конан отогнал растерявшихся охранников, и те понеслись вслед за товарищем.

Впрочем, киммериец знал, что подкрепление не замедлится с появлением. Убедившись, что в коридоре никого не осталось, варвар перекинул через плечо цепи, сковывающие руки, с висящим на них камнем, так, чтобы было удобнее идти. Затем он вернулся в камеру темницы, подобрал свой меч, а в коридоре поднял брошенный кем-то из стражников факел.

Теперь следовало отыскать путь наверх.

* * *

Раджа Юсеф был крайне рассержен. Странные посетители искали аудиенции посреди ночи. Юсеф велел бы своей страже немедленно вытолкать взашей непрошеных гостей, если бы не столь высокий социальный статус искателей правды. Отказать в приеме брахманам он не имел права, согласно вендийским законам. И удивительная вышла вещь — Юсефу приснилось, что жрицы ждут у входа во дворец, властный голос воззвал к радже, повелевая подняться и приказать слугам впустить гостей в покои дворца. Видение не рассеялось даже с пробуждением, до тех пор, пока вендиец не выполнил все, что от него требовалось.

Конечно же, это Кесея. Об этом Юсеф догадался слегка запоздало. Высшая жрица дев-браминов обладала непонятной и странной властью над снами жителей Айодхьи. Говорили, что старая чужеземная чародейка в образе привлекательной черноволосой женщины в свое время заставила мехараджуба принять ее в вендийское общество и определить, согласно рождению, ее и избранных учениц в высшую касту брахманов. Непонятно почему правитель Вендии на это согласился. Вероятно, даже мехараджуб склонялся перед мощью магии сновидений.

Общество дев-браминов существовало в Айодхье само по себе. Кесея не ввязывалась ни в какие политические игры, а религиозная знать города, в свою очередь, избегала задевать интересы воинствующих дев Сна. Лишь однажды, помнил Юсеф, советник самого мехараджуба Наджах попытался установить свою власть над независимым обществом. Бедняга сошел с ума от бессонницы. После этого случая никто не решался вставать на пути у Кесеи и ее учениц.

Поэтому и правителю Айодхьи не хотелось идти на конфликт с обществом жриц. Чего бы ни хотели брамины, их пожелания придется выслушать.

Юсеф принял посетителей в главном зале. Здесь в роскоши и богатстве интерьера он чувствовал себя уверенно. Удобно развалившись на мягких подушках, раджа приготовился к утомительной беседе, состоящей из вопросов гостей, на которые он должен был отвечать мягким «нет». Что странно, Кесея не торопилась переходить к делу — верховная жрица обсуждала с раджой планы на будущее, скромно интересовалась доходами и прибылью, полученной с торговли, и даже коснулась отвлеченных тем, вроде взаимоотношений Вендии с другими государствами. Жрица не раз подчеркивала, что пост правителя столицы требует немало усердия и терпения, и что занимать его может только очень мудрый человек. Юсеф со спокойствием беседовал с высшей девой-брамином, отвечал на все ее вопросы, хотя в душе его росла тревога. Ему совсем не нравился спокойный тон жрицы, который никак не вязался со срочностью миссии, с которой брахманы пожаловали во дворец.

Слишком поздно раджа почувствовал ловушку. Разумеется, пустая болтовня Кесеи не имела ничего общего с целью визита, по ответственность за выполнение задания лежала не на верховной чародейке. Две девушки за ее спиной! Все это время они, не отрываясь, смотрели Юсефу в глаза, пока Кесея вела пустые речи. И по мере продолжения разговора у вендийца возникало все большее желание взять тяжелую связку ключей ото всех комнат дворца, отпереть темницу и выпустить оттуда всех узников. Нет, не всех… Одного. Варвара-киммерийца по имени Конан, пойманного этим вечером и осужденного на казнь за убийство вайшьи Судир Шаха и пятерых солдат-кшатриев.

Когда Юсеф разгадал хитрый фокус, было уже слишком поздно — воля раджи отныне ему не принадлежала. Он осознавал, что должен сделать нечто предосудительное, но не сомневался в том, что он это выполнит. Точно некий невидимый добрый советчик убеждал его в том, что рекомендуемые брахманами действия принесут только пользу. Юсеф не мог противиться настоятельным советам.

Правитель Айодхьи поднялся и пошел в свою комнату за ключами.

Глава V

К несчастью, покои дворца Юсефа охраняли не только простые солдаты. Если стражники не уловили никаких перемен в поведении хозяина, то Саттар, придворный волшебник, брахман ордена Луны, хоть и не сразу, но сумел разобраться в происходящем.

Жрецы, поклонявшиеся ночному светилу, специализировались в дозоре в темное время суток и практиковали магию, хранящую спокойствие сна обитателей дворцов. Магия Луны основывалась на учении Ассала Чана, который согласно легенде, получил от Асуры особый дар. Брамины общества были не столь сильны и искусны в управлении сном, как ученицы Кесеи. Их умения во многом отличались от тех, какими располагали девы-брамины. Жрецы могли лишь обеспечить невидимую защиту для тех, кто уже спал или, наоборот, послать прилив сил тем, кто бодрствовал в ночном дозоре. Но поклонники ночного светила не могли проникать в сами сновидения, как это получалось у жриц Кесеи. Покровительственная магия браминов Луны была широко востребована вендийскими правителями для охраны своих дворцов.

Саттар на сегодняшний день был, пожалуй, лучшим магом своего ордена. В одиночку он заботился обо всем, что происходило во дворце Юсефа ночью: отводил от чертогов дурные мысли горожан, адресованные радже, следил за тем, чтобы стража не уснула на своем посту, но главное он обеспечивал поддержку невидимой оболочки магической защиты. Любое тревожное дребезжание этой сферы свидетельствовало о проникновении во дворец чужого колдовства. Так оболочка уже раз ощутила легкое волнение вечером, когда Кесея незримо помогла Конану вырваться из ловушки кошмаров Шао Луна. Но вечером магия Луны была не особенно сильна, пока светило не взошло на небосвод. Теперь же чуткая сеть, оплетшая многие комнаты покоев, и в особенности те, где отдыхал раджа Юсеф, нещадно колыхалась. Первый раз, когда Кесея послала владыке тревожный сон, нарушивший его покой, и второй раз, когда Исира и Алиэль дерзко вторглись в самую глубину сознания Юсефа, заставив его принести ключи и отпереть темницу. Поначалу Саттар просто встревожился, но как только Кесея прекратила слать чары, колдун успокоился. А когда две ученицы верховной жрицы загипнотизировали правителя, Саттар забил тревогу. Защитная оболочка, индикатор спокойствия, колебалась как при сильном шторме, и это свидетельствовало о том, что владыке дворца угрожала опасность. Чародей Луны выбежал из покоев своей волшебной башни, прилегающей к дворцу, и кликнул стражу. Саттар не знал, что именно нарушило спокойствие обитателей дворца, но был твердо уверен, что происходило нечто необыкновенное, не укладывающееся в рамки повседневного быта. Установить причину и наказать нарушителей являлось основной задачей брахмана, когда он в сопровождении многочисленной охраны ворвался в зал, где группа из шестерых спасителей варвара ожидала, пока Юсеф принесет ключи от темницы.

План Кесеи уже был близок к осуществлению — раджа нашел связку ключей и направлялся с ней к жрицам.

— Повелитель околдован! — раздался истошный вопль мага, который заметил, с каким отсутствующим видом Юсеф движется по залу.

Охранники дворца с выставленными копьями и обнаженными мечами бросились на чужаков.

Вало, с его огромным кладом опыта в ведении поединков, первым успел оцепить ситуацию. Гигант встал между девами-браминами и приближающимся противником. Таллок от такого резкого поворота событий забыл про все колдовские фокусы, которые собирался применить в случае опасности. Кесея приготовилась сотворить какое-нибудь заклинание, но для этого верховной жрице требовалось время. Исира и Алиэль контролировали разум раджи и не могли отвлекаться на сражение. Алекса растерялась не хуже Таллока.

Вендиец-великан сорвал со стены штору, другой рукой подхватил с пола горящий светильник с длинной ручкой. Подпалив ткань пламенеющим маслом, Вало взмахнул пылающей шторой. Трое или четверо охранников остановились, чтобы не коснуться взревевшего пламени. Правой рукой с железным светильником он отбил направленные в его грудь острия копий, затем повторил атаку горящей шторой, отогнав рвущихся в бой стражников.

Несмотря на стойкий отпор, который сумел организовать нерастерявшийся палач дев-браминов, численный перевес был не в пользу группы спасителей. Стражников, сбежавшихся в зал по зову Саттара, насчитывалось около двух дюжин.

Алекса, наконец, справилась с замешательством. Девушка создала правдоподобную иллюзию огромного светловолосого воина, возникшего за спиной вендийцев. Охранники в недоумении остановились, гадая, как в зал сумел попасть новый противник. Вало мгновенно описал в воздухе дугу тяжелым светильником, который закончил путь на шее одного из воинов. Позвонки хрустнули, охранник дворца упал. Железный светильник качнулся в противоположную сторону, и еще один стражник, оказавшийся ближе всех к Вало, отлетел назад с разбитой головой.

Пока люди Юсафа разобрались, что имеют дело с обычным оптическим обманом, их настоящий оппонент бросил горящую штору в толпу и в мгновение ока обезоружил двух солдат. Выхваченное копье Вало тут же использовал, пронзив им грудь стражника. Вместо светильника великан вооружился куда более действенным мечом. Кривой клинок свистнул — и вошел точно в горло оглядывающегося охранника. Кажется, его предсмертный хрип вернул остальных к действительности.

Солдаты Юсефа набросились на гиганта-вендийца и погребли его под грудой тел. Вало отпустил рукоять меча, застрявшего между чьих-то ребер и, орудуя голыми руками, разбросал по сторонам полдесятка противников. Те, что устояли на ногах, разом атаковали великана. Вало получил три сильных пореза руки, чья-то пика, благодаря чуду Асуры или Катара, прошла мимо груди грозного вендийца, едва не проткнув его сердце.

Уже следующий миг мог стать для великана последним — к атакующим присоединились все солдаты Юсефа, посчитав Вало единственным опасным противником.

Но они забыли про Кесею!

Верховная жрица как раз закончила свое заклинание.

— Спать! — в исступлении выкрикнула дева-брамин. — Всем спать!

Стражники замерли. Веки каждого дернулись, ноги подкосились, а руки опустили оружие. Но никто из стражи правителя Айодхьи не провалился в сон, как рассчитывала волшебница.

Таллок первым понял причину того, почему заклинание сработало не в полную силу. И дело было вовсе не в умении верховной жрицы.

В углу притаился вражеский маг Саттар, который тоже не терял времени. Благодаря стараниям брахмана ордена Луны, воины Юсафа держались на ногах.

Юноша подскочил к чародею и сделал первое, что пришло ему в голову — ударил колдуна кулаком в живот. Потеряв весь воздух из легких, с приостановившимся дыханием, чародей закашлялся и согнулся, хватаясь за складки своего халата. В то же мгновение все солдаты попадали на пол, шумно загремев оружием.

— Ты молодец, юноша, — похвалила Кесея Таллока.

Вало сорвал с одного из охранников плащ и перевязал им свою огромную руку чуть повыше локтя, чтобы остановить кровь.

— Рана серьезная? — спросила верховная жрица великана.

— Пустяки. Нужно убираться из этого зала. Скоро здесь будет вся охрана дворца.

— Алекса, ключи! — Алиэль кивнула на остолбеневшего Юсефа.

Девушка подбежала к правителю и вырвала из его онемевшей руки тяжелую связку.

К Юсафу подошла Кесея и положила ему на лоб указательный палец.

— А теперь спать!

Раджа провалился в глубокий сои, даже не потрудившись упасть на пол.

— А с этим что делать? — спросил Таллок, который держал за шиворот брахмана Луны.

— Пусть он проводит нас до темницы, — предложила Исира.

Никто не стал с ней спорить.

* * *

Конан ступал осторожно, чтобы не греметь цепями. Ходьба с тяжелым камнем на плече не была легкой прогулкой. Приходилось поминутно останавливаться, чтобы прислушиваться к звукам шагов. Враги не должны застать его врасплох.

Один раз варвар остановился, чтобы разжать оковы с помощью своего меча. Ему удалось снять цепи со своих щиколоток, но те, что сжимали его запястья, оказались гораздо прочнее. Чтобы избавиться от ручных оков, требовалось взяться за работу в полную силу, а, следовательно, наделать много шума, что крайне нежелательно. Охранники могли притаиться где-нибудь поблизости.

Другой раз он остановился, чтобы не встретиться лицом к лицу со своими тюремщиками. Теперь, когда их было много и все они были подготовлены, а эффект неожиданности отсутствовал, шансы выигрыша в короткой стычке у киммерийца заметно поубавились. Конан нырнул во мрак одной из пустующих камер и спрятался за дверью. Факел пришлось загасить.

Пусть только сунутся — одного или двух он успеет убить в темноте, прежде чем вендийцы придут в себя и атакуют варвара в полную силу.

К счастью, все обошлось. Свет мелькнул только в соседнем коридоре. Потом гулкий топот стих, и Конан вновь остался один, объятый тишиной.

Отсчитав сотню шагов по коридору в северном направлении, киммериец понял, что он на правильном пути. Каким-то образом ему удалось проскользнуть незамеченным мимо заслонов тюремной стражи. Выход из темницы был близко, но там-то его точно встретят враждебно настроенные охранники. Еще ни разу не было такого, чтобы выход не охраняли солдаты, конечно, если темница не была магической. А в казематах, опечатанных злым

чародейством, нередко водились такие мерзкие и страшные создания, по сравнению с которыми, вендийские стражники казались добрыми приятелями. Значит, если тюрьма не заколдованная, вырваться из нее можно.

Конан остановился.

Коридор заканчивался тупиком с тесным проходом направо. Варвар подкрался и заглянул за стену. За столом при тусклом свете факела играли в нарды два вендийца. Похоже, общая суматоха их не коснулась, или эти двое удачно делали вид, что не коснулась. Узкий проход заканчивался поворотом налево, который предполагал еще один небольшой коридор, по всей видимости, ведущий к выходу. Об этом киммериец догадался, едва взглянув на подрагивающие язычки пламени факелов дальней стены — в коридор врывался ночной ветер с улицы.

Кроме двоих стражников, плененных игрой, Конан заметил кое-что еще, что ему совсем не понравилось. Вернее, услышал. Низкий рык, исходящий из того самого заветного коридора, ведущего к свободе. Времени на размышления оставалось мало — в любое время могла вернуться стража, отправившаяся за ним в погоню по темным ярусам темницы.

Северянин решил действовать без промедления.

Подняв с земли небольшой камешек, Конан размахнулся и бросил его к дальней стене коридора. Стражники насторожились и прекратили игру. Оба вендийца посмотрели в ту сторону, куда упал камень, брошенный варваром, и отвернулись от прохода, в котором притаился киммериец.

Быстро ступая по земле, Конан скользнул к столу с двумя охранниками.

Только бы не загремели цепи!

Лязг звеньев раздался в тот момент, когда могучие руки варвара уже сгребли затылки обоих стражников, и воин с силой столкнул вендийцев лбами. Один из них повалился на стол, перевернув доску с нардами.

Слишком просто.

Ни у кого из двух охранников не было ключей от входа. Возможно, на ночь темницу запирали с внешней стороны. И именно поэтому к тюремщикам до сих пор не пришла подмога. Но как отсюда выберется он?

Конан пробежал дальше и свернул в последний коридор.

Великий Митра!

Вот и выход. Но кто его охраняет!

В пятнах красноватого света на земле лежали две огромные черные кошки, помахивая тяжелыми хвостами. Ошейники пантер держали цепи, которые позволяли хищникам дотянуться до любого беглеца и мгновенно изодрать его в клочья когтистыми лапами. За грозными стражами высились четыре угловатые ступеньки и решетка, ограничивающая пространство тюрьмы от всего остального мира. Решетку, может быть, сломать удастся, но что делать с этими кровожадными зверями?

Одна из пантер, заметив Конана, раскрыла пасть и зарычала. Проскочить мимо них не получится, тем более, с грузом тяжелого камня. Варвар решил, что лучше дать на растерзание хищникам двух вендийцев-стражников. Тогда у него появится шанс избежать лишнего внимания со стороны чертовых кошек.

Солдаты явились сами. Двое оглушенных киммерийцем охранников спокойно спали, даже не подозревая, что им готовил сбежавший узник. Зато десять других стражей тюрьмы вернулись из коридоров сырой темницы и обнаружили двоих мирно спящих охранников.

Разумеется, вендийцы догадались куда, делся Конан. И через несколько мгновений варвар оказался зажатым между отрядом стражников и парой кровожадных пантер.

Один из подоспевших охранников оказался слишком смел и самонадеян. С яростным криком и молитвой богам он бросился на Конана. Киммериец воткнул в землю свой клинок, и прежде чем острое копье врага проткнуло его живот, он перехватил обеими руками оружие вендийца. Дальше, не нарушая траекторию движения охранника, варвар позволил ему пронестись мимо себя, ускорив бег. Со своим рвением солдат прибежал прямо в лапы голодных кошек. Раздался отчаянный крик.

Не оглядываясь, чтобы увидеть жестокую расправу, киммериец рванулся в сторону стражников, но те не пустили его назад, выставив пики и копья. Наоборот, вендийцы сами начали наступать, медленно оттесняя противника к злым пантерам.

Конан оказался в затруднительном положении.

* * *

Таллок нашел общий язык с придворным магом. Саттар совсем не привык к насилию, и кулак юноши-странника красноречиво убеждал брахмана в необходимости взаимовыгодного сотрудничества. Девы-брамины не смогли бы оказать на поклонника луны столь сильного влияния, а возьмись за него Вало, чародей бы попросту умер со страху, так ничего и не сказав.

Саттар показал группе путь к темнице. Благо, тюрьма раджи находилась в дворцовом дворе, так что далеко бежать не пришлось. Уже вдали спасители Конана заметили толпы солдат, стекающиеся к дворцу правителя. Времени оставалась самая крупица. Еще несколько минут, и их поймают.

До входа, загороженного решеткой, группа домчалась, наверное, вдвое быстрее, чем это бы сделал сам Повелитель Ветров. По дороге Кесея успела понять, что ее безумная затея ничем хорошим не кончится. Даже если они и проникнут в темницу, то где отыщут варвара? А если отыщут, то как выберутся на поверхность и пройдут мимо доброй сотни солдат? Всех усыпить просто невозможно.

Тем не менее, поворачивать поздно. Слишком высоки ставки. Если Конана повесят утром, то его неживое тело покончит со всем обществом брахманов Сна в этот же день. И это будет только начало далеко идущих планов Шао Луна.

— Смотрите! — крикнул гигант Вало, который первым добежал до решетки.

Вся группа, включая и Саттара, заглянула туда, куда указывал огромный вендиец. В коридоре, скромно освещенном светом чадных факелов, кипела битва. Высокий человек, немногим уступавший размерами Вало, сражался с целой дюжиной копейщиков. Вендийцы тыкали в варвара копьями, но поражали лишь воздух. Плечи воина покрывали кровоточащие раны, но это было ничем в сравнении с тем, что получили трое солдат. Один из них был мертв — его разодрали на части две беснующиеся за спиной варвара кошки, которые натягивали цепи, силясь достать воина лапами. Другому он сломал руку, и копейщик скулил, схватившись за предплечье, перебитое тяжелым канем. Третьему охраннику варвар пропорол живот своим клинком. Тучный вендиец осел у стены недвижной грудой мяса.

— Это Конан! — воскликнул Таллок. — Нужно помочь ему!

— Отпирай дверь, Алекса! — крикнула Кесея ученице.

Девушка склонилась над замком, запирающим дверь, выискивая нужный ключ.

— Быстрее!

Конан не уступал. Хоть стражники и оттеснили его к самой зоне досягаемости удара страшных лап, варвар не позволял людям Юсафа взять над собой верх. Дюжина солдат сократилась до десятка. Однако и этих было достаточно, чтобы отправить киммерийца к праотцам. Не сделают этого они, свежей кровью полакомятся рычащие хищники. На выпады диких зверей киммериец не отвлекался, несмотря на то, что одной из голодных бестий уже раз удалось вскользь располосовать его спину. Как только десяток охранников получит подкрепление с нижних этажей, схватка завершится не в пользу сбежавшего узника.

Конан уклонился от нового выпада, потом резко подался вперед и набросил цепь на шею вендийца. Выпученные глаза мелькнули совсем рядом с лицом варвара. Конан быстро развернул податливое тело, и с хрустом сломал шею солдата.

Девять.

Спиной он чувствовал, как кто-то пытается отпереть дверь. Судя по голосам, в которых не было злобы, союзники. Неужели кто-то пришел ему на выручку? Но как, во имя Крома, пробраться к выходу мимо дьявольских кошек и не получить удар в спину от тюремной стражи?

Ключ в руках Алексы жалобно скрипел, но дверь не отпиралась.

— Замок заело! — в отчаянии воскликнула девушка.

Вало отстранил ученицу Кесеи, и навалился на решетку своим грузным телом. Прутья прогнулись. Тогда гигант просунул руку в образовавшийся проем и пошевелил замок с внутренней стороны, после чего ключ легко повернул механизм.

Кесея вошла в темницу первой и магией иллюзии создала для каждой пантеры образ маленького зверька, спасающего свою жизнь. Это отвлекло хищников от киммерийца.

— Конан, сюда! Северянин быстро обернулся.

— Кром! — воскликнул варвар, когда увидел, чем занимаются черные кошки. Ему-то не были видны образы зверьков, за которыми охотились звери.

Не теряя времени, он пробежал мимо опасных животных, которые даже не взглянули в его сторону, увлеченные призрачной охотой. Менее смелые стражники замешкались. Едва Конан добрался до выхода, Кесея убрала иллюзорные образы, и пантеры зарычали на реальных людей. Вендийцы, пустившиеся было в погоню за варваром, в ужасе отпрянули назад.

Алекса быстро, закрыла дверь на замок, как только киммериец и ее наставница выбрались из тюрьмы.

— Теперь бежим!

Группа из восьми понеслась к воротам. Если перелезть через забор раньше не составляло труда, теперь сделать это было не возможно. Путь к отступлению отрезали солдаты Юсефа. Во дворе их было целое море.

— Попались… — сделал вывод Таллок. Конан огляделся, потом указал на группу солдат, которые заметили беглецов.

— Будем драться, — сказал варвар.

Вало приготовился последовать примеру киммерийца.

— Бесполезно. Из здесь сотни. Справимся с этими, прибегут другие.

— Сожри тебя Азах, парень! Неужели тебе не проще лечь и умереть прямо сейчас?

— Скажи ему, чтобы приказал солдатам остановиться, Таллок, — крикнула юноше Алекса. Странник совсем забыл, что до сих пор держит колдуна за шиворот.

— Они меня не послушают, — захныкал поклонник ночного светила.

— Тогда ты умрешь вместе с нами, — сквозь сжатые зубы прорычал Конан.

— Подождите, — внезапно вспомнил юный ученик кхитайских чародеев. — У меня есть идея, как нам выбраться из этого котла Азаха.

Таллок потянулся за темным пузырьком с жидкостью.

— Что бы ты там ни надумал, делай это быстрее, — крикнул юноше Конан. — Я уже отсюда вижу у охранников небольшие луки. Если мы ничего не предпримем, то скоро станем похожими на ежей.

— Мне нужно время, — сказал странник. — Совсем чуть-чуть.

Конан изрыгнул проклятье.

Исира и Алиэль сосредоточились на вражеском войске. Девушки выбрали своей мишенью для гипнотических чар одного из солдат Юсафа. Расстояние для внушения было не совсем подходящее, но ученицы Кесеи верили, что это должно сработать.

Когда охранники приблизились к группе настолько, чтобы засыпать вторгшихся во дворец кучей стрел и уже начали готовить к стрельбе луки, один из них внезапно вынул кинжал и вонзил клинок в шею своему товарищу. Удивленные воины замерли, а загипнотизированный стражник убил еще одного солдата раджи. Пораженные ужасом вендийцы растерялись, и группа выиграла время.

Таллок приготовил свое волшебство. Расплескав дурно пахнущую жидкость из пузырька вокруг группы, юноша стал читать заклятье, которому его обучил Сэиь И, кхитайский маг. Уповая на то, что ничего не напутал и, надеясь на покровительство Тай-Хао, Таллок закончил последнюю строчку.

Ничего не произошло.

Вало грозно нахмурился, Конан изрыгнул еще десяток проклятий, упомянув всех известных ему богов, девы-брамины замерли в ужасе ожидания. К отряду вендийских лучников присоединилось два десятка копейщиков, которые побежали в сторону беглецов.

— Прихвачу-ка я десяток с собой, — прорычал киммериец, — чтобы мне было не одиноко в гостях у Крома.

— Тише!

Все взоры обратились в сторону верховной жрицы Сна.

— Чародейство удалось, — сказала Кесея. — Они нас не видят!

И в подтверждение ее словам отряд вендийцев-охранников пронесся мимо.

— Усталые глаза Иштар… — вздохнул Таллок. — Я — великий чародей!

— Ты будешь мертвым чародеем, если не заткнешься, — сказал ему Конан.

— Сколько действует эта магия, Таллок? — шепотом спросила Кесея.

Юноша пожал плечами.

— Этого мне не говорили.

— Нужно поскорее убираться отсюда, — напомнил Вало.

Восемь беглецов побежали к воротам.

— Старайтесь держаться вместе, — предупредила Кесея. — Думаю, это колдовство действенно только тогда, когда мы все вместе в пределах невидимого круга.

— Смотрите, чтобы этот не удрал, — киммериец кивнул на брахмана Саттара. — Он

может испортить всю магию.

Колдун только жалобно вздохнул.

Позади послышались крики недоумевающей стражи. Вендийцы носились через весь огромный двор, безуспешно пытаясь отыскать пропавших беглецов.

Визит к Крому пока откладывается, решил Конан.

Глава VI

Из дворцового двора беглецы выбирались подобно призракам — никто их не видел и не пытался остановить. Один вендийский солдат налетел на Вало-великана и растянулся на земле. Поискав глазами невидимую преграду, стражник, так ничего и не поняв, подобрал оброненный меч и понесся догонять остальных. На этом злоключения кончились. Группа успешно оставила позади дворец правителя и стала осторожно пробираться по светлеющим улицам Айодхьи в «Очи Катара», чтобы сделать последние приготовления к пути.

Утреннее солнце расплескало на город скудные блики желтого цвета.

В таверне для браминов их ждала Диаса. Девушка позаботилась о том, чтобы нанять караванщиков, которые согласились вывезти группу из города. На площади соседнего квартала брахманов и их друзей уже ожидали три готовые к путешествию слона с погонщиками. Магия Таллока рассеялась сразу, как только оранжевый диск всплыл над домами города.

Собрав вещи, Кесея со своими ученицами отправилась на площадь. Конан, Таллок и Вало последовали за девами-браминами. Саттар, лунный маг, поплелся вслед за всеми.

— Не оставляйте меня! — взмолился колдун. — После всего, что случилось я не смогу остаться в городе. Раджа велит разыскать меня и казнить.

Кесея и Конан посмотрели друг на друга. Варвар пожал плечами.

— Одним колдуном больше, одним меньше… Пусть идет, если хочет.

В небольшой башенке на спине слона умещалось как раз четыре человека. Одно место занимал погонщик, три других предназначались для путешественников.

Конан, верховная жрица и Диаса забрались в беседку ведущего слона, Таллок, Алекса и Саттар в башню другого, гигант Вало, Исира и Алиэль — на спину животного, замыкавшего шествие.

Наступило время распрощаться со столицей Вендии.

Караван тронулся в путь.

Киммериец сурово улыбнулся — новый день для него наступил, и ничто не предвещало тревоги.

— Я видел тебя во сне, — сказал варвар Кесее. — Ты возникла из сияющего коридора и протянула мне руку. Я, наконец-то, сумел выбраться из бездны, куда меня заточил проклятый кхитайский колдун. Догадываюсь, этот подлец нам одинаково неприятен. Но, пожалуй, невежливо начинать знакомство подобным образом. Я…

— Конан из Киммерии, — кивнула жрица.

— Колдовство! — возмутился варвар. — Откуда ты знаешь мое имя?

— Я знаю много того, что недоступно простому смертному, ибо я — Кесея.

— Никогда раньше не слышал, — проворчал киммериец.

В больших темных глазах верховной девы-брамина мелькнула насмешливая искорка с долей симпатии.

— Ты еще очень юн, воин. Я прожила долгую жизнь, больше ста зим, и разные народы знали меня под разными именами — Адана, Ираэн, Повелительница, Путешествующая-в-Тени, Кая. Аданой меня звали в детстве, а Кая — это первое имя, которое дали мне люди общества. В Вендии меня знают, как Кесею, верховную жрицу брахманов Сна.

Конан с недоверием оглядел свою собеседницу.

— Больше ста зим, говоришь? Хотя, у вас, чародеев, по-другому и не бывает. А как звучит твое настоящее имя, Кесея?

Женщина нахмурилась.

— Тебе это необязательно знать, киммериец. Теперь усмешка мелькнула на лице Конана.

— Настоящее имя колдуньи не должен знать никто, верно? Неужели ты и в самом деле веришь, что тот, кому ты доверяешь секрет настоящего имени, способен забрать всю твою силу?

— А ты веришь в это, Конан?

— Предрассудки, — отмахнулся варвар. — У меня на родине люди говорят, что Кром распределяет силы смертных до их рождения. Если бы он хотел сделать тебя слабее за счет другого человека, то отдал бы ему дар прежде, чем тот появился на свет.

— Эти предрассудки отнюдь не беспочвенны, Конан, — сказала волшебница. — Тот, кто низверг тебя в темницу кошмаров, знает твое имя.

— Пусть так. Но как только я узнаю его имя, я безо всякого колдовства приду и вырву его поганое сердце, даже если он спрятался за пазухой у Властелина Теней. Клянусь дланями Иштар, я жестоко отомщу чернокнижнику, пожелавшему отнять у меня свободу и превратить в своего раба.

Кесея недоверчиво покачала головой.

— Ты знаешь, кто он? — спросила она киммерийца.

— Нет.

— Ты знаешь, где его искать?

— Нет.

— Тогда ты, вероятно, знаешь, как его одолеть?

— Нет.

— В таком случае, на что же ты рассчитываешь?

Конан грозно нахмурился, но помолчал. Волшебница права: у него нет никаких шансов найти неведомого врага. Даже если чернокнижник занимается своей черной волшбой в Кхитае, на его поиск может уйти не один год. Кесея сама пришла на выручку северянину:

— Я помогу тебе.

Конан бросил на нее быстрый взгляд. За последнее время любые колдуны, даже самые безобидные, вызывали у него стойкую неприязнь.

— Почему?

— У меня свои счеты с тем, кого именуют Шао-драконом.

— Будь я проклят, если стану разменной монетой в вашей нечистой игре, — сказал варвар. — Почему ты думаешь, что я должен тебе доверять?

— Разве не я помогла тебе снять колдовские чары? Разве не мои ученицы вытащили тебя из темницы Юсефа?

— Меня это не убеждает. Что ты хочешь взамен на свою помощь?

— Ничего. Шао Лун — мой кровный враг, я желаю расправиться с ним раз и навсегда.

— Какой же выигрыш ждет тебя, если ты одолеешь кхитайского мага?

— Жизнь. Я сохраню свою собственную жизнь. Киммериец задумался.

— Неужели этот Шао Лун настолько опасен?

— Намного опаснее, чем ты себе представляешь. Он хитер, коварен, умен и расчетлив.

Помимо всего прочего, его магический потенциал очень велик.

— Что такое магический потенциал? — нахмурившись, спросил киммериец.

— Тебе не понять, варвар, — улыбка тронула тонкие губы жрицы. — Просто поверь, что он достаточно силен, чтобы подчинить целый легион злобных существ, и предела его возможностям не существует.

— Человек не может быть всесильным, — возразил Конан. — Если бы люди были равны богам, они бы давно низвергли Имира и Крома. Но боги продолжают царствовать, а люди — стариться и умирать. Даже если этот Шао Лун — величайший из магов, его сразит сталь меча.

— Ты рассудителен и мудр, Конан, — взгляд Кесеи скользнул по телу киммерийца, так что его сотрясла легкая дрожь от блеска ее темных глаз. — Необычная черта для воина. Сила и ум редко пребывают в гармонии. Меня привлекает подобное сочетание в мужчинах. И если бы я была помоложе лет на пятьдесят — (легкая улыбка), — вдвоем мы бы перевернули весь мир. Однако мое величие осталось в прошлом, в то время как для тебя в будущем открыты все границы…

Голос волшебницы не заставлял усомниться в правдивости слов. Та, которую называли Каей, Ираэной, Повелительницей, Аданой, Путешествующей-в-Тени, действительно знала и видела многое, недоступное простому смертному. Ее пророческий голос на несколько коротких мгновений перенес Конана в смутное видение из будущего. Вот он, властный и грозный, в черной, как ночь кольчуге, возвышается на троне. Вокруг него, мудрого и сильного правителя, собрались избранные рыцари западного королевства. На город надвигается огромное войско, говорит его преданный вассал, и ведет его никто иной, как сам Тзота-Ланти, колдун…

Видение померкло и исчезло.

Кесея, видя замешательство варвара, вновь слегка улыбнулась в ответ на немой вопрос.

— Я не могу видеть будущее, — сказала она. — Я читаю лишь ту сокровенную книгу, что хранится глубоко в сознании каждого отдельного человека. Ты сам показал мне несколько страниц. Остальное неясно.

— Великий Кром… — прошептал пораженный варвар. — Я стану королем?

На несколько мгновений Конан замолчал.

— А как же твое прошлое, Кесея? Какая история у тебя, могучая волшебница?

— Что я могу рассказать? Начну с того, что детство мое во многом отличалось от того, которое присуще обычным детям. Отца и мать мне заменяли призрачные существа, чем-то похожие на людей. Я жила в мире, которым правил мудрый бог Гипнос-Рен. И теперь я уже не могу сказать, было ли то пространство реальным или являлось всего лишь частью моих детских иллюзий. В этом замкнутом мире я обучалась таинствам чародейства Сна. Впрочем, я могу тебе показать, если… не боишься моей магии.

— Не боюсь, — твердо сказал киммериец. — Я хочу это увидеть.

— Тогда закрой глаза.

Конан подчинился.

В следующий миг его захлестнула волна ярких сновидений.

* * *

Круглый зал, облицованный миллионами крошечных алмазов, заполняла мягкая полутьма. Слабое свечение исходило лишь из большой круглой сферы, медленно вращающейся в центре зала. Свет касался искрящихся стен, быстро вспыхивал и таял на гранях мелких камешков.

На рубиново-красном полу, исписанном кривыми знаками-символами, сидели двое детей, которые неподвижно следили за тем, что происходило в глубине вращающегося прозрачного шара.

Девочка лет семи со светлой кожей, темными волосами и карими глазами, одетая в белую мантию с голубыми нашивками, и мальчик-кхитаец с наголо выбритым черепом в желто-красном халате, расшитым золотыми нитями. Отроки наблюдают за светящимися бликами-мотыльками внутри сферы.

— Покажите мне, — льется тихий шуршащий голос откуда-то сверху. — Покажите мне, что видите, дети мои!

Девочка, не меняя позы, с тем же отстраненным взглядом еще пристальнее вглядывается в светлый шар. Один из мотыльков разрастается в облачко белого тумана, которое представляет невидимому взору наставника красочную картину. Героем сцены является сама юная ученица.

Солнечная поляна.

Девочка идет по траве, и вокруг нее вьются тысячи разноцветных бабочек, помахивающих своими радужными крыльями. Откуда-то издалека летят звуки нежной трели свирели. Чарующая мелодия зовет в далекий край, подернутый голубоватой дымкой. Девочка, вторя манящей вдоль трели, напевает веселую песню.

— Хорошо, Адана! Теперь ты, Шао!

Внезапно девочка, та, что беззаботно шествовала во сне, споткнулась об корягу. Из рассеченной детской ступни побежала кровь. Юная фея хотела заплакать, но ее сковал ужас, когда она взглянула на то, что заставило ее повредить ногу. Толстый трухлявый сук вдруг обернулся человеком небольшого роста, черты его лица напоминали те, которыми обладал мальчик-кхитаец. Искаженная злобой гримаса источала презрение и враждебность, в то время как лицо прообраза наполняла безмятежность и спокойствие. Черная кора коряги лопнула подобно змеиной коже, раскидав вокруг липкие и тугие комки червей.

Трель затихла, уступив место пронзительному шипению. Голубоватый свет долины померк, и на горизонте возникли караваны багровых туч с налетом желтизны. Яркие ветки молний ударили вниз, тяжелые облака ускорили свой бег, точно дождевое воинство возжелало раздавить всех земных обитателей. Солнечный свет быстро угас, и девочка оказалась в ловушке красноватой мглы, сочащейся с небес. Молнии лизнули землю совсем рядом с юным созданием, рассыпая водопады ярко-оранжевых искр. Трава заполыхала огнем — из пламени на девочку глянули лики бесформенных существ. Юная фея в ужасе закрыла лицо ладонями и закричала. Туманное облачко видения в сфере быстро растаяло.

Реальный двойник девочки в зале не шелохнулся, но из-под прикрытых век ребенка выскользнула слеза, оставив на щеке влажную дорожку. Мальчик в желто-красном халате с искренним равнодушием посмотрел на юную волшебницу.

— Ты слишком наивна, Адана, — произнес тот же шелестящий голос сверху. — А твои мысли, Шао, выдают излишнюю жестокость. Ваши недостатки — это и ваши сильные стороны. Я не буду вмешиваться в процесс познания. Развивайтесь и учитесь, не стесняясь

своих предпочтений, дети мои, и ваши таланты найдут применение.

Равнодушный взгляд молодого мага вновь скользнул по печальному лицу девочки. На этот раз в его глазах сверкнул едва заметный блеск жестокости.

Веки Конана дернулись, но он не открыл глаз, окунувшись в новую волну сновидений.

Теперь в том же зале сидят два подростка. Тот же юный кхитайский чародей и повзрослевшая девочка с глубокими карими глазами. Обоим не больше двенадцати-тринадцати лет. Так же неярко светится вращающаяся прозрачная сфера, так же сверху льется неспешный голос, лишенный эмоций:

— Впервые, ученики мои, вы странствовали по стране снов без моего сопровождения. Вы заглядывали в места, раннее запретные. Что видели вы, владыки сновидений?

— О, великий Гипнос-Рен, повелитель сна! — заговорил юноша. — Я разговаривал с тенями и возвращал к жизни умерших!

— Я пила дневной свет и успокаивала встревоженных покойников, — сказала девочка.

— Я призывал на землю существ из бездны, объятых вечным пламенем!

— Я закрывала бездонные провалы и гасила огонь каплями весеннего дождя.

— Я поселял безумие и страх в душах великих полководцев, призывая их начать кровопролитные войны!

— Я несла покой и утешение владыкам, заставляя забыть их о ссорах.

— Я тревожил безмятежный сон младенцев, вынуждая их стенать на руках у матерей!

— Я накрывала крошек покрывалом из звезд, даря им сладкие сны.

— Я расшатывал веру праведных, заставляя их оставить последнюю надежду!

— Я обещала исполнение сокровенных желаний ищущим, умерив их отчаяние.

— Я вгрызался зубами в сны, отравляя их горечью кошмаров!

— Я выпивала до капли губительный яд и оставляла в сновидениях сладкую росу пробуждения…

Мерцанье в алмазной комнате стихло. На краткий миг прозрачный шар остановился, затем возобновил свое вращение.

— Великолепно! — произнес некто высший по имени Гипнос-Рен. — Вы многому научились, дети мои. Ваше первое путешествие доказало, что вы можете самостоятельно бродить в стране снов, управляя желаниями ее обитателей. Но это еще только начало, и вам предстоит многому научиться, многое постигнуть. Вы оба обладаете талантами, каждый из которых по-своему уникален. Впредь никогда не забывайте о своих великих способностях, ибо я хочу, чтобы вы стали единственными хозяевами эфирного мира сновидений на земле.

— Я стану твоим наместником, правитель! — сказал юный чародей.

— Конечно, Шао. Но не забывай, что у тебя есть твоя духовная сестра, Адана.

— А если она умрет, повелитель? Тогда я стану единственным хозяином страны снов на земле?

— Да, ученик. Но, помни, ты не должен причинять ей страдания. Ты не должен использовать свои умения, чтобы ей навредить.

— Никогда, наставник. Я никогда не трону ее… «Сам», — добавил отрок вполголоса, но Гипнос-Рен услышал его. Хозяин снов прочитал бы даже мысли своего ученика, но хитрый бог не сказал ничего. Возможно, он предвидел, что распря между магами, которых он обучил, рано или поздно станет неизбежной.

…Новый эпизод сна-воспоминания, который подарила Конану жрица, заполнил сознание варвара.

Шао и Кая вдвоем стояли в безлюдном переулке ночного города. Молодая девушка, некогда носившая имя Аданы, а до этого имя, стертое новым, повзрослела. Изменился и кхитаец-колдун. На этот раз магам было по восемнадцать-девятнадцать лет. Колдун был одет в зеленый шелковый халат с нашивками, изображавшими борющихся драконов. На девушке была алая юбка и туника огненно-красного цвета с большим вырезом на груди. Казалось, чародеи вырядились к необыкновенному торжественному случаю.

Каким-то образом варвар, незримо наблюдавший за сценой, знал, что ученики Гипнос-Рена получили первое задание от своего учителя в настоящем городе, с реальными людьми. Бог Сна послал молодых чародеев отточить свое искусство на практике. Все это, вероятно, сохранилось в воспоминаниях Кесеи, и Конану открывалась некая часть сознания волшебницы.

— Ну что, предлагаю перемирие, — с усмешкой сказал юноша. — Я не стану портить веселье тебе, но и ты не вмешивайся в мои забавы.

— Знаю я твои забавы, — фыркнула девушка. — Ты будешь мучить людей скверными снами. Неужели тебе это до сих пор не надоело, Шао?

Кхитаец взглянул на нее в гневе.

— Как ты смеешь столь пренебрежительно относиться к великому искусству ткачества узора кошмаров?! В отличие от твоего бесполезного ребячества, это настоящее чародейство! Чтобы создать хороший кошмар, требуется подобраться к самым сокровенным, самым глубоко запрятанным страхам человека. Найти крошечную брешь в его неуязвимости. Проткнуть насквозь его волю. Заставить поверить в увиденное. И тогда он в твоей власти. Сегодня я собираюсь осуществить свою мечту, и очень не хочу, чтобы ты все испортила. Я найду себе сладкую рабыню, которая будет удовлетворять все мои желания!

— Глупый юнец! Никакие плотские утехи не принесут тебе радости если в них замерзнет боль и страдание другого человека.

— Ха, вот увидишь, — усмехнулся юный кхитаец. — Со мной захочет переспать даже королева, если ей дорог спокойный сон.

— Глупый, глупый Шао, ты так и не понял того, что я хотела тебе сказать. Страхом нельзя привязать к себе женщину.

— Не смей называть меня глупым! Много ты поймаешь, девчонка! Я пойду первым, и не смей за мной следить.

— Вот еще! Думаешь, мне интересно смотреть, как молодой несмышленыш ищет приключений, горя желанием удовлетворить свою похоть?

Юноша со злостью взглянул на чародейку и отвернулся.

— Я предупредил тебя, Кая. Смотри, не лезь в мои дела этим вечером, иначе тебе это дорого обойдется.

После этого Шао Лун быстро зашагал по темному кварталу, бесшумно переставляя ноги.

Кая в одиночку побрела по темным улицам, не зная чем себя занять. Шао был единственным, кого она знала на протяжении долгих лет, за исключением невидимого божества. Девушка испытывала странные чувства — что-то толкало ее на действия, цели которых волшебница не понимала. Словно все спрятанные эмоции и переживания, наконец, выплескивались наружу огромными порциями после долгого срока уединения. Необъяснимое, странное желание. Похоже, Шао испытывает то же самое. Неужели такое бывает у всех? Может, великий Гипнос-Рен понял, что отроки созрели для чего-то нового, и отпустил их во имя осуществления задуманного, а не для практики волшебства сновидений,

которым они вдвоем владели в совершенстве?

Не понимая, чего же она все-таки ищет, девушка шла по ночному городу. В одном из кварталов, на темной улице, к ней пристала пара пьяных матросов, которые возвращались в порт из трактира после попойки. Увидев, молодую и привлекательную девушку, гуляющую в одиночестве, мужчины приняли Каю за проститутку. Один из них пристроился к ней сзади и стал нагло щупать тугие груди молодой чародейки. Другой, более агрессивный, начал стягивать с нее юбку. С протестующим криком волшебница вырвалась из рук подвыпивших матросов, вся красная от злости и смущения. Но это только разогрело кровь двух мужчин. Кая поняла, что ничего хорошего за этим не последует. Притворившись, что готова следовать желаниям новых знакомых, она протянула время, достаточное для того, чтобы подготовить заклятье. Потом быстро пробежала пальцами по глазам матросов, и те, блаженно улыбаясь, повалились в объятия друг друга, после чего забылись сладким сном. Волшебница вздохнула.

Хоть она и не собиралась, но придется проследить за тем, что делает ее противник. Иначе ночь потеряет для нее всякий смысл. Возможно, ей предстоит спасти очередную жертву Шао.

Отыскать то место, где творил волшбу второй ученик Гипнос-Рена для Каи не составило труда. Страх, ужас и ненависть — вот безошибочный след, по которому можно выследить Шао Луна. Юноша развлекался в одном из домов бедного квартала. Там чародей забавлялся с молодой девушкой, отец которой третью ночь пропадал в трактире.

Кая осторожно заглянула в окно одноэтажного домика. Увиденное поразило ее. Шао Лун стоял посреди комнаты, сложив на груди руки и с улыбкой наблюдая за девушкой. Колдун внушил незнакомке, что ее одежда превратилась в гадких скользких змей, и девушка поспешно сбрасывала с себя все предметы гардероба. С помощью такого хитрого фокуса Шао обнажил красавицу. Потом Кая заглянула в сознание жертвы колдуна и увидела, что там творилось. Изо всех темных углов к ней лезли пауки и сороконожки, спрятаться было невозможно. Единственным безопасным местом оставался маленький пятачок вокруг юного мага. Девушка против воли, содрогаясь от омерзения, походила все ближе и ближе к чародею, потому что безопасный пятачок постепенно сжимался. Шао Лун распахнул свой халат и…

Кая сжала руки в кулачки. Отвращение к магу захлестнуло ее с необыкновенной силой. Сосредоточившись на сознании жертвы, волшебница, представляя себя несчастной игрушкой колдуна, постаралась отогнать наваждение, растоптать навязанные плоды воображения.

Мерзкие насекомые исчезли. Девушка увидела перед собой мальчишку-подростка с алчным блеском в глазах. Прежде чем Шао успел что-то предпринять, юная красавица с силой оттолкнула юношу. Кхитаец сжал зубы. Похоже, он понял, что его вечная соперница в магии появилась где-то рядом, несмотря на запрет. Но маг не собирался отпускать свою жертву. Вместо этого он усилил гипнотическое воздействие на обнаженную девушку. Теперь от стен дома отделились чешуйчатые тела драконов. Раскрыв жадные пасти, чудовища бросились на молодую красавицу, вынуждая ее спрятаться в объятиях колдуна. Кая повторно применила свои чары, отгоняя кошмары, навеянные Шао. Колдун усилил атаку. Волшебница вложила остатки сил, но противник не сдавался.

Внезапно все кончилось. Девушка скользнула к ногам кхитайца. Шао наклонился, чтобы проверить ее пульс.

Мертва.

Вероятно, юное сердце не выдержало пережитого ужаса и всех потрясений.

Разочарованный маг запахнул свой зеленый халат. Его глаза, наконец, отыскали Каю. В

первый раз в них читалась лютая, ничем не разбавленная ненависть. В зрачках колдуна пылал жаркий темно-красный огонь. Чародейка поняла, что отныне и навеки у нее появился враг.

* * *

Конан очнулся ото сна. В беседке сидели Кесея и Диаса. Верховная жрица дев-браминов и ее ученица пили чай из крошечных глиняных чашек. Загорелая спина погонщика слонов маячила за башенкой — вендиец кормил животное.

Солнце висело высоко над горизонтом. Тени удлинились. Время перевалило за полдень.

— Сколько я проспал? Где мы сейчас? — спросил варвар.

— Ты пребывал в области сновидений около четырех часов, — ответила Кесея. — За это время мы успели покинуть Айодхью и сейчас пересекаем провинцию в северном направлении. Караванщики любезно согласились довезти нас до самой границы.

— Мы движемся в сторону Кхитая? Жрица кивнула.

— И наша конечная цель — дом проклятого Шао Луна?

Кесея вновь кивнула.

— Славно. Пора, наконец, поквитаться с этим псом и отдать его на корм демонам. Из-за него я убил своего друга, а я не привык копить долги. Если я не убью чернокнижника, Судир Шаху будет неспокойно в царстве мертвых. Но если я сполна рассчитаюсь со злым чародеем, он вечно будет прислуживать моему другу в загробном мире.

Киммериец помолчал. Потом пристально взглянул на верховную деву-брамина.

— Ты показала мне свое прошлое, Кесея. Но ведь это было только начало истории, верно? Почему ты не открыла мне остальное?

— В истории нашей вражды с Шао Луном есть много неприятных, а подчас и отталкивающих моментов, — призналась волшебница. — Думаю, то, что ты увидел, было истоком зарождения вечной борьбы.

— Кром! Я что похож на девственницу, которая стесняется взглянуть даже на собственный зад? Что бы там ни было, я хочу это видеть.

Кесея приподняла бровь.

— Чем вызван твой интерес, варвар? Не лучше ли мне снова попытаться прочесть твою книгу дальнейшего бытия и…

— Нет, ледяные сопли Имира! Будущее оставим на потом. Сейчас меня интересует все, что касается Шао Луна и тебя. Раз уж ты взялась показывать мне свое прошлое, будь любезна, назад не отступай.

— Хорошо, — сдалась Кесея. — Ты все увидишь. Только сначала нам нужно выбраться из провинции столицы, подальше от области владений Юсефа.

Глава VII

Солнце посылало жаркие лучи на землю, сея среди путников утомление и вялость. Путешественники не испытывали неудобств, благодаря закрытой беседке, которая спасала их от прикосновений яркого светила. Погонщики слонов редко укрывались в тени, проводя большую часть времени на шее животного. Их гардероб был сокращен до минимума — белая чалма и набедренная повязка. Караванщики-вендийцы привыкли переносить зной не хуже своих животных.

Караваи из трех слонов продвигался на север через небольшую деревушку. Местные жители были заняты своими делами и не обращали на странников никакого внимания. Женщины таскали на головах корзины и кувшины с водой, мужчины обрабатывали землю. Жизнь бедняков-шудр никогда не была сладкой. Почти весь день крестьяне проводили в поле, а их жены дома, занятые домашним хозяйством. Вендийцы, жившие в деревне, имели, как правило, большие семьи. Многочисленное потомство нужно было как-то кормить.

Алекса, как и Таллок, с интересом разглядывала местных жителей. Похоже, живя в Вендии, девушка редко выбиралась за пределы Айодхьи. От нее юноша узнал, что из всех дев-браминов, отправившихся в путешествие вместе с верховной жрицей, коренной вендийкой была только Исира. Ученицы волшебницы Алиэль, Диаса и сама Алекса пришли с Кесей в древнюю страну из далекого западного края, звавшегося Аргосом. Тогда девушкам было по четырнадцать лет. К своему смущению, Таллок не смог сказать, в какой стране родился он. Странник так долго путешествовал, что успел позабыть свою родину.

Всю дорогу юноша пытался завести разговор с молодой волшебницей на отвлеченную тему, чтобы ничего не рассказывать о себе, а своей прекрасной собеседнице дарить только комплименты. Однако Таллоку это плохо удавалось — его страшно смущали яркие голубые глаза девушки, которые, казалось, пронзали его насквозь.

Скрыть что-то от этого светящегося синим огнем взгляда было просто невозможно. Юноша перебивал сам себя, запинался и говорил какую-то ерунду, в то время как взгляд его сам собой постоянно опускался на нежные округлые формы собеседницы. Саттар, лунный маг, от нечего делать вслушивался в разговор двоих молодых людей. Поражаясь бессвязности слов, произносимых Таллоком, брахман качал головой, тряся в стороны своей козлиной бородкой. Странник, усмотрев в действиях лунного колдуна насмешку над собой, бросил на него гневный взгляд. Саттар с деланным равнодушием отвернулся в сторону.

Уже на выходе из деревушки их подстерегла беда. Солдаты-кшатрии блокировали путь. Отряд состоял из двенадцати конников, вооруженных длинными пиками и кривыми саблями, которые вместе с круглыми щитами, обитыми кожей, были полезны в пешем бою. Солдаты велели караванщикам остановить животных и спешиться. Хасал, главный погонщик уже был предупрежден насчет того, что люди раджи Юсефа, скорее всего, не позволят им беспрепятственно выехать из провинции.

— Оставайтесь в беседке, — сказал Хасал верховной жрице. — На спине животного вы в полной безопасности.

Погонщик спустился вниз, скользнув по веревке, и подошел к конникам.

— Что случилось, уважаемые?

— Приказ правителя, — невежливо ответил воин, обладатель длинных черных усов. —

Кого ты везешь, старик?

— Торговцев, — быстро сказал караванщик.

— Торговцев? — старший из отряда приложил ко лбу ладонь, прикрывая глаза от солнца. Капитан вгляделся в беседку. — Мне показалось, что в той башне сидит госпожа Кесея, брахман Сна, или Катар ослепил мои глаза?

— Да, во истину это так, — Хасал почувствовал, как его прошиб пот, совсем не из-за жары. — Дева-брамин сопровождает караван.

— Еще одна ложь, старик, и твоя голова покатится по земле. Ты меня понял? К госпоже Кесее у меня претензий нет, с ней раджа Юсаф желает поговорить лично, как только она вернется в Ай-одхью. Но, ответь, караванщик, с вами ли чужеземец, которого именуют Конаном-киммерийцем?

Погонщик испуганно оглянулся. Сказать «да», значит выдать друзей, сказать «нет» — подписать себе приговор. Не решаясь произнести ни слова, Хасал вновь посмотрел в сторону беседки.

— Так он с вами или нет? — повторил вопрос капитан конников, начиная терять терпение. Рука воина потянулась к сабле.

Старый караванщик молчал.

— Я здесь, — киммериец выглянул из беседки. — Что у вас ко мне за дело, псы? Я гляжу, ты скор на язык только со стариками. Спустись со своего коня и скажи мне все, что ты хотел сказать ему.

— Ты слишком дерзок, чужеземец, — сквозь сжатые зубы произнес капитан, багровея от злости. Но так как кожа у вендийца была темной, то лицо его потемнело еще больше. — Мне приказано схватить тебя и доставить во дворец правителя столицы, где ты понесешь наказание за все свершенные преступления. Но раз тебе не терпится умереть, я нарушу приказ и убью тебя лично.

Великан Вало, почувствовав опасность, уже спустился со своего слона и приготовился защищать верховную жрицу, если того потребует ситуация.

Итого, не считая юного Таллока и мага Саттара, в их отряде было два воина, способных участвовать в схватке, подумал Конан. Двое против двенадцати — не слишком хороший расклад дел. Тем более, после долгой бессонницы и плена у варвара было мало сил. Киммериец усмехнулся.

— Все видели? — обратился он к вооруженным конникам и путешественникам. — Этот человек бросил мне вызов. Такие споры у нас на родине принято решать в честном поединке. И, если у вашего капитана хватит смелости, то пусть выйдет один как настоящий мужчина, а не прячется за спинами своих солдат.

Это окончательно взбесило капитана конников. Выхватив кривую саблю и сияв с луки седла круглый щит с конским хвостом, он спешился и отошел в сторону, ожидая противника.

— Я никогда не прятался за спинами своих солдат, варвар. Но если ты так хочешь, я могу убить тебя по обычаю твоей страны.

Конан спустился со слона, держа в руках свой двуручный меч. Дальнейшие слова были ни к чему — он уже добился своего, разозлив противника и спровоцировав его на одиночный бой. Если все солдаты будут нападать пешими и поодиночке, он справится со всеми двенадцатью.

Вендиец взмахнул саблей первым — Конан мгновенно отпрыгнул назад, но на его левом плече осталась едва заметная красная полоска, свидетельствующая о том, что клинок врага

все-таки коснулся его тела. Похоже, уверенность капитана основывалась не на пустых бахвальствах, а на большом боевом опыте. Северянин подался чуть влево, словно размахиваясь для удара, на самом же деле Конан развернул в воздухе меч над головой и хлестко полоснул справа налево. Капитан, привыкший вести командный бой, видимо, не учел мастерство варвара, искушенного в одиночных поединках. Вендиец успел выставить для защиты саблю в самый последний момент. Звонко всхлипнула сталь.

От сильного удара противник потерял равновесие и, попятившись, сел на задницу под хохот своих солдат. Киммериец не воспользовался преимуществом и не стал атаковать вендийца. Капитан вскочил и с удвоенной яростью набросился на варвара. Конан парировал точный выпад, направленный ему под левую половину ребер, и нанес свой, целясь противнику в голову. Вендиец защитился, припал на одно колено и попытался поразить киммерийца под коленную чашечку. Северянин отвел вражеский клинок, раскрутил саблю противника своим тяжелым мечом и оттолкнул его от себя. Капитан во второй раз плюхнулся на мягкое место. Взревев, точно раненый зверь, вендиец ринулся на варвара, выбросив правую руку так, чтобы вонзить саблю в живот Конана. Северянин, уклонившись влево, с размаху вогнал свой меч в щит противника, пробив его насквозь. Клинок киммерийца вошел настолько глубоко, что застрял между ребер противника, раскроив тонкую сетчатую кольчугу воина. Удивленно вытаращив глаза на меч Конана, капитан выпустил из рук саблю и стал заваливаться набок.

В миг вся веселость слетела с лиц солдат. Десять пик опустились в направлении варвара, и коники приготовились разделаться с единственным пешим врагом.

— Помогите! Ой, спасайте, убивают! — раздался резкий вопль из беседки второго слона. — Это я, Саттар, чародей правителя Юсефа! Меня захватили эти жестокие люди, и они без жалости выбросят меня вниз головой с этой башни, если вы убьете того человека!

Таллок в удивлении уставился на чародея.

Солдаты замешкались, не зная, как им поступить. Трое конников почти доскакали до Конана и замерли в нерешительности. Этого момента оказалось достаточно. Вало, получив короткий кивок от верховной жрицы, огромной кошкой подкрался к ближайшему всаднику и вскочил на круп коня. Убийца зажал горло солдата между предплечьем и бицепсом, выхватил пику из ослабевшей руки и сбросил вендийца с лошади.

— Конан, держи!

Гигант бросил оружие варвару. Прежде чем трое солдат успели опомниться, киммериец поймал пику и, быстро развернув копье острием к противнику, проткнул одного из конников.

Вало тем временем выхватил из ножен саблю другого солдата из восьми оставшихся, и через миг вендиец отправился к Асуре.

Хасал направил слона прямо в строй всадников. Испуганные лошади шарахнулись, разбегаясь в стороны от массивного животного и унося на себе солдат.

Конан отбил мечом пику противника и выбросил вперед копье, прямо в сердце неудачливому врагу. Конь наездника вздыбился и поскакал прочь, унося всадника вместе с застрявшей в груди пикой. Другой солдат разогнал коня и направил скакуна в сторону варвара. Киммериец покрепче ухватил меч двумя руками.

Хищное копье свистнуло где-то совсем рядом над его ухом. Конан полоснул мечом справа, вкладывая в удар все силы. Конь проскакал мимо, и лишь через несколько шагов на землю грохнулось мертвое тело всадника.

Ведущий слон каравана рассек строй вендийцев надвое. Вало оказался лицом к лицу с

четверыми противниками. Великан обрубил древко копья и захоронил клинок глубоко в шее солдата. Конник рухнул под копыта испуганных лошадей. Трое других напали на гиганта одновременно, но внезапно что-то разрушило их слаженную атаку. Двое вендийцев с ненавистью посмотрели друг на друга, и через мгновение оба солдата, загипнотизированные Исирой и Алиэль, проткнули копьями доспехи кажущегося врага. С третьим Вало разделался без труда.

Оставшиеся всадники, прикинув потери, предпочли отступить.

Конан и Вало вернулись в башни слонов, и караван спешно возобновил путь. Следовало поскорее убраться из деревни, пока сюда не явились другие солдаты.

— Похоже, у Юсефа теперь появится новый повод меня ненавидеть, — сказал варвар.

Хасал принялся усердно благодарить Конана за то, что тот спас ему жизнь. Киммериец ответил, что ему пришлось преподать урок тому, кто не уважает стариков, но с караванщиком они были в расчете, потому как Хасал не остался в стороне от схватки.

В беседке другого слона Таллок до сих пор удивленно качал головой, вспоминая поступок чародея Луны, которым брахман спас Конана.

— А ловко ты это… придумал. Прости, что пришлось тебе тогда во дворце, ну… ударить.

Маг беззаботно махнул рукой.

— Сущие пустяки, юноша. Не обращай на меня внимания, ты ведь, кажется, беседовал с этой очаровательной юной девушкой, не так ли? Пожалуйста, продолжай, только не тяни с признанием, иначе успеешь состариться так же как я, ничего не сделав.

Таллок покраснел.

Алекса, сдвинув брови, посмотрела на мага, потом на молодого странника.

— О чем это вы? Какое еще признание? Таллок от растерянности забыл все, что хотел

сказать. Саттар, немного выждав, крякнул и отвернулся от молодых, вернувшись к созерцанию местности.

Уже через полчаса путешественники забыли о встрече с солдатами.

Алиэль и Исира шептались о своих секретах, чтобы их не подслушал гигант Вало. Впрочем, вендиец-палач проявлял мало интереса к разговору девушек. Предметом обсуждения был Конан. Алиэль приглянулся голубоглазый воин, Исира тоже находила киммерийца привлекательным.

— Он сражался, как Кфурус! — восхищенно шептала темноглазая веидийка своей подруге. — Его меч сверкал подобно пламени Асуры!

— Да, пожалуй, Конан сражается даже лучше, чем Вало, — сказала Алиэль.

— Ну что ты, глупышка, с Вало никто не сравнится, даже наш красавец-варвар.

— Может быть, — неопределенно сказала зеленоглазая красавица. — Но Вало такой холодный, а от Конана просто кровь закипает при одном взгляде.

Обе девушки хихикнули.

— А что, если попробовать привлечь его волшебством?

— Ох, подруга, это не самая лучшая мысль. Киммериец не любит все эти вещи. Лучше полагаться на собственные женские чары.

— Похоже, даже наша наставница к нему не равнодушна. Я бы все отдала, чтобы послушать, о чем они говорят в беседке. Жаль, Кесея это быстро вычислит.

— Я думаю у верховной жрицы только деловой интерес к нашему варвару. Так или иначе, у нас есть шанс. Как ты считаешь, кого он предпочитает — темноглазых брюнеток

или зеленоглазых шатенок?

Девушки вновь хихикнули. Вало искоса посмотрел на учениц Кесеи, но ничего не сказал.

— А как ты находишь того юношу, который влачится за Алексой? — спросила подругу Исира.

— Симпатичный молодой человек. Но не в моем вкусе.

— Почему?

— Он не из той породы. Мне нравятся сильные мужчины, готовые перевернуть целый мир по одному твоему желанию. Таллок не из таких. А вот Конан…

Весь оставшийся день прошел без приключений. Ближе к вечеру, когда ярко-желтый диск поумерил свое сияние, путешественники добрались до приграничной области провинции Айодхьи. Там группа из девяти распрощалась с караванщиками, которые, пожелав странникам удачного путешествия и успешного завершения миссии, пустились в обратный путь.

Впереди раскинулась равнина, дальше шли джунгли, и совсем далеко на горизонте возвышались пики гор. После короткого привала девы-брамины и их спутники свернули стоянку, и Кесея велела продолжить поход.

Глава VIII

Усталые путники шли до самой темноты. Уже за полночь они остановились па опушке небольшой чащи, чтобы разбить ночную стоянку. С восходом солнца группа должна была возобновить путь, и к полудню, согласно расчетам Кесеи, странников ожидал поселок Джумхаратта. Там верховная жрица планировала купить скаковых лошадей, чтобы облегчить путешествие. В Вендии брахманы, как догадался Конан, не бедствовали.

Единственным членом группы, кому путешествие давалось с трудом, был Саттар. Лунный маг привык отсыпаться по утрам и вечерам, в то время как ночью чародей творил волшбу для раджи. Казалось, старик не протянет и суток с новым режимом. Но если этим днем Саттар изнемогал от жары, а вечером устало плелся за остальными странниками, то ночью силы брахмана увеличились, как только лик луны с откушенным от левого края кусочком вновь тускло засиял в небе. После ужина колдун приготовился расстелить невидимую защитную сеть. Верховная жрица дев-браминов не стала препятствовать магу, хотя в услугах лунного чародея она не нуждалась. Саттар, верный своей привычке, уснуть не мог. Хоть он и не находился в покоях своей волшебной башни, колдуна по-прежнему волновала ответственность за спокойствие сна тех, кого он защищал своей магией, будь то Юсаф или его новые знакомые.

Конан тоже не мог уснуть. Варвара занимали разные мысли. Ему никогда не приходило в голову, что сон может стать опасным. Если в стране сновидений действительно царствует Гипнос-Рен, то почему невидимое божество позволяет Шао Луну вторгаться в сны обитателей своих владений? Неужели эфирный бог настолько глуп, чтобы уступить своему ученику власть над снами? Талантливые ученики, как ведется исстари, нередко свергают с трона своих учителей.

Сны…

Загадочное пространство, где человек не властен над своим разумом. Туда попадают и нищие, и короли. Там царят одинаковые для всех законы — ирреальные и туманные. Никто еще не пробовал захватывать власть в царстве сновидений. И, если Шао Лун окажется первым завоевателем эфемерного пространства, не исключено, что колдун обретет власть и в реальном мире. Представить только короля, мучимого самыми мрачными из мрачных кошмаров. Владыка без колебаний сделает кхитайского мага своим наместником, лишь бы вернуть отнятый покой.

Что же до сих пор удерживало Шао-дракона от того, чтобы начать завоевание?

И Конан без труда нашел ответ на этот вопрос.

Кесея.

Вторая ученица Гипнос-Рена. Похоже, она остается единственным человеком, способным остановить чернокнижника из Кхитая. И осуществление своих великих планов маг решил начать с устранения своей главной соперницы. В одном колдун просчитался — он вознамерился использовать его, Конана из Киммерии. Он возжелал превратить его в своего раба. Но легче представить Крома, сидящего за праздничным столом среди людей, чем киммерийца в цепях неволи, действующего в услугу черному волшебнику. Повиновение — худшее из зол, которое можно придумать для свободолюбивого варвара.

Резко очнувшись от своих мыслей, Конан обнаружил на себе взгляд зеленых глаз Алиэль.

Девушка не спала, а с удовольствием разглядывала северянина. Варвар, не приученный к стеснению, посмотрел на деву-брамина. Она не опустила взгляд, что могло значить только одно. Тихо выругавшись, Конан перевернулся на другой бок. От такого взгляда не долго потерять всякий здравый смысл. Еще неизвестно, как отнесется Кесея к тому, что он проведет первую же ночь с одной из ее учениц.

Саттар не сомкнул глаз до первых лучей солнца. Лунный чародей просидел всю ночь, поддерживая контроль над своей магической оболочкой, которая была не так огромна, как та, что накрывала дворец раджи, но, тем не менее, требовала небольшой затраты сил на создание и сохранение. Впоследствии утром брахмана пришлось тащить чуть ли не на руках. Хорошо, что в пути с ними оказался силач Вало, которому с восходом солнца посчастливилось нести не только огромный узел вещей дев-браминов, но и поддерживать своим плечом шатающегося колдуна.

Утром варвар встретился с тем же заинтересованным взглядом Алиэль. Киммериец вспомнил сон который своей непристойностью был хуже любого кошмара. Если великая Кесея путешествовала где-то в неведомых призрачных мирах, то ее молодая ученица забавлялась не так уж далеко, играя с сознанием Конана и посылая ему тучи таких сновидений, от которых у любого заморского юнца не сходила бы с лица краска целых две недели. Вспомнив привидевшееся, он решил, что, должно быть, нелегко приходится девам-браминам без мужского внимания. Если у Алиэль ткое воображение, то…

Конан оборвал собственные мысли. Стараясь ничем не выдать того, о чем он думает, киммериец догнал верховную жрицу.

Кесея едва заметно улыбнулась. Либо она и вправду умела читать мысли, либо ей удалось подсмотреть ночью отрывок того, чем юная ученица развлекала варвара.

— Почему этот Шао Лун. так любит отвратительные кошмары, когда есть… много приятных снов? — спросил он волшебницу.

Лицо жрицы Гипиос-Рена сделалось серьезным.

— Эту страсть он принес в мир с рождением. Никто не может сказать, почему ты родился высоким и сильным, или почему я склонна дарить только хорошие сны. Тайна Шао Луна кроется в его природе. Столикий и кошмары — две неразрывные части.

— Почему ты называешь его Столиким?

— Потому что в снах он может менять свой облик. Шао Лун способен обернуться любым человеком.

— Кажется, этот подлец забавлялся подобным образом при первой нашей встрече. Во дворце Судир Шаха колдун представился в облике девочки-кхитаяики.

— Все верно. Это один из его любимых образов.

— Ты думаешь, он попытается вновь проникнуть в мои мысли?

— Безусловно. Чародей знает, что ты находишься в непосредственной близости от меня и всего нашего общества брахманов Сна. Соблазн покончить со всеми врагами слишком велик.

— Скажи, Кесея, ты можешь убить чернокнижника во сне? Я имею в виду сделать так, чтобы он умер по-настоящему?

— Я полагаю, это в моей власти. Однако одолеть Шао-дракона в собственной стихии весьма сложная задача. Уникальным знанием, переданным Гипнос-Реном владеем только мы вдвоем. И на данный момент наши силы равны.

— Ты шла на большой риск, взяв меня в путешествие, — заметил варвар. — Разве ты не

боишься, что я могу снова потерять контроль над своим разумом и убить тебя? Каково чувствовать себя, стоя рядом с своим палачом?

— Ощущение не из приятных, — согласилась Кесея. — Тревога не оставляет меня ни на миг. Но все же гораздо лучше, когда ты остаешься в поле применения моих магических сил. На расстоянии защищать твое сознание от вторжения Шао Луна было бы намного сложнее.

— Чтобы попасть в Кхитай, нам нужно перевалить через те горы, потом скакать на север. А после этого еще долго рыскать по провинции древней страны. Ты уверена, что сможешь все это время сдерживать злого колдуна?

— Нет. Ты сам позаботишься о своей безопасности.

— Это как?

— Я научу тебя управлять снами. Конечно, этим ты не сможешь одолеть Столикого, но часть его нападений отбить сумеешь.

Конан помолчал

— Почему проклятый чародей выбрал именно меня? Не проще ли ему было пленить разум Вало и расправиться вами боле легким способом?

— Шао-дракон не ищет легких путей. К тому же, он очень расчетлив. Если Столикий сосредоточил свое злое колдовство на тебе, то его выбор был оптимален. Ты обладаешь малой восприимчивостью к магии, ты силен и умен. У тебя есть хорошие познания в области тактики сражения и ведения одиночных поединков. К тому же, ты побывал во многих странах и набрался опыту. Идеальный вариант безупречного раба…

— Раба!

— Возможно, Шао Лун, после того, как расправился бы со мной, сделал бы тебя генералом армии таких же лишенных воли людей, с исторгнутой из тела душой.

— Быть безвольным слугой чародея? Командовать армией безмозглых существ, которые не смогли спокойно умереть? Лучше я тысячу лет буду жариться на раскаленной сковороде Крома!

— Надеюсь, тебе не придется делать ни того, ни другого.

— Как мы отыщем чернокнижника в Кхитае?

— По оставленному им следу. Магия — она как сильный запах. Если у тебя есть хорошее чутье на волшебство, твой инстинкт непременно приведет тебя к источнику, расточающему заклинания.

— А если мерзавец успеет собрать к тому времени огромную армию?

— Нет, Конан. Шао Лун всегда действует в одиночку. Он слишком жаден, чтобы делиться властью с кем бы то ни было.

— Похоже, за долгие годы вашей вражды ты успела хорошо изучить своего вечного противника. Может быть, расскажешь что-нибудь еще из своей истории? Ты же обещала, помнишь?

— Да. Я спроецирую в твое сознание отрывок из своей памяти, таким образом, ты сможешь все увидеть, при этом не обязательно погружаясь в сон.

— Спроецируешь? Не нравятся мне эти колдовские словечки, Кесея, — проворчал Конан. — В хитрой мудрости чародейства я никогда не разбирался.

Кесея сделала все, как обещала. Пока варвар шел, в его сознании всплывали различные картины бесчисленных странствий по городам Кофа, Шема, Стигии и даже далекой Зингары. Словно он некогда пережил все это сам. Отдельные воспоминания были полны радости, в других, наоборот, крылась печаль. А некоторые моменты жизни волшебницы заставляли

заледенеть кровь.

Один из таких эпизодов врезался в память киммерийца, подобно острому осколку стекла.

…Ее звали Иллани. Когда Кесея встретила этого ребенка с дивными глазами цвета морской волны, девочке было девять лет. Властительница снов нашла беспризорного ребенка, рано лишившегося родителей, в Астаросе, небольшом городе Кофа. Иллани стала первой ученицей великой волшебницы, и Кесея заботилась о ней, как о родной дочери. Долгих восемь лет они странствовали вдвоем по городам Кофа, Офира и Заморы. Юная ученица Кесеи умерла на утро своего дня рождения. Ее убил Шао Лун.

В ту ночь Иллани в первый раз было позволено странствовать по миру снов без сопровождения своей наставницы. Девушка заглядывала в сновидения кофийских торговцев, наполненные звоном монет, поглядывала сокровенные желания принцесс, мирно спящих в покоях своих дворцов, вторгалась в сны воров, отягощенные звуком тихих шагов, и осторожно вглядывалась в чуткий сон стражников, которые прилегли отдохнуть после четырехчасового поста. В ту ночь, однако, она увидела новую область, которую Кесея никогда ей раньше не показывала. Это был черный бездонный провал, откуда доносился причудливый диссонанс звуков, напоминавший протяжную, стонущую мелодию. Заинтересованная девушка подобралась поближе, чтобы разглядеть новое чудо эфемерного мира.

Внезапно жуткая воронка стала засасывать Иллани, и напрасно она взывала криками о помощи к своей наставнице. Мольбы Иллани заглушал издевательский хохот невидимого чародея. Девушка отчаянно пыталась вырваться, применяя все полученные знания от своей учительницы, но мощь враждебного колдовства была колоссальной. Никогда юная ученица волшебницы не встречалась с чародейством столь ужасающей силы. В сравнении с темной магией злого колдуна, все ее познания казались ничтожными. Вырваться из липких сетей мрака было также сложно, как и разорвать корабельный трос голыми руками. Вскоре сопротивление девушки ослабло, и голодный зев черной воронки поглотил ее. Последнее, что увидела Иллани, было лицо кхитайца, перекошенное злобой.

Кесея проснулась от чьего-то прикосновения.

Волшебница встревожилась, но, увидев перед собой свою ученицу, облегченно вздохнула.

— Почему ты не спишь, дорогая? Еще очень рано, ты можешь побродить по стране снов еще пару часов.

— Я нашла там кое-что привлекательное, и мне больше никогда не придется спать.

Кесея вздрогнула. Голос ее ученицы звучал непривычно грубо, и в нем появились незнакомые нотки, вызвавшие у чародейки Сна настоящий страх.

— Что ты там нашла, Иллани? — спросила жрица Гипнос-Рена у своей ученицы, предчувствуя беду.

— Свою смерть.

Это хлестнуло подобно удару плети.

Волшебница поняла — девушка находилась во власти чужой магии. Кесея попыталась проникнуть в сознание юной ученицы, но там чернел непроглядный мрак. Точно кто-то оттенил все мысли Иллани темной шторой, заглянуть через которую не удавалось.

Шао Лун!

Имя давно забытого врага всколыхнуло память Кесеи. Подтверждая догадку волшебницы, ее ученица разразилась низким, недевичьим смехом, который мог

принадлежать только одному человеку.

— Иллани! — воскликнула Кесея в испуге.

Она схватила свою ученицу за руку, но девушка вырвалась и выбежала из дома в ночь, по дороге сбрасывая одежду.

— Иллани!

Юная чародейка бежала по городу, распугивая прохожих низким гортанным смехом. Кесея бежала за ней, но не могла догнать.

— Смотри, Кесея, что я буду делать с этой маленькой стервой! — прогремел голос Шао Луна в сознании жрицы Гипнос-Рена.

Волшебница видела, как Иллани свернула в переулок. Заметив компанию городских стражников, она бросилась на шею самому высокому кофийцу.

— Хочешь посмотреть, как юное создание лишится невинности? — спросил Шао Лун. — Думаю, стражники не откажутся от молодого тела твоей ученицы.

— Нет! — в отчаянии закричала Кесея.

— Не хочешь? Тогда что же интересного я могу тебе показать, Кесея?

— Отпусти ее, ты, ублюдок! — со злостью прорычала волшебница, но голос ее дрогнул.

— Пожалуй, я так и сделаю. Я ее отпущу. Девушка скрылась в темноте. Кесея пошарила взглядом по темной улице, пробежала мимо удивленных стражников и вышла на площадь. Там она увидела Иллани. Нагая девушка взбиралась по стене башни. Ловкими движениями юная ученица вскарабкалась на крышу. Там она замерла, стоя на краю карниза, раскинув руки.

— Не смей! — выкрикнула Кесея в сторону невидимого колдуна, притаившегося в сознании девушки.

На площадь прибежали солдаты.

Иллани сделала шаг — и ее правая ступня повисла в воздухе.

— Смотри, Кесея! Я ее отпускаю.

Неожиданно взгляд Иллани вновь стал осмысленным. Она поняла, где находится, что с ней произошло, и всхлипнула. Обдуваемая ночными ветрами, девушка задрожала. На ней не было никакой одежды. Увидев внизу свою наставницу, Иллани с надеждой протянула к ней руки.

— Мама! — в первый раз воспитанница волшебницы назвала так Кесею.

— Иллани!

Внезапно неведомая сила толкнула юную чародейку в спину. В глазах девушки мелькнул ужас. Иллани сорвалась с крыши и, кувыркнувшись в воздухе, упала на камни улицы прямо под ноги своей наставницы. Под черноволосой головкой медленно начала растекаться вязкая красная лужа.

Городские стражники, наконец, пришли в себя. Один из кофийцев снял свой плащ и накрыл им остывающее тело, которое сотрясали последние судороги. Другой стражник поспешил увести волшебницу подальше от места, где погибла ее ученица. Пожилой солдат проводил Кесею до самого дома, потом оставил жрицу Гипнос-Рена. Он не нашел слов, чтобы утешить горе волшебницы…

Конан нахмурился.

Увиденная картина, извлеченная из памяти Кесеи, поразила варвара. Он никак не мог понять неоправданную жестокость колдуна. Даже если Шао Лун считал Кесею своим вечным врагом, он не должен был убивать девчонку. Конечно, и у них на родине случалось,

что два клана, ведущих между собой непрекращающуюся вражду, могли полностью истребить почти всех членов семьи противника. Но до хладнокровного убийства никто не опускался. Киммерийцы оставляли в живых всех девушек и юношей, не умеющих держать в руках меч, хотя знали, что повзрослевший подросток может отомстить за смерть родителей. У кхитайского чародея нет сердца, которое поклялся вырвать Конан!

В сознании варвара мелькнул другой эпизод, в который была вплавлена боль верховной жрицы дев-браминов.

Кесея и Шао Лун сражались. Наверное, впервые за долгие годы оба ученика Гипнос-Рена вступили в открытую схватку. Магам было за тридцать лет. Они сидели в круглом зале со свечами, склонившись в медитирующих позах, и как будто пребывали во власти легкого сна. На самом деле в пространстве иллюзорного мира кипела жестокая битва. Воины Сна призывали разнообразных монстров, кидали друг в друга заклятья и высвобождали целые потоки сил, стремясь взять верх над своим противником. Схватка длилась от восхода солнца до заката, который подвел черту всем стараниям чародеев. Никто не одержал победу. Их силы оказались равны.

Кесея очнулась ото сна, открыл глаза и Шао Лун. Их взгляды встретились.

— У тебя был шанс убить меня, — сказал чернокнижник. — Ты не смогла им воспользоваться. Потом ты еще не раз пожалеешь об этом.

— Рано или поздно я за все с тобой рассчитаюсь, Столикий. Гипнос-Рен подарил нам обоим долгую жизнь.

Колдун поднялся и направился в сторону жрицы.

— Ты бросила мне вызов, Кесея. Я его принял. А ведь я мог обмануть тебя, и ты бы никогда больше не покинула этот зал.

— Ты собирался нарушить обещание, данное богу Сна?

— Нет. Но я играл честно, а это плохо сказывается на моем самоуважении. Выходит, так, что я пошел у тебя на поводу, волшебница?

— Разве тебе мало того, что мы сравнили силы?

— Конечно, этого недостаточно. Мне требуется большее вознаграждение.

— Что же ты хочешь от меня, Столикий?

Колдун подошел вплотную к жрице. Внезапное его сильные руки обхватили талию Кесеи. Она попыталась вырваться из объятий мага, но Шао Аун был гораздо сильнее.

— Знаешь, что я понял? — оглушил волшебницу горячий и злой шепот. — Мне не нужны никакие рабыни для утех. Настоящее удовольствие может доставить мне только одна женщина. Это ты!

Сильные руки чернокнижника рванули ее платье. Затрещала разрываемая ткань. Отчаянный крик Кесеи сотряс стены круглого зала, заставив потухнуть пламя свечей…

Конан вгляделся вдаль.

Впереди показались строения поселка Джумхаратты.

Группа из девяти человек приближалась к селению. Впереди шли Конан и Кесея, за ними шагали четыре ученицы верховной жрицы, рядом шел гигант Вало, тащивший на своем плече лунного мага, и замыкал группу странников Таллок.

Вскоре путешественники добрались до селения. Кесея повела путников по узким улицам в таверну «Свет Сирры». Конечно, это заведение мало чем напоминало «Очи Катара» в Айодхье, но все же таверна, которую содержал Сулей-коша, являлась, пожалуй, лучшим гостиным двором во всей северной Вендии.

Старики, курившие кальян на порогах ветхих домов, почтительно склоняли головы, приветствую брахманов Сна. Одеяние дев-браминов свидетельствовало о высоком статусе его носителей и требовало должного уважения. Перед юными ученицами Кесеи преклонялись даже седовласые старцы! Конану это не понравилось. У него на родине к такому не привыкли. Почет нужно отдавать тем, кто дожил до седых висков, а не тем, кто носит одежды брахмана! Класс правящей элиты Вендии требовал слишком многого от простых людей общества. Неужели Асура и Катар не видят, что их почитатели несправедливо вознесли себя на высшую ступень и теперь смотрят на других свысока?

Ученицы верховной жрицы Сна, хоть и не являлись коренными вендийками, но привыкли к вещам такого рода. Их уже не смущало то, что всякий обязан поклониться брахману.

— Таковы традиции этой старой страны, — объяснила варвару Кесея. — Люди живут согласно древним законам, и бесполезно пытаться что-то изменить. Вендия — страна загадок и тайн. Здесь есть много такого, чего не понять жителю северных и западных королевств.

— Но разве они сами не понимают, что это неправильно?

— Что неправильно, Конан? Следовать традициям, которые установили боги? Каждый вендиец знает, что от него требует закон и не пожелает изменить свою жизнь. Это в их крови. Представь, что в Киммерию бы прибыл шаман из далеких южных земель Зембабве и провозгласил, что есть людей на завтрак полезно. Как бы к такому отнеслись жители твоего края?

— Посадили бы его на кол.

— Если ты начнешь внушать местным жителям, что их законы неверны, в лучшем случае они сочтут тебя за невежду-чужеземца. В худшем — объявят богоненавистником и приговорят к казни.

«Свет Сирры» представлял собой двухэтажное строение из серого камня, испещренного различными узорами. Странников встретил сам Сулей-коша, хозяин таверны. Поговорив с Кесеей, вендиец приказал своему слуге проводить гостей в предоставленные комнаты на верхнем этаже. Конан, Вало, Саттар и Таллок остались в одной, верховная жрица и ее ученицы — в другой. Лунный маг, едва добравшись до кровати, провалился в глубокий сон, и вскоре комната огласилась храпом чародея. Через несколько минут слуги Сулей-коши принесли странникам подносы с едой и кувшины с вином. После обеда подали тазы с водой для умывания и чистые полотенца.

Поев и умывшись, киммериец пристегнул меч к поясу.

Юный ученик кхитайских магов и вендиец-убийца вопросительно посмотрели на Конана.

— Не собираюсь я здесь сидеть, — сказал он. — Пойду погуляю по поселку.

Вало промолчал. Видимо, Кесея не давала ему приказов следить за варваром.

— Может, нужна компания? — спросил Конана Таллок.

— Нет.

Юноша пожал плечами.

Конан вышел из «Света Сирры» и направился вдоль по улице, залитой светом яркого полуденного солнца.

Глава IX

Конан вышел в тесный переулок, где двое солдат избивали палками какого-то человека в лохмотьях. Несчастный кричал, катаясь по земле, извивался, но вендийцы не обращали на его вопли никакого внимания. Вокруг солдат и их жертвы собралась небольшая толпа зевак. На лицах некоторых граждан читалась жалость к нищему, но никто из них не решался вступиться за беднягу. Киммериец растолкал собравшихся и прошел в центр круга.

— Кто этот человек, и за что вы его нещадно избиваете, точно собаку? — сурово спросил он солдат.

Вендийцы с недоумением переглянулись.

— Он дотронулся до меня! — произнес один из них с негодованием. — Этот человек хуже собаки, он один из париев, неприкасаемых. Теперь на мне лежит печать немилости Асуры, и стереть ее можно только кровью этого недостойного.

— Я не хотел, — простонал человек. — Я протягивал руки, чтобы попросить лекарств…

Бедняга зашелся в приступе тяжелого кашля.

— Разве вы не видите, что он болен? — Конан взглянул на солдат.

— Это ничего не меняет, — ответил воин в чалме, украшенной драгоценным камнем. — Этот низкорожденный осмелился нарушить запрет и дотронуться до благородного кшатрия. Мы должны сурово наказать нечестивца. А ты, чужеземец, иди своей дорогой и не лезь не в свои дела.

— Ну, уж нет, — сказал варвар, — теперь это и мое дело. Я, конечно, мало, что понимаю в ваших законах, но точно знаю, что с людьми поступать так не принято, независимо от того сословия, к которому они принадлежат.

Солдаты нахмурились. Тот, на ком была чалма с самоцветом, потянулся к сабле. Киммериец не двинулся с места. Он успеет достать свой меч и искрошить этих двоих, даже с закрытыми глазами. Кшатрий, затеявший спор с Конаном, указал кивком своему напарнику на варвара. Второй воин отбросил палку и обнажил оружие.

— Если не хочешь уйти по доброй воле, мы заставим тебя силой.

Внезапно между северянином и солдатами выросла долговязая фигура, отбросившая на землю длинную тень. Человек незаметно появился из двери большого дома, возле которого происходило избиение убогого вендийца.

— Назад! — прикрикнул он на солдата с саблей в руке. Потом взглянул на воина, велевшего напарнику прогнать киммерийца. — Оставь калеку, Гулуш. Я снимаю с тебя печать Асуры. Можешь идти.

Воин склонил голову.

— Как прикажешь, светлейший.

Солдаты развернулись и поспешили удалиться прочь.

— Всем разойтись! — объявил человек собравшейся толпе. К удивлению варвара, зеваки стали послушно отходить от места, возвращаясь к своим делам.

Властный незнакомец обратился в сторону Конана.

— Я — Шаагал Нуджар, высший брахман Джумхаратты, — представился он. — Надеюсь, солдаты не проявили к тебе излишней грубости, уважаемый гость?

— Не успели, — ответил киммериец, отпуская рукоять меча. — Еще бы пара мгновений,

и эти двое пожалели, что затеяли этот спор. Но будь я вечно проклят Сетом, если мне понадобилась твоя помощь, жрец.

— Именно таким я тебя и представлял, — сказал человек. — Сильный, уверенный в себе, всегда готовый защищать свои интересы. Ты ведь Конан из Киммерии, верно?

Варвар кивнул.

— Не имею представления, откуда мое имя известно тебе. Вероятно, это опять колдовство.

— Что-то вроде того, — усмехнулся Шаагал. — У меня есть к тебе разговор, чужестранец.

— В чем дело?

— Я бы предпочел поговорить с тобой в моем доме, если ты не возражаешь.

Северянин бросил быстрый взгляд на резиденцию брахмана.

— Хорошо.

Жрец повернулся, но Конан остановил его.

— А что делать с ним? — варвар указал на избитого калеку.

— Тебе не стоит заботиться о низкорожденных… Но, ладно, будь по-твоему. Анчар!

Нуджар позвал своего слугу, который бросил замершему от страха бедняге пару золотых рупий.

— Это тебе на лекарства.

Нищий с жадностью сгреб монеты дрожащей рукой.

Киммериец и его спутник прошли в зал богатого дома, ломившегося от всевозможных украшений и предметов роскоши. На полу лежали шкуры леопардов и тигров, на стенах были развешаны бивни слонов, повсюду красовались ожерелья из когтей и зубов различных животных, а подлокотники кресел украшали ярко-красные рубины, переливавшиеся в лучах солнца подобно глазам хищных демонов.

Конан изумленно оглядывал окружение, удивляясь тому, откуда подобная роскошь могла взяться в провинциальном поселке.

— Садись, Конан, — предложил Нуджар. Варвар опустился в мягкое кресло.

— Я не знаю, что привело тебе в наш край, северянин, но я знаю, куда ты направляешься.

— Вот как?

— Тебя сопровождает Кесея, верховная жрица дев-браминов, и ее ученицы. Ваш путь лежит в Кхитай.

— Возможно. Я вижу, слухи распространяются по Джумхаратте со сказочной скоростью.

— Это моя работа. Собирать все слухи, касающиеся всего, что связано с магией. Буду с тобой откровенным, Конан. На самом деле, я не только брахман, но и тайный советник мехараджуба во всех вопросах чародейства Вендии. Мой долг — хранить покой государства и защищать страну от вторжений извне. Под моим присмотром находятся все колдуны Вендии — общество дев-браминов Сна и даже такие бесполезные маги, вроде старика Саттара. Я знаю имена всех волшебников, их потенциальные возможности и даже то, что они едят на ужин. Этот дом — одна из многих моих резиденций, разбросанных по всей Вендии. Отсюда я отслеживаю все колебания магических сил, и при надобности, сообщаю правителю об источниках волнений, расцениваемых, как опасные. Как правило, волшебники частенько пытаются пленить демонов или джиннов, называемых также дэвами, и это влечет за собой

массу неприятных последствий — наводнения, землетрясения, пожары. Тайный совет, который я возглавляю, старается не вмешиваться в дела магов, разумеется, если это не угрожает благополучию граждан Вендии. Однако в особо тяжелых случаях приходится усмирять стихии и наказывать колдунов. Случай, с которым мы имели несчастье столкнуться в последнее время, я бы отнес в разряд тяжелых. Дело в том, что кто-то вмешивается в сны жителей Вендии, превращая сладчайшие сновидения в уродливые кошмары. Думаю, ты имел возможность убедиться на личном опыте в правдивости моих слов. Мы проследили, откуда исходят нечистые опасных заклинаний — след уводил в Кхитай. Изучив хроники, описывающие все деяния волшебников за последние двадцать лет, мы пришли к выводу, что магию расточает чернокнижник, специализирующийся в области снов. Это Шао Лун, кхитайский колдун из провинции Камбуи, бывший придворный короля Пра-Еуна. Поправь меня, уважаемый друг, если я сказал хоть слово неправды. Конан промолчал.

— Как видишь, Конан-киммериец, у нас общие интересы. Я слышал, из-за магии Шао-дракона ты убил своего друга в Айодхье, поэтому нет ничего удивительного в том, что ты с Кесеей отправился в Кхитай, чтобы рассчитаться с колдуном.

— Если ваш тайный совет знал, что я убил Судир Шаха не по своей воле, тогда какого демона вы не сообщили это Юсефу? Если бы не помощь дев-браминов, меня бы вздернули на площади вчера утром!

— Э, видишь ли, мой друг, — сказал Нуджар, — прелесть тайного совета остается в том, что он тайный. Как я уже подчеркивал, мы вмешиваемся только в крайних случаях.

— Значит, вы всегда ждете, пока грязную работу за вас сделает кто-то другой?

— Увы, это так. Часто приходится прибегать к помощи третьих лиц. О существовании совета обязан знать только мехараджуб. Теперь ты понимаешь, почему я не могу говорить ни с Кесеей, ни с кем-либо еще из брахманов. Полагаясь на твою порядочность, Конан, я доверил тебе свой секрет и надеюсь, ты не обманешь моего доверия. Тебе, чужестранцу, не приходится брать на себя головную боль за безопасность страны и решать дела государственного управления. Поэтому я могу поделиться с тобой еще парой важных секретов.

— Для чего?

— Как я уже сказал, у нас на данный момент появился общий враг, варвар. Если ты пообещаешь мне, что никому не расскажешь о нашей встрече, я раскрою тебе свои знания. Например, убежище чернокнижника. Ведь ты же хочешь добраться до Шао Луна?

Конан кивнул.

— Рассказывай все, что знаешь, жрец. Обещаю: я никогда не упомяну ни твоего имени, ни твоей должности.

— Этого мало.

— Что? Ты не веришь моему слову? — киммериец от гнева даже привстал со своего кресла.

— Разумеется, я верю. Только помни, что госпожа Кесея умеет читать мысли.

Варвар нахмурился.

— Я предусмотрел это, — сказал Шаагал. — Только позволь — я наложу отражающий барьер на твои мысли, сделав сознание недоступным для проникновения, и Кесея не сможет ничего узнать.

Брахман протянул Конану крошечный пузырек с зеленой жидкостью.

— Выпей это.

Северянин с подозрением посмотрел на содержимое пробирки.

— О, нет, я не хочу тебя отравить! — засмеялся Шаагал Нуджар. — Ты слишком ценен.

— Ценен? — сверкнул глазами варвар. — Я бы болтался на веревке на площади Айодхьи, сложись обстоятельства чуть по-иному.

— Решайся, Конан, — голос брахмана стал твердым. — Я не могу рисковать.

Киммериец подумал, потом взял пузырек и выпил его содержимое.

— Отвратительно.

Нуджар быстро произнес заклинание. Конан ничего не почувствовал, но эффект, видимо, возымел действие, потому что глава тайного совета удовлетворенно кивнул.

— Теперь слушай и запоминай. Шао Лун может присутствовать в нескольких местах в облике разных людей. Но это все иллюзия, созданная чародеем по совету Пра-Еуна. Настоящее убежище чернокнижника находится в поселке Пэй-Кван, что в дне пути на запад от Камбуи. На северной границе Пэй-Квана течет река, которая зовется Слюной Дракона. Ее узнать не трудно — воды реки ядовиты и источают зловоние. Не вздумай там умыться — превратишься в страшного беса. Перейдешь реку и окажешься в Чаще Ветров. Идешь на север тысячу шагов, потом поворачиваешь на запад и отмеряешь еще две сотни шагов. Там, среди высоких деревьев спряталась обитель Шао-дракона, Пагода Сна. Говорят, колдун построил свою цитадель с помощью одержимых людей, которых он пленил через сновидения. Чародей живет там в полном одиночестве, так что отыскать его не составит труда. Будь осторожен — на пути тебе могут встретиться ловушки, устроенные коварным чернокнижником. Еще я знаю, что рабы Шао-дракона крепко дремлют где-то в склепах пагоды, однако, если колдуну понадобятся их услуги, он способен пробудить свое воинство ото сна. Тебе также не следует забывать о том, что иногда Шао Лун покидает свою пагоду. Он ходит в Пэй-Кван за продуктами и ингредиентами для своих магических снадобий. Остерегайся заговаривать с кем-либо из жителей поселка — в облике крестьянина-кхитайца может оказаться сам черный колдун.

— Я все запомнил, — сказал Конан.

— Тогда остается пожелать тебе удачи. Да, и на всякий случай захвати-ка вот это…

Шаагал извлек из стола две пробирки — с алой и синей жидкостью.

— Что это?

— Одна — отвар из трав с Туманных Островов. Сильный наркотик, влияющий на состояние сознания спящего. Известно, что при употреблении воздействует на мозг таким образом, что кажется, будто человек приобретает на время необыкновенные способности. Чародеи говорят, в это время душа вылетает из тела и странствует по миру, паря над землей. Естественно, выпившему этот отвар открываются новые горизонты. Я не исключаю возможности, что Шао Лун пользуется именно такими снадобьями. Во втором пузырьке — яд из пыльцы лотоса, собранного в Болотах Мертвецов. Убивает мгновенно. Не знаю, какое из этих двух средств тебе может пригодиться. Возьми оба.

Конан принял дар из рук брахмана.

— Помни — о нашей встрече ни слова, — напоследок предупредил Нуджар.

На этом они распрощались. Варвар вышел из дома тайного советника. Побродив по кварталам поселка и заглянув в трактир, чтобы угоститься парой чарок доброго вина, Конан вернулся в «Свет Сирры». Путники ждали его в нижнем зале, и встретили киммерийца с удивлением.

— Где ты был? — спросил его Таллок.

— Мы все волновались, — сказала Алиэль. — Тебе не следует удаляться от нашего общества — Шао Лун может напасть в любой момент.

— Мне не нужна ничья защита, — проворчал Конан. — В особенности девушек, пусть даже они самые могущественные волшебницы.

— Почему ты сердишься?

— Кром! Мне надоела постоянная опека с вашей стороны! Я не ребенок, и вполне могу сам о себе позаботиться!

Киммериец быстро удалился в свою комнату.

— Что это с ним? — спросил Саттар.

— Я поговорю с Конаном.

Кесея встала из-за стола и поднялась по лестнице. Она постучалась в дверь, но ей никто не ответил. Тогда волшебница осторожно вошла в комнату. Варвар сидел на кровати с опущенной головой. Огромный меч киммерийца лежал на его коленях.

— Конан… Я понимаю, тебе тяжело, но ты не один. Любой из нас готов протянуть тебе руку помощи.

Голубые глаза киммерийца поднялись на волшебницу.

— Оставьте меня!

— Что-то тебя гнетет, — сказала Кесея, приближаясь. — Это…

Неожиданно она остановилась и замерла.

— Барьер! — воскликнула жрица Сна в недоумении.

Конан горько усмехнулся.

— Ты снова пыталась залезть в мои мысли. К сожалению, теперь это невозможно. Один человек заставил меня проглотить гадкое зелье, после чего произнес заклинание. Наверное, его магия работает.

— Барьер, — повторила Кесея, словно не расслышав варвара. — Что ты наделал, Конан? Зачем ты позволил чародею наложить заклятье?!

— В обмен на это он поделился со мной информацией, где можно найти Шао Луна.

— Ты понимаешь, что теперь я не смогу тебя защитить, и твое сознание открыто для вторжения Столикого! Он проникнет в твою голову и пленит разум!

— Этого больше не случится.

— Все пропало…

— Ты переживаешь, что чернокнижник навредит мне, или просто боишься за свою жизнь, волшебница?

— Посредством своей черной магии Шао-дракон убьет нас всех.

— Не волнуйся, Кесея, я доберусь до него прежде, чем он сотворит свою нечистую волшбу. Я разделаюсь с чернокнижником и отомщу за все сполна, клянусь костями Крома!

— Ты умрешь до того, как взойдет солнце.

— Эта ночь будет не тяжелее, чем все остальные.

— Что ж, приятных сновидений я не могу тебе пожелать. Конечно, я сделаю все, что в моих силах, чтобы защитить тебя, но…

— О, светлые небеса! Все будет в порядке, больше я не попадусь в ту же ловушку. Но, поверь, волшебница, мне бы не хотелось видеть ни тебя, ни кого-либо из твоих учениц, сидящих вокруг меня, подобно своре собак, стерегущих ягненка.

В молчании Кесея покинула комнату.

* * *

Ночь сгустилась над поселком, точно огромное черное облако. Джумхаратта утонула во тьме. Повсюду царил мрак, даже в комнате странников, где ворочался во сне Таллок, чутко спал палач Вало, и в задумчивости сидел на своей кровати Саттар. Темное покрывало не коснулось варвара. Вокруг Конана плясали тени, отделявшие северянина ото всего остального мира. Жуткие образы кружили вокруг киммерийца, создавая иллюзию замкнутого пространства. Словно он оказался заперт в невидимую клетку. Другие спутники находились вне пространства — Саттар, Таллок и Вало, несмотря на кажущуюся близость, пребывали в совершенно ином мире, где не было пугающих теней, кошмаров и страшных образов, созданных чьей-то причудливой и страшной фантазией.

Конан знал, что он не спит. Однако иллюзорная реальность скорее напоминала сон. Ни единого слова не могло сорваться с его губ, ни одного движения он не мог сделать, чтобы разорвать тугую пелену тумана сновидений.

Впрочем, через некоторое время киммериец проснулся. Удивляясь тому, как можно пробудиться, если ты все это время бодрствовал, он огляделся по сторонам. Лунный маг сидел на кровати, шепча заклинания. Вало перевернулся на другой бок. Однако теперь странники походили на призраков. Они казались бесцветными и почти прозрачными — словно алчный бог Сна выпил из них все краски.

Конан снова проснулся. На этот раз оттого, что кто-то его встряхивал за шиворот. Варвар хотел разразиться бранью, но слова застряли в его горле, как только он увидел ночного гостя. Судир Шах стоял к нему лицом, кидая на киммерийца взгляды тусклых безжизненных глаз.

— Зачем ты убил меня, Конан? — голос его звучал не злобно, но в нем чувствовалась такая тоска, что по спине варвара пробежал холод. — Теперь я гнию в могиле глубоко под землей, и мое тело жрут могильные черви.

— Я не хотел, — ответил Конан помимо воли. Слова его съела злая тишина.

Голос Судир Шаха заглушил хрип. Изо рта вендийца хлынул живой поток черных насекомых с блестящими хитиновыми тельцами. Из тела человека, разрывая кожу, полезли белые черви. Киммериец вздрогнул.

Неожиданно Судир Шах прокашлялся. Его руки быстро стряхнули насекомых-падальщиков. Даже показалось, что к лицу его прилила краска.

— Конан! Моя душа у кхитайского чернокнижника. Мне очень больно, он обрекает меня на невыносимые муки. Я не могу упокоиться с миром… Конан!

Что-то вновь заполнило горло вендийца.

— Что я могу для тебя сделать, друг? — произнес варвар, зная, что тишина вновь проглотит его слова. Но Судир Шах услышал его.

— Убей Шао Луна!

Призрак произнес последнее слово, чтобы рассыпаться в смрадный прах, в котором копошились мерзкие создания.

— Отправляйся в Пагоду Сна… — растаял во тьме его голос.

Смех чародея разнесся в пространстве рыком злого чудовища.

* * *

Конан вскочил на кровати. На этот раз по-настоящему.

Ночь подходила к концу. Сумерки еще не рассеялись, но небо на востоке понемногу начинало светлеть.

— Проклятье! — вскричал киммериец, разбудив, наверное, всю таверну. — Судир Шах!

Быстрее молнии он вырвался из комнаты, распахнул двери таверны и выбежал в исчезающую ночь.

По улице проезжал конник из ночного патруля. Увидев вендийца, варвар подскочил к солдату и стащил его с лошади.

Чтобы стражник не возражал, Конан оглушил его своим огромным кулаком, ударив вендийца в височную область. Через миг северянин оказался на коне.

Из таверны выбежали Кесея, Алиэль, Диаса и Вало. Похоже, никто из них не сомкнул глаз в эту ночь.

— Конан, вернись!

Киммериец, пустивший коня в галоп, натянул поводья.

— Встретимся в Кхитае, Кесея! Я убью Столикого!

— Глупый, куда ты? В одиночку ты не справишься!

— Тогда даже мертвый я восстану из могилы и разорву его горло!

— Стой!

Но северянин уже не слушал. Скакун мчал его по улицам поселка в северном направлении. Через несколько мгновений только оседающие облачка пыли свидетельствовали о том, что Конан покинул Джумхаратту.

Глава X

Солнце взошло над равниной, освещая холодную землю и играя яркими бликами на рваных кучах снега. Пики Джелаи сияли подобно тронам великих богов.

Тяжелое дыхание человека нарушало покой утренней тишины. Странник, измученный долгим путешествием, замедлил шаг. Было видно, что на исходе последние силы. Четыре дня бешеной скачки отняли жизнь у загнанного коня, дальше приходилось идти пешком. Лицо варвара, на котором оставили след бессонница и усталость, походило на высушенный фрукт. Но голубые глаза киммерийца светились яростью и неистовым желанием, во что бы то ни стало достичь поставленной цели. Шаг сменялся шагом. Конан шел через силу, даже когда тело отказывалось повиноваться.

Наконец, силы оставили варвара, и он измученно опустился на землю, привалившись спиной к холодному камню. Руки и ноги киммерийца налились тяжестью, в мышцы закралась тупая ноющая боль.

Пара мгновений отдыха — и дальше в путь. Оставить позади горы, выйти на равнину и дальше без остановок до Кхитая. Веки варвара начали слипаться, но Конан знал, что засыпать нельзя. Он боялся не холода — горы Вендии едва ли могли убить путника морозом. Гораздо страшнее был сон, приносивший ужаснейшие кошмары. Не спать! Северянин решил предаться сну только после окончания нелегкой миссии. Отдохнуть можно будет после, когда проклятый чернокнижник испустит дух, и сновидения вновь станут приятными. Глаза варвара продолжали закрываться, словно сам Кром положил на веки свои тяжелые ладони.

Конан резко встряхнул головой. Звук чужих шагов…

Кто-то шел по склону с северной стороны. С трудом киммериец поднялся на ноги, опираясь на свой меч. Кем бы ни оказался незнакомец готовым нужно быть ко всему.

Вскоре на каменистый холм взобрался путник, не скрывавший своего приближения. Мужчина-кхитаец, довольно юный, на вид не больше двадцати пяти. Странник был одет в голубые штаны синий халат, исписанный белыми иероглифами. Одежда была просторной — рукава и штанины раздувались на ветру подобно парусам, но на запястьях и голенях они были схвачены тесемкой, чтобы не стеснять движения путника. На плече незнакомец нес длинное копье, перевязанное крашеным хвостом зубра. Широкое острие оружия покрывали мелкие зазубрины овальной формы, так, чтобы его владелец мог захватить клинок противника. Мягкая пружинистая походка выдавала в страннике сильные мышцы, скрытые свободной одеждой. Кхитаец имел довольно крупное телосложение, обычно несвойственное для жителей древней страны. Ростом он был, может быть, на дюйм ниже Конана.

Похоже, человек знал, что здесь должна произойти встреча — он направлялся в сторону варвара, не поднимая на него глаз. Наконец, приблизившись, кхитаец остановился и уткнул копье в землю.

— Приветствую тебя, воин, — сказал он киммерийцу. — Я — Лао Чи. Давно меня называли Синим Копьеносцем, теперь же я безликий раб мага, у которого даже нет имени.

Конан выпрямил спину, не отпуская рукояти меча.

— Ты проделал весь этот путь из Кхитая, чтобы найти меня?

— Да. Шао Лун послал меня с единственной целью — убить тебя, воин.

— Почему же он не отправил целую армию безвольных существ, которых он некогда

пленил?

— Не было необходимости. Я — лучший из всех воинов, подвластных его воле. — Лао Чи с гордостью посмотрел на свое копье. — Давно, когда я был свободен, я служил в гвардии самого императора и обучал его бойцов обращению с оружием. Потом Пра-Еун уничтожил наше братство, и я попал в плен к чародею. Тот сделал меня рабом своего придворного мага — Шао Луна, Властителя Сновидений. Я не хочу твоей смерти, воин, но я должен выполнить приказ чародея.

— Что тебя заставляет сделать это, великий копьеносец?

— Я не в силах идти против воли чернокнижника, брат мой. Если я не стану сражаться с тобой, Дракон в первую же ночь скормит гуй мою душу. Но если я умру в бою, Тянь-Чен выкупит ее у колдуна и заберет меня в свою небесную страну.

Конан с уважением взглянул на кхитайца.

— Тогда дерись. Если мне случится убить тебя, я отомщу колдуну и за твою смерть.

— Спасибо, брат мой. Возьми мой талисман. Пусть он хранит тебя от злого чародейства, меня он уже не в силах защитить. И если ты доберешься до пагоды колдуна, я незримо буду помогать тебе.

Лао Чи снял с шеи амулет в форме головы дракона с тремя глазами-сапфирами.

— Запомни, Синий Копьеносец — великий воин, такой же, как ты, смелый и сильный. А теперь давай, закончим то, за чем я сюда пришел.

Конан поднял клинок в защитную позицию. Усталость сковывала тело, но киммериец был готов к сражению. Так или иначе, он должен завершить это сражение и умирать ему никак нельзя.

Танец смерти начался.

Лао Чи был слишком опытным бойцом, чтобы бездумно бросаться на противника. Кхитаец сделал шаг в сторону, подался корпусом чуть вправо — копейщик выверял расстояние для стремительного броска, в то же время, не забывая о защите. Как только Конан сделал попытку нанести удар, противник ушел из зоны досягаемости клинка. Синий Копьеносец не попался и на обманный трюк — варвар открыл левый бок, ожидая контратаки, в которой оппонент мог совершить ошибку. Лао Чи все сделал правильно. Выждав необходимое время, он дождался, пока киммериец вернется в правильную позицию. За сотую долю мгновения до завершения действия кхитайский воин атаковал. Острое копье, смертельно опасный стальной хищник, устремилось в широкую грудь противника. Выпад оказался настолько стремительным, что колющий удар копья скользнул по ребрам Конана, распоров его кожу. Из красной дорожки, расчертившей левую грудную мышцу, вниз скользнула капля крови. Ни один мускул не дрогнул на лице варвара. Киммериец отступил на шаг и поменял стойку, перенеся вес тела на правую ногу. Огромный меч северянина хищно облизнулся в воздухе короткой дугой.

Синий Копьеносец не стал радоваться первому успеху. Сказывался большой опыт кхитайского воина. Расслабься хоть на миг — и ты мертв. Варвар пригнулся, сделал пробный шаг влево, ныряя под противника. Однако низ оппонента был хорошо защищен, и пытаться преодолеть такую оборону значило неминуемо нанизать себя на острие зазубренного копья. Конан отступил назад, даже не рискнув проверить свою удачу. Копье Лао Чи разрывало плоть ни одного врага.

Раб Шао Луна качнулся вперед, вложив силы в быструю серию из трех тычков в живот противника. Конан отразил все три удара. По опыту он знал, что каждый такой выпад можно

было превратить в контратаку — обычно копейщики теряли равновесие, когда их оружие не вонзалось в плоть. Лао Чи не оставлял ни единого шанса. Все три удара были одинаково точны и направлены точно в то место, куда метил Синий Копьеносец.

Конан метнулся влево, резко развернулся через левое плечо — меч прыгнул снизу-вверх, под самую ключицу кхитайца. Пленник чародея отбросил лезвие древком своего копья. Фантастическая, убийственная реакция!

Не останавливаясь, варвар снова ударил снизу, использовав всю мощь плечевых мышц.

Страшный удар выбил струйку крови из плеча противника и рассек щеку Лао Чи. Но своего Конан так и не добился.

Мгновенная контратака — правый бок северянина расцветила длинная красная полоса. Повезло, что острие не ушло в плоть. Тогда бы он валялся на земле с вываливающимися внутренностями.

Набрав в легкие побольше воздуху, сын Киммерии полоснул мечом по горизонтальной линии, целясь врагу в шею. Такой удар должен был снести голову Синего Копьеносца. Лао Чи резко подтянул локти к бокам и, вместо того, чтобы лишиться головы, встретил клинок Конана зазубренным острием своего копья. Лезвие поймало варварский меч — железо заскрежетало. Противники усилили давление, стремясь оттолкнуть своего оппонента. Бицепсы киммерийца вздулись огромными шарами, готовыми в любой момент лопнуть. Лицо кхитайского воина покраснело, но Синий Копьеносец не сдвинулся ни на дюйм. Так они замерли на долгих, бесконечно долгих двадцать мгновений, не в силах сдвинуть своего врага, но и, не уступая ни сантиметра пространства. Давление увеличилось — два воина, подобно каменным исполинам, стояли точно вкопанные в землю. Никто из них не мог взять верх. Внезапно оба бойца разлетелись каждый в свою сторону, и, казалось, дрогнули даже скалы.

Конан первым оказался на ногах. Натруженное долгими скитаниями тело киммерийца отозвалось протестом жуткой ноющей боли и вялости, жаждущей пожрать последние силы. Сжав челюсть так, что скрипнули зубы, варвар обрушил на пленника Шао Луна новую атаку. Этот хитрый удар Конан выучил в плену, когда его заставляли драться гладиатором. Трюк, которому его обучил бритуниец Дарро, заключался в том, что многосложный удар начинался обманным движением снизу, затем резко, но не так, чтобы потерять равновесие, уводил чуть вправо, привлекая к себе внимание врага, потом меч нырял дугой, поворачивающей клинок, и завершался удар последним движением — настоящей, секущей дугой справа. Почти все противники варвара расставались с жизнью, так и не успев разгадать коварный финт варвара. Если все сделать правильно, клинок зарывался в боку между ребер врага почти на пол-ладони.

Ослепительно сверкнул в лучах утреннего солнца жадный до крови клинок…

Лао Чи понял, куда целился варвар! То ли кхитаец умел читать чужие мысли, то ли обладал превосходной интуицией. Широкое лезвие копья взлетело точно в то место, куда Конан направил меч!

Пусть защита оказалась не слишком удачной, но ловкость Синего Копьеносца спасла ему жизнь. Рука Лао Чи оказалась под ударом клинка — меч отсек его мизинец и сломал безымянный палец. Увечье, нанесенное оппоненту, оказалось ничем в сравнении с результатом, которого привык добиваться киммериец секретным ударом. Раб Столикого как будто и не заметил, что лишился двух пальцев. Лицо кхитайца оставалось таким же бесстрастным. Настоящий воин!

Жало копья клюнуло в лицо Конана. Смерть промелькнула совсем рядом, и киммерийцу даже показалось, что он видел Крома, погрозившего ему пальцем. Нет, он не должен опозорить всех воинов своей стороны, проиграв этот тяжелый поединок! Но Лао Чи был достойным противником. Такой бесспорно может вести в бой целые армии, которые будут умирать по одному слову своего повелителя. Может, Синий Копьеносец итак принял участие в сотнях, если не тысячах сражений… Однако сейчас он являлся рабом ненавистного чернокнижника, который послал великого кхитайского бойца с тем, чтобы убить его, Конана.

На левой щеке варвар ощутил легкую щекотку от срезанных копьем волос. Новый удар — и Лао Чи вновь связал его оружие. Внезапно северянин поддался натиску противника и, когда тот качнулся вперед, Конан нанес резкий удар в переносицу врага. Из узких ноздрей кхитайца брызнули алые капли.

Конан использовал выигранное преимущество и погрузил меч в левое плечо Синего Копьеносца на целый дюйм. Скользко скрипнула кость.

Удача начала перетягивать чашу весов в пользу северянина. Его противник был ранен и быстро терял кровь.

Лао Чи действительно оказался безупречным воином, но даже Конан не сумел оценить всю огромную кладезь мастерства кхитайца. Почувствовав, что уступает, раб Шао Луна решил использовать последний шанс. Пленник мага был не только превосходным копейщиком, но и колдуном. Это варвар понял слишком поздно. Вероятно, Лао Чи не хотел пользоваться магией до последнего момента, а, возможно, даже и не воспользовался бы, чтобы не навредить тому, кого он уважал, как достойного противника и брата по духу. Выброс заклинания он совершил автоматически, почти неосознанно.

Огненный шар, размером с вязальный клубок, жарко облизнул плоть киммерийца. В воздухе сразу разнесся запах паленой плоти. Варвар вскрикнул и отступил. Еще не до конца осознавая, что произошло, Конан удивленно уставился на сморщенную кожу, лопнувшую на месте ожога.

Крик, полный боли и злости, огласил холодное пространство. Ярость, граничившая с безумием, удвоила его силы. Даже не удвоила. Утроила, удесятерила…

Северянин, в чьих жилах текла кровь величайших бойцов Хайбории, превратился в берсерка. В тот момент жизнь вылилась для него в одну фразу: «Убей врага! Убей! Убей его!» Весь смысл существования перетек в острый клинок, игравший на солнце яркими бликами.

«Убей!!!»

Конан бросился вперед одним броском, уже не осознавая, чем он закончится — смертью врага или собственной гибелью. Не заботясь о том, что опасное оружие врага пропорет его насквозь, киммериец нанес свой удар. Уже не варвар, а сам мрачный Кром, Властелин Подземного Царства, обрушил на противника карающий меч.

Копье с крашеным хвостом зубра вошло в его бок. Северянин испустил тяжкий вздох…

Умирает?..

Конан опустил клинок. Левой рукой он вытащил окровавленное острие из раны.

С диким рыком киммериец взмахнул мечом. Это был последний взмах в его жизни. Последний…

Уже не выиграть, но отмстить.

Копейщик поднял свое оружие для защиты.

Страшный меч киммерийца перерубил древко и глубоко проборозднил грудь кхитайского воина. Синий халат с иероглифами мгновенно пропитался кровью. Конан выдернул меч —

новый удар поверг Лао Чи на землю. Кровь хлестанула фонтаном. Копье выпало из ослабевших рук.

Воин-кхитаец почувствовал смерть. Но на лице Синего Копьеносца играла тусклая улыбка.

— Ты победил, воин… А теперь… добей меня…

Конан покачнулся, но удержался на ногах.

Лао Чи ободряюще улыбался.

— Сделай это, брат мой, и мы встретимся в небесной стране, в гостях у Тянь-Чена…

Варвар воздел меч, затем обрушил последний удар на грудь кхитайского бойца. Улыбка медленно померкла на лице умирающего.

— Прощай…

Голова, измазанная кровью, бессильно откинулась набок.

Раны, полученные киммерийцем за время дьявольски тяжелого боя, мгновенно дали о себе знать. Усталость ударила мерзким холодом, который заструился по жилам. Конан рухнул на колени.

— Шао Лун!!! — прокричал он, обращаясь к горам. — Я отправляюсь в царство Крома, но, клянусь своей душой, я вернусь даже оттуда, чтобы посчитаться с тобой, коварный чернокнижник!

Перед глазами варвара поплыли тяжелые черные тучи, из которых заморосил частый холодный дождь. Из облаков на северянина глянули злые лица с одинаковыми чертами.

— Смерть подходить все ближе, ты скоро умирать и становиться послушен мне! — раздался раскат грома.

— Никогда! — прогремел голос варвара, заглушая громыхающие звуки, несшиеся от туч. — Этого не будет!!!

«Будет… будет… будет», — разнесло по пространству предательское эхо.

Утренний свет постепенно померк, уступив место холодной мгле. Конан опустился на окровавленные камни.

* * *

Ночная мгла казалась холоднее любого самого свирепого северного ветра. Конан с трудом разлеплял отяжелевшие веки.

Вглядываться в темноту, уже не был сил, но и без того варвар знал, что вокруг собралось много любителей падали, только и ждущих момента, когда он испустит дух. Он слышал голодное урчание их животов. Он замечал алчный блеск в глазах невидимых хищников. Он чувствовал, что ему осталось недолго.

Над северянином возвышался размытый силуэт человека-горы с тысячей смеющихся лиц. Чудовище хохотало по-детски, раскатисто и при этом сочетало еще множество проявлений той эмоции, которую люди обычно называют смехом. Но это был злой, надменный смех.

Земля под киммерийцем пропиталась кровью — слишком много ее вытекло из разодранного вражеским копьем бока. Оставалось только ждать, когда придет смерть. А Шао

Лун уже ждал. Проклятый чародей упивался мыслями о том, какой приказ отдаст первым своему новому слуге. Конану была ненавистна мысль о том, что он ничего не сможет противопоставить нечистой магии чернокнижника.

Сведенная судорогой рука варвар нащупала мешочек, прикрепленный к поясу. Пальцы сами собой распустили завязку — оттуда выпали две маленькие пробирки, подарок Шаагала Нуджара. Удивительно, что они уцелели.

Конан сжал в руке пузырьки. Алая и синяя жидкость. Одна из них чудодейственный наркотик, другая — убийственный яд. Какую из них выпить? Ту, что сократит мучения или ту, которая унесет душу из умирающего тела? Выбор сделать несложно. Только теперь, раздавленный слабостью и почти умирающий, киммериец не мог определить, в каком пузырьке находился яд, а каком наркотик.

Алая похожа на кровь. Синяя — на небо.

Но он нужен здесь, на земле!

Варвар разбил о камень пробирку с синей жидкостью. Назад пути нет. Выбор сделан, и, если судьба к нему благосклонна, то он поступил правильно.

Конан поднес к губам пузырек и выпил все его содержимое.

Ночь расплескалась черными лужами.

Все вокруг потеряло объем, сделавшись плоским. Киммериец увидел свое тело, забрызганное

кровью, распростертое на земле. Вокруг копошились силуэты, скрытые темным туманом. Выше…

Многоликий гигант испустил отчаянный крик: добыча ускользала из сетей. Нет, он никогда не будет рабом Шао Луна!

Выше…

Тысячи рук устремились в его сторону, но схватить бесплотный дух им было не под силу. Конан усмехнулся.

Чудовище завыло, стало метаться по земле, разгоняя серый сумрак, потом заревело протяжно и злобно, и… исчезло. Волны черноты качнулись и закрыли провал.

Свобода.

Конан вздрогнул. Внизу кто-то тревожил его тело. Не падальщики и не призраки. Человеческие руки. Киммериец почувствовал, как кто-то волочит его по земле…

Камни больно царапали спину, выдавливая тихий, почти беззвучный стон.

— Жив! — услышал он чей-то голос над самым

ухом.

Потом его поглотила непроглядная тьма.

Глава XI

Время превратилось для варвара в тугой узел, в котором тесно переплелись обрывки настоящего, воспоминания из прошлого и видения из будущего. Иллюзорные образы и тени сочетались с фигурами реальных людей, сновавших вокруг киммерийца, создавая причудливые маски на их лицах. Конан лежал почти без движения. Вверху виднелся свод пещеры, на котором плясали блики тусклого красного света. Несколько раз в день его приходили навещать, но варвар не узнавал посетителей. Какие-то люди регулярно обрабатывали его тело целебными мазями, от которых исходил неприятный запах, и сменяли на ранах влажные примочки.

Когда рассудок начал возвращаться к северянину, он понял, что пробыл в своем новом убежище не меньше двух недель.

Чудодейственные лекарства незнакомых доброжелателей разгладили сморщенную кожу на месте ожога. Левый бок отдавал тупой, но вполне терпимой болью. Порезы на его теле уже зажили.

Конан вздохнул.

Первый раз после долгих дней беспамятства он, наконец, мог снова здраво мыслить. Варвар поднялся на локтях и оглядел комнату. Небольшое помещение, скорее всего пещера в горах, которые он так и не преодолел.

Внезапно волна воспоминаний захлестнула Копана, вернув его назад, в плен бессознательного бреда. Он снова оказался недвижим на этом ложе, куда его уложили чьи-то заботливые руки.

В нескольких шагах от него стоял призрак кхитайского чернокнижника в боевых доспехах. Чародей тянул руки к телу киммерийца, но что-то не давало ему проникнуть сквозь невидимую преграду. На шее варвара полыхал своими глазами-сапфирами амулет в форме головы дракона. Синий свет отпугивал колдуна, заставляя того постоянно отдергивать распростертые кисти от беззащитного воина. Шао Лун злился, шептал заклятья, призванные рассеять чужое волшебство, но справиться с барьером не мог. Внезапно свет разлился по всей пещере, и из облаков яркого сияния появилась фигура кхитайца в халате, исписанном белыми иероглифами. Юное лицо не покрывала запекшаяся кровь, Лао Чи улыбался. На его плече покоилось старое верное копье.

Столикий что-то прокричал на кхитайском языке, но Синий Копьеносец лишь усмехнулся еще шире и встал между колдуном и распростертым телом варвара. Его голова медленно качнулась из стороны в сторону, обозначив твердое «нет».

Чернокнижник взвыл, и его проглотил белый туман, поднявшийся из-под ног ученика Гипнос-Рена. Нежное голубоватое сияние медленно истаяло. Призраки оставили киммерийца.

Силы быстро возвращались к Конану. Доброжелатели киммерийца сотворили настоящее чудо.

В тот день в пещеру к воину заглянул новый посетитель.

Кесея.

Верховной жрице дев-браминов стоило немалых усилий отыскать варвара, после того, как они расстались в Джумхаратте.

Увидев Конана, живого и выздоравливающего, волшебница улыбнулась.

— Я вижу, дело идет на поправку.

— Где я?

— В жилище отшельников-аскетов Асуры. Добрые дети бога подобрали тебя раненого, когда ты умирал в горах.

— Шао Лун послал убийцу. Мне пришлось нелегко. Я убил противника, но уже был готов распрощаться с жизнью, и проклятый колдун ожидал долгожданной минуты.

— И ты выпил яд, чтобы не дать своей душе попасть в плен?

— Яд?! Когти Сета! Я-то думал, что пью зелье из отвара трав с Туманных Островов!

— Шао-дракон поверил, что ты умираешь,

иначе бы он не отступил. Но благодаря каким-то чудесам неизвестных божеств ты до сих пор не попал в подземное царство теней. Отравляющая жидкость не подействовала.

Конан с недоумением огляделся, словно заподозрил, что попал в небесную страну Тянь-Чена, куда его приглашал воин Лао Чи, и теперь разговаривает с человеком, который, вероятно, тоже умер. Неужели Столикий расправился с Кесеей? Тогда…

В пещеру вошел веселый Таллок, развенчавший сомнения варвара. Этот парень точно не мертв. В стране блуждающих душ так смеяться не позволено.

— Рад, что ты выздоравливаешь, Конан, — сказал юноша. — Значит, скоро мы покинем это место. Мне, признаться, до смертельной скуки надоело без дела сидеть в гостях у несговорчивых отшельников, вырви Йог мои зубы!

Кесея с упреком взглянула на странника.

— Джесал и его братство оказывают нам великую честь, принимая у себя. Жилища аскетов Асуры открыты далеко не для всех.

— Они твои друзья, госпожа Кесея. Я, убогий скиталец, не в праве их судить. Но лучше бы я провел эту неделю в мрачном дворце Сета, нежели в горах Джелаи в компании фанатиков Асуры, давших никому не нужный обет молчания, да простит меня вендийский бог!

— Таллок!

— Все молчу.

Странник вышел из пещеры.

— Временами он просто невыносим, — с улыбкой пожаловалась верховная жрица. — Но, в целом, он очень милый юноша. Если бы не он, мы бы проскакали горы Джелаи и так и не нашли тебя.

— Нужно спешить. Я уже итак порядочно провалялся в этой пещере. А долгов, за которые следует поквитаться с чернокнижником, накопилось слишком много.

— Твои силы восстановились не полностью.

— Я здоров, как вол. Когда отправляемся в путь?

Волшебница пожала плечами.

— Не рискну спорить с тобой, иначе ты вновь вскочишь на коня и помчишься, точно безумный. Лучше продолжить путешествие вместе. Думаю, отправимся завтра с утра.

— Хорошо.

Конан откинулся на свое ложе и закрыл глаза.

* * *

Группа из восьми странников собралась в круглом зале с полированными каменными стенами. Джесал, глава братства отшельников-аскетов, сидел на невысоком мраморном троне. Владыка слушал историю Кесеи и молча кивал. Жрец Асуры был единственным, кто мог общаться с гостями, на него обет молчания не распространялся. Выслушав рассказ с изложением всех приключений группы, Джесал задумался.

— Ваша сила в единстве, — сказал аскет. — Вместе вы способны победить Шао Луна, но порознь он справится со всеми вами.

— У Столикого есть могучие слуги, с помощью которых он может добраться до нас прежде, чем мы достигнем Пагоды Сна, — сказала жрица Гипнос-Рена. — Счастье, что Конан убил самого могущественного из них.

— Полвека назад о человеке, которого знали, как Лао Чи, Синего Копьеносца, слагали легенды не только жители Кхитая. Потом воин бесследно исчез — говорили, будто братство Копья уничтожил Пра-Еун. Однако прискорбно узнать о том, что на самом деле Лао Чи все это время служил Шао Луну, — произнес Джесал. — Вам нужно освободить всех рабов, которых кудесник пленил через сон.

— Разве убив Столикого, мы этого не сделаем?

— Асура открыл мне истшгу, Кесея. Пагода Сна — это не только убежище Дракона. Помимо реального здания существует и другая обитель колдуна. Пагода Сна иллюзорная, та, что находится в пространстве эфемерного мира. Там томятся души тех, кого пленил чернокнижник. Еще бы чуть-чуть, и душа варвара с севера оказалась там же. Ты правильно поступила, что спасла Конана — он тебе пригодится. Потому что вашей задачей является не только разоблачить земную обитель Столикого, но и разрушить ирреальный оплот чародея. Если раньше ваши силы были равны, то с окончанием строительства Пагоды Сна, чернокнижник сделался многим сильнее, и в одиночку тебе с ним не совладать. Но Конан способен на это. Отныне его защищает дух Лао Чи, освобожденный из плена, а также души многих узников, которые видят в киммерийце своего спасителя. Однако варвару требуется помощь всех вас, несмотря на то, что он это отрицает. Двое из вас, я чувствую, особенно привязаны к северянину.

Исира и Алиэль опустили глаза. Алекса с удивлением взглянула на своих подруг. Похоже, девушке не приходило в голову, что ее ровесницы могли находить варвара привлекательным.

— Как можно отыскать вход в иллюзорную Пагоду Сна? — спросила верховная жрица дев-браминов.

— Тебе предстоит самой найти ответ на этот вопрос, Кесея. Кому как не ученице Гипнос-Рена знать все секреты мира, созданного своим наставником? Я, к сожалению, ничем не властен тебе помочь, ибо покровитель мой Асура не вторгается в область владений Гипнос-Рена. Пока вы преодолеваете путь к Пагоде Сна в Кхитае, ни в коем случае не забывайте о ее ирреальном двойнике, потому как именно оттуда Шао Лун пробирается во сны других людей. Настоятельно прошу следовать моему совету. Ты, Кесея, способна путешествовать по просторам Мира сновидений — возьми всех своих учениц и друзей, и отыщите оплот чародея.

— Спасибо за совет, Джесал.

— Мой долг помогать всем детям Асуры и способствовать тем, кто стремиться искоренить зло, существующее в мире.

— Мы отправляемся в путь завтра.

— Тогда я от всего сердца желаю вам удачи, друзья мои.

* * *

Вечер нежно накрыл пики гор, скользнул ниже и расстелил свое покрывало на земле. Конан лежал на ложе, заложив левую руку за голову, а в правой сжимал амулет, подаренный Лао Чи перед боем. Синий свет плясал в глазах варвара, разжигая пламя его голубых зрачков.

Колдун, несомненно, заплатит за смерть великого кхитайского воина.

Киммериец заслышал шаги и поспешно схватился за меч, с которым не расставался никогда.

В тесное помещение вошла Исира, окутанная ночной темнотой. Варвар выпустил из рук рукоять клинка.

— Конан… Я подумала… — вендийка не знала, как начать разговор.

Киммериец терпеливо ждал.

— Завтра мы отправляемся в путь, но прежде, чем наше путешествие возобновится, я хочу сказать, что…

Девушка замолчала. Варвар смотрел на нее своим огненным ярко-синим взглядом, и под этим взглядом Исира чувствовала себя ребенком. Нужные слова так и не сумели сорваться с губ девушки.

— В общем, я зашла пожелать тебе спокойной ночи.

Варвар недоумевал. Он догадывался, что девушка подразумевала нечто большее. Но если она чего-то хотела, то почему не могла сказать об этом прямо? У него на родине, в стране жестких условий, требующих особых умений, чтобы выжить, женщины не привыкли стесняться. Если какая-то из них хотела мужчину, то говорила об этом своему избраннику, избегая всяческих словесных игр.

— Спокойной ночи, Конан, — повторила Исира.

— Спокойной ночи, — ответил варвар, нахмурившись.

Девушка вышла.

Через некоторое время звук шагов вновь повторился. Киммериец подумал, что это вернулась Исира, но ошибся. В пещеру вошла Алиэль, которая даже не подозревала о том, что минутой раньше здесь побывала ее соперница.

— Ты тоже хочешь пожелать мне спокойной ночи? — с легкой усмешкой спросил Конан.

Алиэль подошла ближе и села на ложе возле киммерийца. По сравнению с огромным варваром ее фигурка казалась хрупкой.

— Я хочу провести эту ночь с тобой, — сказала девушка.

— Будешь развлекать меня веселыми снами?

— Нет, — она скромно улыбнулась. — Прости меня за маленькую шалость. Я, наверное, не должна была…

— Отчего же? — Конан тоже усмехнулся. — Мне понравились эти сны. Не всегда же

мне погружаться в уродливые кошмары Шао Луна.

— Я прожила в обществе дев-браминов больше семи лет, — сказала Алиэль. — И не встречалась ни с кем из мужчин, за исключением Вало. Но он, скорее, преданный слуга, чем друг. Ты первый, с кем я могу поделиться своими сокровенными мыслями, Конан. Признаюсь, я всегда мечтала о таком мужчине, как ты — высоком, сильном, справедливом. С тобой рядом я чувствую себя в безопасности, и пусть чернокнижник посылает хоть тысячи своих рабов, мне не страшно, если ты всегда будешь со мной. Ведь ты же не оставишь нас, Конан?

Варвар вспомнил утро, когда в одиночку покинул Джумхаратту. Алиэль выбежала из таверны первой, наверное, подумав, что киммериец бежит, чтобы не навредить им, если он вдруг попадет во власть магии Шао Луна. Дева-брамин нуждалась в его защите, хоть и осознавала, что их общий враг может использовать Конана, как основное орудие для уничтожения общества брахманов Сна. Об этом варвар не подумал.

— Нет, больше не оставлю, — сказал он.

Головка Алиэль легла на могучую грудь киммерийца, и Конан неожиданно для себя провел рукой по ее мягким волосам.

Что может быть общего у него с этой девушкой, почти ребенком?

Тонкая рука Алиэль, скользнувшая по его могучему плечу, заставила могучего варвара вздрогнуть.

— Не прогоняй меня, Конан, — прошептала девушка.

Как можно ослушаться веления этого нежного голоса?

Северянин прижал девушку к себе своей стальной кистью, и Алиэль счастливо вздохнула.

Свет звезд осторожно прокрался в пещеру, заполнив пространство мягким серебристым сиянием.

Глава XII

Следующим утром группа из девяти странников покинула Джелаи. Вела путешественников по-прежнему Кесея, однако, теперь волшебница все чаще советовалась с Конаном относительно того, какой путь лучше выбрать и даже когда остановиться на стоянку.

Пять дней путешествия прошли без приключений. Странники оставили за спиной Химелийские горы и продолжили поход в северном направлении. Отныне их путь лежал через степи, где обитали дикие племена коневодов-мунганов. Кочевники жили в небольших поселках, состоявших из двух-трех десятков шатров. Южные границы Кхитая нередко страдали от набегов степняков, но от открытого вторжения в древнюю страну мунганов предостерегала великая магия кхитайских чародеев. Вендия реже подвергалась набегам — на пути орды кочевников вставали горы. Гостей в своих владениях кочевники не любили, но относились лояльно к тем, кто задабривал их щедрыми дарами. Поэтому караванам, отправляющимся из Вендии в Кхитай, мунганы не чинили препятствий. Разумеется, если караванщики не были слишком скупы. Особо жадным нередко приходилось расстаться со своим товаром, а то и с жизнью.

Кесея предусмотрела возможность встречи с мунганами. Девять странников условились выдавать себя за странствующих торговцев, везущих в Кхитай ценные пузырьки с волшебными снадобьями. Благо, у дев-браминов стеклянного барахла имелось в избытке. Кесея и ее ученицы сменили дорогие одежды брахманов на простые шелковые платья. Вало и Конану выпало играть роль охранников каравана безо всякого маскарада, а Саттар и Таллок на время превратились в продавцов колдовских зелий.

До ближайшего селения кочевников оставалось меньше дня пути. Когда странники разбили ночную стоянку, волшебница собрала всех, чтобы объявить свое решение.

— Прежде чем вступить в область владений мунганов, мы должны выяснить, чем занимается наш враг, — сказала Кесея. — Я боюсь, Шао Лун что-то задумал — его бездействие настораживает меня больше, чем любое проявление агрессии. Неизвестность хуже самой страшной правды. Хочется верить, что мой страх не имеет основания.

— Что мы будем делать, наставница? — спросила верховную жрицу Диаса.

— Проникнем в страну снов. Там мы попытаемся выяснить, чем занят Столикий. Попрошу всех вас сесть в круг, не слишком далеко друг от друга. Сейчас каждый должен уснуть, а я покажу вам путь в мир сновидений. Помните, важно сосредоточиться на том, что мы входим в страну все вместе — иначе можно безвозвратно потеряться в необъятных просторах иллюзорного пространства. Все время держитесь меня и не увлекайтесь лишними мыслями — они могут стать неверными поводырями в пути. Будьте особенно осторожны те, кто делает это впервые. Я имею в виду Саттара, Таллока и Конана. Если вам что-то непонятно, дайте мне знать немедленно.

— По-моему, все просто, клянусь Кромом! — сказал варвар. — Разве уснуть для меня когда-нибудь было тяжелой задачей?

— Защитит нас Сирра, — пробормотал Саттар, укладываясь на подстилку.

У Таллока нашелся вопрос. Юноша хотел знать, насколько опасным окажется путешествие. Кесея сказала, что этого не может знать никто, за исключением Гипнос-Рена,

хозяина иллюзорной страны. Но если все будут соблюдать общие правила и слушаться верховную деву-брамин, риск снизится до малого.

Конану некстати вспомнилась история с Иллани, которую ему не так давно показала Кесея. Юная ученица погибла из-за своей неопытности, угодив в смертельно опасный капкан, который расставил проклятый чернокнижник.

Варвар очень не хотел, чтобы скверная история повторилась с кем-то из нынешних учениц жрицы Сна.

Алиэль устроилась возле Конана, положив руку на плечо киммерийцу. За последние дни путешествия девушка и северный варвар успели заметно сблизиться и привязаться друг к другу. Несмотря на суровую несговорчивость Конана, Алиэль боготворила своего могучего защитника и не отходила от него ни на шаг. Кесея не порицала свою ученицу за нечаянную любовь к варвару, а Исира, похоже, поняла, что проиграла подруге маленькое сражение за внимание воина и отступила. Таллок сел возле Алексы. Девушка не возражала, а даже, наоборот, неосознанно завидуя Алиэль, ждала от юноши большего внимания. Вало уселся на землю, подобрав под себя ноги. Огромный вендиец сложил руки на груди и прикрыл глаза. Было похоже, что процедура ему знакома. Странники приготовились к путешествию в страну сновидений.

Сначала сон Конана был обычным — пустым и неосознанным, полным туманов серой мглы. Затем какая-то властная сила втянула его в дикое разнообразие красок, бушующий водоворот радужных бликов. Яркие оттенки изумрудно-зеленого, пурпурного, иссиня-черного, нежно золотистого, серебристо-белого и перламутрового цвета проносились сплошным нескончаемым потоком. Словно Конан купался в Вечной Реке, смывшей все краски с платья великой богини Дэркето.

Постепенно он начал различать среди пестрого безумия своих товарищей. Восприятие в иллюзорном мире разительно отличалось от того, каким привык руководствоваться киммериец в реальном мире. Если там, по ту сторону сна, ты видел, то, что видел, то здесь, в эфемерном пространстве требовались особые усилия чтобы что-то разглядеть. Стоило подумать о том, что неподалеку находятся восемь друзей, и Конан видел их лица, но стоило отвлечься, и силуэты быстро исчезали, уступая место серой мгле, полной разнообразных образов.

Голосов своих товарищей он не слышал, зато точно знал, что они хотели сказать и как это делали. Варвар различил удивленный возглас старика Саттара, тихое проклятье, граничившее с крайним изумление, вырвавшееся из уст Таллока. Ученицы верховной жрицы и сама волшебница вели себя спокойно — оно и понятно: путешествие по лабиринту сновидений девы-брамины совершали не в первый раз.

«Следуйте за мной!» — прозвучал немой приказ Кесеи.

Повинуясь влечению, которое создавала невидимая сила, киммериец последовал за всеми. Точно добрый наставник взял его за руку и увлекал вперед, в очаровательный мир непознанного.

Постепенно беспорядочный хаос красок начал складываться в упорядоченные образы. Чего тут только не было!

Рассыпанные монеты, зависшие прямо в воздухе, жаркие угли с перекатывающимися волнами пламени внутри, бумажные змеи, гигантские колонны, с вершинами, скрытыми розовой мглой, следы на влажной земле, булькающие лужи, в которых отражались дребезжащие звезды, танцующие змеи, искрящиеся хвостатые кометы, черепки горшков,

конские хвосты, свисающие из ниоткуда и даже смеющиеся черепа с дружеской улыбкой на высохших губах.

Конан поразился, и его молчаливое удивление было услышано. Похоже, мысли составляли в этом мире первооснову общения.

«Это преддверье мира, — пояснила жрица Сна. — До страны сновидений мы еще не добрались».

Вскоре (так показалось северянину) причудливое окружение стало таять. Потом пространство вокруг очистило алое пламя.

Странники оказались в великом шаре, не имевшем границ. Все окружающее пространство испещряли входы в коридоры, не имеющие продолжения. Странные двери были плоскими как тонкие монеты, и позади них ничего не было. И все же варвар был уверен, что каждая из них куда-то вела.

«В сны людей, — сказала Кесея, вероятно, уловив немой вопрос Конана и остальных. — Каждая дверь открывает вход в сновидения отдельного человека. Если долго искать, то здесь можно найти и ворота в собственные видения».

У миллионов плоских врат летали тучи непонятных существ, похожих на призраков.

«Это зерии, — вновь пояснила высшая дева-брамин. — Они относят порошок снов в сознание каждого через эти ворота. Зерии делятся на гениев, лемуров и ламий. Гении несут людям добрые сны, лемуры — тревожные, зачастую пугающие, а ламии — видения, связанные с будущим, то есть пророчества».

Группа обратила внимание на гигантов с тысячей змеящихся щупалец, похожих на чудовищных многоглазых осьминогов.

«Саривии. Питаются маной и вырабатывают порошок, который передают зериям для доставки. Мана сыпется сверху, ее производит сам владыка страны снов, Гипиос-Рен».

Странники посмотрели наверх, но, разумеется, они никого там не увидели.

«Если мы опустимся ниже, то увидим мелкие норы, ведущие в сны животных и крошечные черные дырки, открывающие вход в сны растений. Но их обслуживают бесплотные рапии и это вовсе неинтересно, потому как большинство снов животных, не говоря уже о растениях, состоит из простого смешения света и тени. Можно подняться вверх — там сны демонов и добрых божеств. В них проникать очень опасно, потому что ты рискуешь попасть в вечный плен к могучим существам и больше никогда оттуда не выбраться».

«Джесал говорил нам об иллюзорной Пагоде Сна, скрытой где-то в пространствах этого мира, наставница, — сказала Алекса. — Но я не вижу здесь ничего!»

«Он спрятал свое убежище в снах какого-то человека!» — беззвучно произнес Конан.

В сторону варвара заскользили волны общего удивления.

«Совершенно верно! — поддержала Конана верховная жрица Гипнос-Рена. — Столикий спрятал обитель где-то в снах смертных».

«Но здесь миллионы дверей! — сказала Диаса. — Как нам отыскать нужную?»

«Может быть, Конан знает?» — предложила идею Исира.

«Откуда я могу это знать?! — пронеслась волна, напомнившая сердитый шепот. — Не я создавал этот мир!»

«Конечно, Конан ничего не знает о планах чернокнижника», — согласилась Кесея.

«Но как-то ведь мы должны найти ирреальную Пагоду Сна, о которой говорил Джесал!»

«Я предлагаю залезть в парочку снов, — объявил лунный маг. — Может быть,

содержатель убежища Шао Луна чем-то выдаст себя».

«И как ты обнаружишь этот признак, уважаемый колдун?» — с недоверием спросил его Таллок.

«Признак должен существовать, верно, госпожа Кесея? — обратился Саттар за поддержкой к верховной жрице. — Я не привык бродить во снах, я всю жизнь следил только за теми, кто спит. Но готов остричь и съесть свою бороду, если вы не отличите сны могучего чернокнижника от простого торговца посудой».

«Саттар прав. За долгое время странствий по иллюзорному миру, я заметила, что двери в сновидения различаются. Так, например, врата правителей, гордых и властных, отличаются необычным размером и пышностью украшений, в то время как двери в сны нищих, с ограниченным сознанием, похожи на вход в убогую лачугу. Это нелегко заметить, но ничего невозможного нет. Из снов владык доносятся громкие речи, и слышится тихий звук шагов заговорщиков, крадущихся в королевскую спальню с занесенными кинжалами. В снах бедняков звучит мольба и жалобы на постоянный голод. Вход в сны колдунов часто расцвечивается грозными синими или алыми всполохами, оттуда слышится стон и протяжный вой».

«Предположим, Шао Лун спрятал пагоду в снах другого чародея, — сказал Таллок. — Но даже тогда остаются сотни, тысячи входов! Искать бесполезно. Здесь можно провести ни один год, в то время как твое тело, оставшееся без души, вскоре умрет».

«Некоторые брахманы, которых я обучала в прошлом, могли засыпать на долгие годы. Их тело не старилось, пока они странствовали в мире сновидений».

«Отлично. Кто пожелает остаться здесь, чтобы найти убежище колдуна?»

«Я могу попробовать…»

«Нет, наставница, — сказала Диаса. — Ты нужна нам там, чтобы вести нас в Кхитай, и без твоей помощи мы никогда не доберемся до Шао Луна».

«Тогда останусь я», — сказала Алиэль.

Сердце варвара дрогнуло. Ему вновь вспомнилась история с Иллани и ее конец. Пытаться поймать хищника в собственных владениях равносильно прогулке над бездной по ветхому мостику. Алиэль непременно погибнет.

Девушка словно почувствовала мысли киммерийца, направленные в ее сторону.

«Не волнуйся, Конан, — сказала Алиэль. — Ты будешь защищать меня в реальности, а я тебя здесь, в снах. Мы в ответе друг за друга, милый».

Варвар хотел возразить, но Кесея произнесла:

«Пусть идет. После меня Алиэль самая опытная дева-брамин, одаренная способностью путешествовать в стране снов».

«Она погибнет! Неужели ты этого не понимаешь?!»

«Алиэль справится, Конан. Будет лучше, если мы позволим ей действовать самостоятельно. Ведь ты же не хочешь, чтобы Шао Лун вновь добрался до твоего сознания?»

«Это безумие…» — упрямо проворчал варвар.

«Я вернусь сразу, как только найду то место где, прячется Шао Лун, — сказала девушка. — И хочу увидеть тебя рядом, когда открою глаза».

«Послушай ее, Конан, — посоветовал Таллок. — Лучше доверить это дело девам-браминам, которые давно изучили сны и занимаются магией ни один год».

«И кто лучше тебя защитит Алиэль в реальности, пока она будет спать?» — поддержал Таллока Саттар.

Под общими уговорами северянин сдался. «Но если почувствуешь неладное, немедленно возвращайся, — предостерег девушку Конан. — Не строй из себя великую воительницу Сна. Шао Лун, как я уже успел убедиться, не тот человек, с кем можно затевать игры».

«Разумеется, милый. Я буду осторожна».

Алиэль скользнула вверх, к ближайшему входу, откуда плавно выползал алый туман. Ученицу Кесеи поглотила красноватая мгла.

«Я верю, что доберусь до чернокнижника в Кхитае прежде, чем с ним встретится Алиэль в этом туманном мире, где противника нельзя сразить сталью», — твердо произнес варвар.

«Выбираемся отсюда, — сказал Вало. — Было очень непредусмотрительно с нашей стороны отправиться в мир снов, не выставив охрану вокруг лагеря. Пока мы странствуем здесь, наши тела беззащитны».

«Подождите! — воскликнул Таллок. — Раз уж мы здесь, так давайте заглянем в чей-нибудь сон. Негоже покидать страну сновидений, так нигде и не побывав».

«Да, я тоже хочу! — объявил лунный чародей, у которого вошло в привычку во всем поддерживать юношу. — Да и Конан, наверное, не откажется. Мы в отличие от вас никогда здесь не были раньше».

«Хорошо, — уступила Кесея. — Вало, Исира и Диаса пусть возвращаются назад, а я с Алексой покажу нашим друзьям пару чудес этого мира».

«Вот это здорово!» — восхитился молодой странник.

«Всего пару снов, — напомнила высшая жрица. — Готовы?»

«Конечно».

Четверо путешественников влетели вслед за Кесеей в провал ворот, напоминавших вход в каменную башню. Странники оказались в сновидениях какого-то британийского стражника. Человеку виделись подземелья, освещенные светом чадных факелов. Сам он шел с подносом еды в караульное помещение, откуда доносился хохот подвыпившей стражи и дружный стук глиняных кружек. Внимание охранника приковала большая лоза сочного винограда, лежавшая на подносе. Стражник решил, что стоит представить несколько виноградин собственному желудку, прежде чем он отнесет поднос в караулку. Человек остановился, запустил свои пальцы в ягоды и принялся жадно пожирать виноград.

Потом странники углубились в сон офирского богача, но быстро покинули сновидение, ибо оно изобиловало такой непристойностью, что ни у кого из путешественников по эфемерному миру не возникло желания его просмотреть. Богач мечтал об оргиях с юными наложницами, и сны офирца переполняли обнаженные тела девушек, стонущих в сладких муках.

Кесея хотела возвращаться, но Таллок и Саттар упросили волшебницу повременить с обратной дорогой и пройтись по дороге еще пары снов.

Они влетели в сумрачный сон южного дикаря. Негру снилось, что его преследует леопард. Он так боялся, что его страх передался всем непрошенным гостям сновидения. Зембабвиец слышал частое дыхание хищника, чувствовал его желание отведать свежей крови.

Сон негра не был похож на сны цивилизованных людей. Основное место в нем занимали воплощения первобытных инстинктов вперемешку с суевериями. Разобраться в происходящем было трудно, основной информацией, которую можно было прочесть, являлись чувства. Сцена с леопардом медленно перетекла в сцену охоты на газель, и волна

слепящего охотничьего азарта ударила по невольным свидетелям сна. Потом показалась колонна жертвенного идола, перед которой негр испытывал благоговейный страх, граничивший с ужасом, не дававшим забыть о могучем и злом божестве. Зембабвиец считал, что, если он будет плохо кланяться богу, великий демиург поразит его молнией.

Еще странники видели глазами человека, как шаман племени открывает сезон охоты. На земле вырисовывался силуэт животного, который чернокожие воины поражали под звуки барабана своими длинными копьями.

После этого путешественники вмешались в другой сон, и Кесея предупредила, что, несмотря ни на какие уговоры, этот будет последним.

Им удалось забраться в сны какого-то кхитайского лавочника, торговавшего посудой. Сновидение человека наполнял мелодичный звон, и раскрашивали краски преимущественно светло-синего и оранжевого оттенка. Поведение кхитайца даже во сне отвечало всем правилам этикета: ответить на вежливость собеседника, задать нужный вопрос в нужное время, показать свое уважение к старшим и богатым.

Затем верховная дева-брамин велела возвращаться назад, сетуя на то, что они итак уже порядком задержались. Странникам вновь пришлось пройти причудливый мир непонятных предметов, сложенных в беспорядок, который уравновешивали странные законы. Мир сменил разноцветный хаос красок, а его место заняла серая и пустая мгла обыкновенной дремоты.

Конан проснулся. Алекса и ее наставница уже пробудились ото сна. Таллок и Саттар медленно приходили в себя.

Светило утреннее солнце, разбрасывая по земле пучки ярко-желтых лучей. Грузные тучи, словно молчаливая армия, двигались с запада на восток.

Диаса и Исира, покинувшие эфемерное пространство раньше, готовили завтрак. Палач Вало стоял на часах, вглядываясь вдаль. Не проснулась только Алиэль.

Девушка продолжала спать, мягко прислонившись к плечу варвара. Конан, повинуясь внезапному желанию, хотел с силой встряхнуть ученицу Кесеи, чтобы та вернулась в настоящий мир. К чему этой девчонке опасные игры? Зачем ей просторы иллюзий, где царствует проклятый ученик Гипнос-Рена? Киммериец удержался только благодаря тому, что знал, Алиэль его не услышит и не очнется ото сна.

— Кесея, — обратился Конан к верховной жрице. — Ты когда-нибудь рассказывала Алиэль о том, что случилось с Иллани, вздумавшей прогуляться по миру снов в одиночку? Волшебница покачала головой.

— К чему? Страх — плохой помощник в стране сновидений.

— Тогда молись всем богам, чтобы юная чародейка не нашла эту злосчастную обитель. Если она встретится с Шао Луном, ей конец.

— Она справится, Конан, — сказала дева-брамин Сна, но в этот раз ее голос прозвучал менее уверенно. И уж, тем более, он не мог убедить киммерийца, который не видел в этой затее с поиском ирреальной Пагоды Сна ничего хорошего.

Оставалось надеяться, что юная дева-брамин не попадет в ловушку, расставленную коварным колдуном. Надеяться и ждать.

Глава XIII

Степь казалась совершенно чужой областью для дев-браминов. Конан и Таллок, пространствовавшие немало за свою жизнь, могли ориентироваться в голом пространстве почти полностью лишенном растительности. По лицу Вало нельзя было прочесть вообще ничего — огромный вендиец сохранил бы свой бесстрастный вид, даже если бы странники ехали через царство мертвых.

Юноше было интересно, умел ли вообще гигант удивляться.

Лошадей Кесея приобрела хороших — скакуны не уставали за время долгого пути и требовали малого ухода.

Алиэль, прибывавшую в глубоком сне, пришлось уложить на повозку со скарбом. Девушка спала настолько крепко, что не реагировала ни на чей-либо голос, ни смену дня и ночи. Казалось, уже ничто не в силах ее пробудить и она навсегда останется недвижимой, с ее сознанием, запечатанным сном.

Время неспешно перевалило за полдень, и солнце качалось высоко в небе, надменно улыбаясь девятерым путешественникам.

Конан резко взмахнул рукой, призывая остановиться. Повинуясь приказу варвара, странники натянули поводья. Киммериец спешился и, оставив коня, побежал вперед в северо-западном направлении. Отмерив сто шагов, он замер и склонился над землей. Вало, Алекса и Диаса остались в седле, в то время как Кесея. Саттар, Исира и Таллок пошли посмотреть, что же такое необычное привлекло внимание варвара.

Не доходя до странного места двадцати шагов, Таллок первым разглядел, чем заинтересовался киммериец. Конан сидел на земле, участок которой разительно отличался от почвы, характерной для степи. Пятачок, около ярда в диаметре, был совершенно белым. Возможно, землю покрывала соль, хотя скорее это походило на пыль — частички белого порошка казались совсем крошечными.

— Что это? — спросила Конана верховная жрица.

— Я не знаю, — откровенно ответил северянин. — Впервые вижу такое.

Таллок склонился над землей рядом с киммерийцем. Юноша сгреб щепотку белого порошка и медленно пропустил его сквозь пальцы.

— Зола какая-то… Или прах.

Конан пошарил пальцами в куче пыли и извлек оттуда кость.

— Кто-то сжег здесь человека! — почти в ужасе закричал Саттар. — Кровожадные колдуны!

— Успокойся, старик. Это всего лишь позвоночная кость лошади. Но сомневаюсь, чтобы кто-то тут разводил костер — следы бы остались совершенно другие.

— А что ты скажешь на это? — Таллок обнаружил в белом песке человеческий череп с зияющими провалами глазниц.

— Да, похоже, здесь расстался с жизнью не только конь. Наверное, что-то напало на всадника и пережевало его вместе с конем. А кости выплюнуло вместе с этим порошком.

— Это жертвенник, Конан! — с пугающей уверенностью провозгласил Саттар.

— Я знаю обычаи мунганов. Степняки никогда не приносят человеческих жертв, чтобы задобрить богов.

— Значит, что-то заставило их изменить традиции.

— Может, это вовсе не мунганы, — сказал Таллок. — Вдруг по степи бродит чудовище, пожирающее людей и отрыгивающее эту белую дрянь?

— Кто бы ни устроил здесь этот беспорядок, мне это не нравится, — произнес киммериец. — Следует быть более осторожными. Возможно, впереди нас ждет засада.

— Не исключено, что это козни Шао Луна, верно? — сказала Исира.

Конан покачал головой.

— Зачем чародею посылать чудовище, которое охотится на одиноких всадников? Если бы колдун хотел нашей смерти, его посланец отправил бы пас к праотцам еще во время ночной стоянки, пока мы путешествовали в стране снов.

Странники вернулись к своим коням. Обо всем случившемся рассказали остальным.

— Ладно, отправляемся в путь, — сказал киммериец.

Они скакали до самой темноты, и только когда небо приобрело темно-синий окрас, впереди показались шатры кочевников, освещенные светом многочисленных костров. В поселке, который носил название Араказ, что в переводе с языка степняков значило «колодец», действительно, насчитывалось не больше трех десятков жилищ. Однако по странному стечению обстоятельств в селении в тот вечер оказалось огромное число кочевников. Даже если в каждом шатре жило по шесть человек, то тех степняков, что сидели у костров, было вдвое больше. Из поселка неслись песни мунганов, протяжные и гулкие, как степной ветер, возбужденные голоса, крики и даже звуки борьбы.

— Не нравится мне все это, — поделился мыслями Таллок, ехавший рядом с Конаном.

— Чего ты боишься?

— Я боюсь того, что не знаю, чего бояться. Как только я вижу опасность, я дерусь или убегаю. А сейчас я не знаю, чего ждать и что делать. Мы едем в этот поселок, и у меня все настойчивее складывается нехорошее предчувствие. Чудовище, глотающее всадников вместе с конями, огромные сборища кочевников… У них что — праздник какой-то?

— Узнаем, когда доберемся.

— Когда доберемся, может оказаться слишком поздно. Не забывай, с нами женщины, Конан.

Вало незаметно подъехал ближе к двум странникам и теперь вслушивался в их разговор. Когда дело касалось безопасности дев-браминов, вендиец-великан становился необыкновенно чутким ко всему, что происходило вокруг. К своей работе главный убийца-экзекутор общества брахманов Сна относился со всей надлежащей серьезностью. Палач-гигант старался никогда не допускать ошибок, которые могли поставить под угрозу жизнь жриц Сна.

— Мы торговцы. Какого демона можно получить с тех, кто торгует склянками? — рассуждал варвар. — Лучше въехать в поселок, не таясь, чтобы не вызвать у кочевников лишних подозрений.

— Я никогда не доверял жителям степей. — Они такие же люди.

— Ты привык судить по себе, киммериец, — осторожно сказал юноша, чтобы не прогневить северянина. — Я же побывал во многих странах и успел убедиться, что у разных народов разные ценности. Если ваш брат с севера всегда скор на руку, но никогда не ударит понапрасну, то о степняках такого я сказать не могу. Эти мерзавцы всегда готовы затаить злость в себе, и даже если кочевники не сумеют совладать с противником в открытую, то всадят тебе нож в спину при первой же возможности.

— Разрази тебя гром, парень! Послушав твои речи, можно было вообще никуда не отправляться из Вендии! Зачем же ты тогда поехал с нами в Кхитай?

— Чтобы присмотреть за теми, кто может совершить ошибку. И чтобы не погибли те, кто достоин жить, — сквозь сжатые зубы произнес юноша. — Тебе этого не понять, воин.

— Какие у тебя опасения, юный странник? — спросил Таллока вендиец, который отнесся к словам юноши с большим вниманием. — Почему ты не хочешь ехать в этот поселок?

— Не нравится он мне, — буркнул странник. — Скверное предчувствие. Ничего не могу с этим поделать. Если Конан питает какую-то скрытую симпатию к этим коневодам, я ее не разделяю.

— Поворачивать поздно, — сказал Конан. — Они, наверняка, нас уже заметили. У степняков хорошее зрение… И быстрые лошади.

— Я не прошу поворачивать. Давайте всего лишь приостановимся. У меня есть на вооружении один фокус, которому меня обучили кхитайские мудрецы. Верный способ проверить, действительно ли впереди нас ждет беда.

Группа придержала коней. Таллок вытащил из седельной сумки маленький мешочек.

— Внутри гадальный бисер. Путь каждый из вас вытянет по бусинке, которая и определит, что ожидает его в скором времени. Если попадется зеленая горошина — это к удаче, белая — никаких напастей, красная — опасность, черная — верный признак несчастья. Давай, Конан, ты первый.

Киммериец опустил руку в мешочек и вытащил бусинку.

— Красная.

— Теперь ты, Вало.

— Красная.

— Кесея?

— Красная!

Три ученицы верховной жрицы поочередно вытащили по бисеринке. У всех на ладони оказалась красная бусинка. Саттар не составил исключения. Последним вытянул предсказание Таллок. Ответ был однозначен. Красная.

— Это не жульничество, — сказал юноша. — Не подумайте, что я вас обманул — вот весь бисер…

Таллок ссыпал на ладонь разноцветные крупицы. Преимущественно все белые, значительная часть зеленых, немного красных и всего несколько черных. Остальные — в руках странников.

— Чертовщина какая-то… — тихо произнесла Алекса.

— Какая бы беда нас ни подстерегала, мы с ней справимся и доберемся до Кхитая, — твердо заявил варвар, отшвырнув мелкий красный шарик.

— Подождите! — внезапно воскликнула Исира. — У нас остался еще один человек, который не тянул жребий!

Взгляды устремились на спящую Алиэль.

Таллок ссыпал назад гадальный бисер. Вдвоем с Кесеей они подошли к девушке, тело которой недвижно лежало на повозке, укрытое тонким пледом. Высшая жрица осторожно взяла пальцы девушки и погрузила их в мешочек. Осознанно или нет, но Алиэль ухватила крохотную бусинку.

Таллок взял бисеринку из ее пальцев и передал остальным странникам. На несколько

мгновений в воздухе повисла тишина, нарушаемая лишь стрекотанием цикад. Никто не решался огласить результат предсказания. Ввосьмером они уставились на черный шарик, словно никогда не видели в жизни ничего страшнее.

— Может…

Кесею прервал скорый топот копыт. Со стороны Араказа приближался большой отряд конных воинов мунганов. Всадников было полсотни — пятеро на каждого участника похода. Конан и Вало мгновенно положили кисти на рукояти мечей, еще не очнувшись от зловещего смысла предсказания.

— Кто там прячется во тьме, словно кровожадный бес? — послышался злой окрик. — Если ты друг — покажись, если враг — беги без оглядки.

Конан вышел вперед, распалив факел. Кони мунганов захрапели.

— Мы не враги, степной народ!

— Почему вы скрываетесь, подобно стае шакалов, вместо того, чтобы приблизиться к поселку?

— Наши кони устали. Мы решили позволить им небольшой отдых.

Степняки разожгли свои факелы, после чего десяток конников во главе со своим лидером приблизился к группе путешественников. Кочевники недоверчиво оглядели чужаков.

— Кто вы?

— Торговцы. Наш путь лежит из Вендии в далекий Кхитай. Мы везем целебные снадобья ко двору самого императора.

Взгляд главного мунгана метнулся от Конана к остальным. В темных глазах степняка мелькнул хищный блеск, когда кочевник заметил учениц Кесеи, и киммерийцу это не понравилось.

Таллок так и не залез на своего коня. Юноша стоял на земле, переминаясь с ноги на ногу. В его душе бушевали волны опасений, смешанные с пеной плохих предчувствий. Он тоже заметил недоброе выражение во взгляде мунгана, когда тот глядел на Алексу — так работорговец оценивает живой товар. Сердце юноши, бешено колотилось.

— Мое имя Суригай, — сказал вождь степняков. — Если вы и вправду мирные торговцы, то вам незачем ночевать под открытым небом. Араказ всегда рад приветствовать почетных гостей.

Конан представил степнякам Кесею, не забыв прибавить «госпожа» к имени волшебницы. Все-таки он играл роль наемного слуги. Ученицы верховной жрицы Сна так и остались ее ученицами, Саттар и Таллок выдали себя за мастеров по изготовлению волшебных снадобий. Лунный маг представился кудесником алхимии, а юноша — его подмастерьем.

Кочевники проводили странников в поселок.

Перед тем, как пригласить торговцев в главный шатер, где полным ходом шел развеселый праздник, Суригай и его приближенные ненадолго оставили группу путешественников. За это время Конан и остальные успели увидеть нечто противоестественное, даже жуткое.

У одного из костров мунганы устроили кровавую забаву — привязав к столбам, вкопанным в землю, трех мужчин и двух женщин, кочевники кидали в них ножи и топоры, но так, чтобы нечаянно не убить своих жертв. Острые клинки оставляли на телах несчастных кровоточащие порезы или срезали кусочки плоти. Пленники стонали, однако в ответ им

несся дружный хохот мунганов. Тела жертв были красны от крови, сочившейся из многочисленных ран. Страшнее всего казалось то, что умереть несчастным позволят не скоро. Жестокие игры, при желании и нужном умении палачей, могли затянуться ни на один час. Удивляло и то, что пленники были такими же степняками, только, вероятно, из другого племени.

Странники решили не вмешиваться не в свое дело. Мало ли за что могли провиниться эти люди. Но Конан все же поинтересовался у Суригая, нет ли у его людей желания оставить истязания несчастных.

Предводитель кочевников и в самом деле велел прекратить кровавые забавы. В ответ разнесся многоголосый ропот кочевников, но вождь быстро успокоил их, сказав, что пленники еще могут пригодиться. При этом он сделал странный жест рукой снизу-вверх, растопырив все пять пальцев. Недовольство вскоре угасло. Измученных людей отвязали от столбов и унесли.

— Это разбойники, — пояснил Суригай. — Они напали на наш поселок, едва стемнело. Хвала Тайсулашу, мы переловили их всех, прежде чем они учинили разгром. Разве то, что вы видели — не справедливая кара для убийц детей и похитителей женщин?

Конан, да все остальные, несмотря на разность взглядов, в этом случае придерживались иного мнения. Однако спорить с Суригаем никто не стал.

Диаса осталась в повозке со спящей Алиэль. Остальные странники вошли в шатер, где им были предложены места вокруг скатерти с едой и питьем. Женщин среди веселящих кочевников не было, и это быстро бросилось в глаза внимательному северянину. Пили знатные мунганы только из золотых кубков. Посуда и подносы переливались в свете факелов нежным серебряным светом. Ковры, расстеленные на земле, выдавали отличную работу лучших вендийских мастеров. Выторгованные или награбленные? Одежда кочевников была сшита из кожи козлов и отборных шкур соболя, куницы, ондатры. Мунганы ели мясо, и жир капал на дорогие шубы и накидки степняков.

Суригай представил гостям собравшихся и познакомил путешественников со своими приближенными.

— Это мой брат Кезеш, — вождь кочевников хлопнул по плечу воина в малахае гигантских размеров, отороченном белоснежным мехом юного ягненка. — Наш воевода. А это Асалга-колдун.

Человек с треугольной бородкой и бегающими темными глазами коротко кивнул.

— Наверное, вы устали с дороги, путешественники. Хунджур, принеси гостям вина и дорогих яств!

— Может быть, вы хотите взглянуть на товар, который мы везем в Кхитай? — спросил Таллок. — Глядишь, вас что-нибудь заинтересует. У нас есть омолаживающее зелье и отвары трав, повышающие мужскую силу.

Суригай лениво махнул рукой, не проявив ни капли заинтересованности в предложении Таллока. Как-то странно вели себя эти мунганы, сразу мелькнула мысль юноши. Никто из них не захотел взглянуть на товар, который везли торговцы. Обычно степняки были не прочь получить свою долю с товара проезжих купцов. Но если зелья возбуждали в коневодах малый интерес, то молодые ученицы Кесеи постоянно притягивали их взоры.

Невысокие, но кряжистые степняки с обнаженным торсом и в широких штанах, с кривой саблей на боку, принесли в шатер подносы с едой и огромные чары с вином. Все изобилие кушаний и напитков они разложили перед гостями. Конан ухватился за баранью

ногу, но Кесея перехватила в запястье руку варвара, недвусмысленно дав понять, что с угощением лучше повременить.

— Сначала расскажите нам о празднике, на который нам выпала честь присутствовать в Араказе, — сказал киммериец, вернув на место кусок мяса.

— О! Великий праздник! — возбужденно воскликнул Суригай. — Вскоре воины нашего племени станут непобедимы — их поведет великий вождь Кхазалам-Амол…

Кисть Асалги-колдуна мягко опустилась на плечо предводителя кочевников, словно тот не хотел, чтобы из уст вождя вылетело нечто, не касающееся чужеземцев.

— Разделите нашу радость, странники! — торжественно произнес Суригай, поднимая свой кубок. При этом его взгляд неотрывно следил за действиями гостей. Те, в свою очередь, не торопились с поздравлениями.

— Кто такой Кхазалам-Амол? — спросил Конан.

— Это Тот, Кому Все Поклоняются! — уверенно заявил кочевник. — Большой-большой. Сильный-сильный. Могущественнее любого человека!

Асалга-колдун внимательно следил за тем, чтобы вождь не сболтнул ничего лишнего. Но, похоже, степняк больше не выдавал ничего тайного — новых знаков от мунганского колдуна не последовало.

— Ты — говорить с Кхазалам-Амол ом сам, воин, — сказал колдун, страшно коверкая слова. — Он становиться очень радостный.

Недобрые улыбки осветили лица степняков.

— Вы с ним обязательно встретитесь, — пообещал Суригай. — Кезеш вас проводит. Но сначала покушайте.

Кесея украдкой взглянула на Исиру. Девушка уже долгое время пыталась проникнуть в сознание кочевников, стремясь выяснить, что у них на уме. Кроме плавания по смрадным волнам враждебности, деве-брамину удалось узнать о том, что в вино и еду, принесенную гостям, был подсыпан дурманящий разум порошок. Глаза девушки расширились. Неужели мунганы хотели их отравить?! Ведь не может быть, чтобы коневоды позарились на жалкие склянки!

Верховная жрица прочитала мысли девушки и беззвучно сообщила Алексе, о том, что узнала Исира. Дева-брамин, специализировавшаяся на создании иллюзий и галлюцинаций, послала в умы своих друзей одним им видимый образ. В кубках с вином заклокотала черная жидкость, источающая бледный дым и нестерпимую вонь, а в мясе, разложенном по подносам, закопошились жирные личинки. Это было предупреждение. Саттар с испугом выпустил из рук свой кубок, расплескав вино по скатерти. Видно, эффект магии иллюзий превзошел все ожидания.

Мунганы начали что-то подозревать. Лица кочевников сделались суровыми.

— Разве вы не хотите выпить за наши будущие победы и за великого вождя Кхазалам-Амола?! — строго спросил путешественников Суригай.

Копан разгадал замысел кочевников. Они возжелали заполучить девушек, опоив зельем. Сонных мужчин степняки наверняка бы вырезали.

Меч варвара легко выпорхнул из ножек. Свистнула сталь — и голова вождя коневодов покатилась под полог шатра.

Мунганы взвыли в один голос.

— Саттар! Таллок! Уводите отсюда женщин! — прокричал киммериец. — Возвращайтесь к повозке, найдите Алиэль и Диасу и убирайтесь отсюда ко всем демонам!

Степняка, сидевшего рядом с северянином, варвар разрубил почти надвое, от плеча до пояса.

— Вало! Задержим паршивых псов!

Гигант метнулся влево. Его стальная кисть выдрала из горла мунгана кусок окровавленного мяса. Вендиец выхватил меч, и второй противник расстался с жизнью.

Пока ошеломленные кочевники приходили в себя, Конан зарубил еще двоих врагов в общей суматохе. Степняки упали на скатерть, опрокинув чары с вином и перевернув подносы. Кровь забрызгала полог шатра крупными алыми каплями. Кезеш, взревев, точно раненый вепрь, бросился на варвара с занесенным ножом, но споткнулся об обезглавленное тело Суригая и упал у ног киммерийца. Впрочем, прикончить степного воина Конану не удалось — Кезеш, точно гигантский уж, прытко извернулся, избежав удара огромного меча. Кто-то поскользнулся на растоптанной еде, и тут уж киммериец не растерялся — клинок варвара срубил полголовы кочевника, обильно плеснув мозгами на пестрые ковры.

Саттар и Таллок успели скрыться в ночи с девами-браминами. Хотелось верить, что никто не сумеет их задержать.

Вало, использовав всю свою божественную силу, нанес такой страшный колющий удар, что пропорол насквозь сразу двух мунганов. Кто-то из врагов справа взмахнул дубиной и попал в плечо великану, пока тот высвобождал клинок из оседающих тел визжащих степняков. Но палач общества Сна этого даже не заметил. Зато другой степняк с ястребиным лицом зашел за спину вендийца и ткнул Вало ножом. Удар повис в воздухе — меч Конана перерубил шею коварному противнику. Поливая всех окружающих кровью, бьющей напором из рассеченной артерии, он затанцевал на месте, закружившись диким волчком, потом резко завыл и упал на забрызганные кровью ковры.

Асалга-колдун даже не пытался драться. Волшебник степняков, предавшись панике, поскуливая, бросился К выходу из шатра, по пути перевернув светильник. Пламя быстро облизало шторы и перепрыгнуло на ткань шатра.

На улице все отчетливее зазвучали яростные крики мунганов, спешивших на помощь своим.

— Конан, прорываемся к выходу!

Вало оттолкнул своей огромной пятерной тщедушного кочевника прямо в зашторенный выход, объятый огнем. Одежда на упавшем степняке покрылась резвыми язычками пламени, и он с воем вырвался наружу, подпрыгивая в безумной пляске адского светлячка.

Двое защитников дев-браминов оказались снаружи полыхающего шатра в плотном окружении противников.

Копья и сабли многочисленных врагов закружились свирепым стальным ураганом. Железный ветер смерти ударил отовсюду — справа, слева, сзади…

Конан отхватил чью-то слишком длинную руку, едва не вонзившую саблю в его правый бок, развернулся и ударил снова. Меч ушел в мягкую плоть на две ладони. В ночном воздухе разнесся скверный запах, расточаемый лопнувшим мочевым пузырем.

Еще пара секунд сражения, и на киммерийца глянул уродливый лик темноты. Необыкновенная тяжесть раздавила Конана, втоптав в землю тяжелыми подошвами невидимых ног.

Последний вздох…

…И лязг меча, выходящего из плоти очередного врага.

Глава XIV

Свет больно ударил по слепленным векам. Конан с трудом открыл глаза. Его взгляду предстала голая степь, с низко нависшими над землей тучами. Ночь была на исходе, и из-за плотной пелены серо-синих облаков пробивались первые робкие лучи светила.

Ценой немалых усилий варвар повернул голову. Все тело болело так, словно сам Кром ни один раз ударил по нему своим боевым молотом, Видно, проклятые кочевники потрудились на славу. Во рту ощущался соленый привкус крови. В ушах стоял тяжкий гул сотни охотничьих рогов.

Их было семеро. Семеро несчастных, привязанных к деревянным колоннам. Семеро человек, обреченных на долгую и мучительную смерть. В одном из пленников киммериец узнал Вало. Голова гиганта покоилась па груди, лицо вендийца покрывала корка запекшейся крови. Великан так и не пришел в сознание. Остальными были те пятеро пленников, которых мунганы пытали вечером. Живы из них были только трое — один мужчина и одна из женщин скончались от полученных ран, и к колоннам были привязаны их мертвые тела, у которых роился целый сонм кровососущей гнуси. Один из выживших мужчин, колонна которого располагалась ближе всего к той, на которой висел Конан, пришел в себя. Его мутные глаза застыли на лице варвара.

— Кто ты, брат?

— Конан, — коротко ответил киммериец.

— Почему вы пытались спасти нас, воин?

— Мы не пытались. Наша группа просто проезжала через это забытое богами селение. Коварные шакалы из вашего народа возжелали заполучить наших женщин, а нас вырезать, точно баранов. Пришлось отбиваться. Надеюсь, я убил много врагов — негоже являться к Крому в одиночестве.

— Те, о которых ты говоришь, не из нашего народа.

— Что? Разве Араказ не мунганское поселение?

— Когда-то было. Пока его не захватили гир-канцы.

— Гирканцы! Как они пробрались в эти земли?

— Суригай и его Клан Костей раз в год собирает своих воинов из всех селений, чтобы провести ритуал поклонения своему кровожадному богу Кхазалам-Амолу. Это даже не бог — чудовище, обитающее на берегах подземных рек и раз в год выбирающееся на поверхность на несколько дней, чтобы собрать жертвы, которые преподносят ему поклонники из Клана Костей. В обмен на щедрые дары Кхазалам-Амол делится со степняками своей силой. Позапрошлой ночью гирканцы напали на наше селение и беспощадно расправились со всеми жителями. Остались только мы пятеро, но Суригай сохранил нам жизнь лишь для того, чтобы принести в жертву своему поганому богу!

— Я убил Суригая.

— Что ж, теперь его место займет Кезеш. Он и сам давно мечтал разделаться со своим братом. Однако этот степняк оставил тебе жизнь вовсе не из благодарности к твоему поступку. Ты тоже станешь частью кровавого пиршества Кхазалам-Амола.

— Никогда!

— Как только взойдет солнце, он придет и пожрет наши тела.

Пленник прикрыл глаза.

— Эй! Как твое имя, друг?

— Маллас, — вздохнул кочевник.

— Ты рано теряешь надежду, парень. Мы еще выберемся отсюда и спляшем на мертвых телах наших врагов.

— Но как мы спасемся от Кхазалам-Амола, Конан? Рассвет уже близко.

Киммериец принялся яростно тереть путы о колонну. Веревка из конского волоса была старой и не очень прочной.

— У нас еще есть время…

Варвар вкладывал в работу все больше усилий, пока небо на востоке медленно не покрывалось блеклой желтизной. Гигант Вало открыл один глаз и взглянул на пленников. Второй глаз вендийца заплыл сгустком крови.

— Где мы, Конан? Неужто в покоях Асуры? Тогда почему я вижу все ту же степь?

— Жив! — воскликнул варвар, увидев палача брахманов в сознании. Киммериец вспомнил, как целый десяток дубин опустился на затылок Вало. Это было последнее, что видел Конан, прежде чем кочевники ввергли его в бездну мрака.

— Значит, я еще до сих пор не у Асуры, — сделал вывод веидиец, оглядевшись по сторонам. — Где Кесея и девы-брамины?

— Надеюсь, им удалось уйти. Мы с тобой попали в серьезную переделку, Вало. Скоро сюда явится Кхазалам-Амол, охочий до человеческих жертв, и тогда мы точно отправимся каждый к своему богу.

— Я не собираюсь умирать, пока не уверюсь, что со жрицами Сна ничего не случилось.

— Поддерживаю тебя, друг. Нужно вырваться из этого плена.

Веревка, сдерживающая Конана, заскрипела еще сильнее. Вало, увидев, чем занят северянин, с утроенной силой взялся за свои путы. Маллас и двое других выживших мунганов не пытались освободиться — слишком много пленники потеряли крови. И у них почти не осталось сил.

Солнце медленно озарило землю первыми лучами.

Вдалеке показались гирканцы Клана Костей.

Воины выстроились огромным кругом, окольцовывающим семь колонн, на которых висели тела жертв, предназначенные в дар Кхазалам-Амолу. К пленникам направился отряд из шести степняков. В главном Конан узнал Кезеша — его белый малахай нельзя было спутать. Вторым ехал Асалга-колдун, с суровым видом взирающих! на приговоренных к смерти. Кочевники подъехали к пленникам и остановили коней в нескольких десятках шагов.

— Ну что, собаки, готовы к встрече с великим богом? — зло усмехнулся воевода гирканцев.

— То кровожадное чудовище, которому вы поклоняетесь, — не бог! — выкрикнул Конан. — Я убью Кхазалам-Амола, а потом доберусь и до тебя, трусливый шакал!

Варвар плюнул в лицо новому вождю гирканцев.

— Ах ты, мразь! — взревел Кезеш. Но бездумно бросаться на северянина, пусть даже и связанного, он не захотел. Пойманный зверь все равно остается зверем.

Предводитель воинов Клана Костей утер плевок рукавом.

— Проучите его, как следует, — кивнул он на Конана двоим гирканцам. — Но смотрите, не убивайте. И так уже двое этих слабаков сдохли, а Кхазалам-Амол любит свежее мясо.

Степняки выхватили плети и приблизились к колонне, к которой был привязан варвар.

Бока северянина обожгли жесткие ремни, оставившие на измученном теле две красные дорожки. Конан скрипнул зубами, но не позволил стону вырваться наружу.

— Я заставлю тебя визжать от боли! — визгливо крикнул степняк, занося плеть для нового удара.

— Стой! — воскликнул варвар, в голову которого пришла одна стоящая идея. — Не бей меня, ведь я колдун!

Гирканец засмеялся.

— Какой же ты колдун, светлокожий, хе?

— Я умею предсказывать будущее! Хочешь, прочитаю твое прямо сейчас?

Вало и Маллас удивленно уставились на Конана. В глазах кочевника мелькнул интерес. Он давно хотел знать, получит ли он в этом году молодую служанку из числа тех, которыми владел покойный Суригай.

— Говори! Ты все равно умрешь.

— Нет, так не выйдет. Подойди поближе.

Гирканец с подозрением глянул на своего друга, потом на Кезеша, с недоверием поглядывающего на обоих воинов. Любопытство пересилило страх.

— Говори!

— Ближе. Ведь ты же не хочешь, чтобы кто-нибудь услышал, о чем ты мечтаешь?

Степняк приблизился к киммерийцу, не слезая с коня. Он наклонился в седле, чтобы слышать слова пленника.

— Какая награда ждет меня в этом году, светлокожий?

— Никакой.

— Ты лжешь!

— Я говорю правду. Ты ничего не получишь ни в этом году, ни в следующем. Потому что прямо сейчас ты отправишься в гости к демонам…

С этими словами северянин нанес страшный удар по ушам противника, так что голова кочевника едва не взорвалась, подобно спелой дыне. Из носа и ушей гирканца хлынула кровь, всадник замертво пал со своего коня. Удар Конана отправил степняка в мир иной. Варвар уцепился за колонну, чтобы не упасть — его по-прежнему держали ножные путы.

Вало улыбнулся разбитыми губами. Весь этот трюк с предсказаниями киммериец придумал лишь для того, чтобы доверчивый степняк подъехал поближе. Конан уже давно освободился от пут, связывавших его руки. Но, тем не менее, варвар не обманул. Его предсказание оказалось абсолютно правдивым.

Второй гирканец отбросил плеть и выхватил саблю.

Разогнав коня, он нанес хлесткий удар, целясь в шею киммерийца. Конан выставил для защиты узел веревки и захватил оружие противника, обмотав саблю и кисть врага одним молниеносным движением. Кочевник, с пойманной рукой, вылетел из седла, и конь его проскакал мимо колонны. Вывернув кисть гирканца, Кокан отбросил ненужную веревку, едва не перерубленную на две части в месте удара сабли, и завладел оружием степняка. Сверкнула сабля — и варвар полностью освободился от пут. Перекатившись волчком по земле, киммериец воткнул острие в живот оглушенному степняку, делавшему попытки подняться.

Кезеш указал на Конана двум другим воинам из своего сопровождения.

— Принесите мне его голову. Придется Кхазалам-Амолу полакомиться мертвечиной! — в гневе воскликнул вождь гирканцев.

Хищный свист двух сабель вспорол воздух. Варвар увернулся от ударов и контратаковал. Однако этот гирканец оказался умелым не в пример двум предыдущим противникам, с которыми расправился Конан с легкостью. Выпад киммерийца был встречен ответным ударом. Не обращая внимания на жуткую боль в теле, являвшуюся результатом побоев, варвар широко размахнулся и едва не отсек ногу степняка. Удар сабли пришелся по крупу коня, и раненое животное завалилось набок, сбросив седока.

Видя, что Конан может выиграть этот бой, Кезеш решил вмешаться лично. Вождь воинов клана вытащил свое оружие.

— Умри, собака!

— Нет! — вскрикнул Асалга-колдун. — Пора убираться отсюда!

И гирканский волшебник указал на фонтанчики белой трухи, выбивающиеся из-под земли. Приближался хозяин степей, которому было предназначено все представление.

— Ладно, северянин, пусть Кхазалам-Амол за все рассчитается с тобой!

Кезеш развернул коня.

— Я убью тебя, подлый кочевник! Запомни мои слова.

— Встретимся в обители демонов.

Кезеш и Асалга поскакали к своим. Не долго думая, конный гирканец бросился их догонять. Воин, которого спешил киммериец, в отчаянии закричал им вслед:

— Куда же вы, псы?! Не бросайте меня!

— Похоже, тебе придется лично объяснять своему божеству, что ты его преданный слуга, — усмехнулся Копан.

Гирканец с ненавистью взглянул на киммерийца.

— Быстрее, Конан! Освободи меня! — подал голос Вало.

Варвар подскочил к деревянной колонне и двумя короткими взмахами рассек путы; сдерживающие вендийца. Гигант, не теряя времени на восстановление, бросился к мертвому телу степняка, убитого Конаном, и вытащил из-за пояса его нож. Вдвоем они быстро срезали веревки с рук и ног пленных мунганов.

— Вот видишь, парень, надежда еще есть, — сказал северянин Малласу.

Мунганы, несмотря на усталость, быстро приготовились к схватке. Мужчины вытащили ножи из одежды степняков, а женщине отдали саблю мертвого гирканца.

— Убьем Кхазалам-Амола! — крикнул Маллас.

— Это невозможно, — проворчал гирканец, сверкая глазами.

— Заткнись! Надеюсь, кровожадный идол сожрет тебя первым!

Вшестером они стали ждать приближения хозяина степей.

Серую землю, покрытую небольшой порослью жухлой травы, расцветили белые пятна. Именно такие видели странники прошлым утром, только это было не пятно, а большой круг белой пыли.

Колени гирканца предательски дрожали.

— О, Тайсулащ, защити меня! — прошептал он быстрой скороговоркой.

Из белой массы показались три щупальца змеи с жадными ртами. В их окружении прямо из-под земли появился приземистый человек, похожий на старца с усами. Одежда на нем срослась с кожей — все одинакового светло-коричневого цвета. Или, наоборот, старик вырастил на своем теле одежду. Маленькие глазки быстро оглядели группу, странный человек не сказал ни слова.

— Убьем его! — прокричал Маллас, бросаясь с ножом на старика.

Земля вздрогнула и всколыхнулась. Ноги старца, уходившие во что-то мягкое, приподнялись на холме такого же светло-коричневого цвета. Мунгаи в ужасе отпрянул назад. Из земли показалась пасть гигантского земляного червя с парой черных глаз-бусинок.

— Амол! — воскликнул гирканец. Тут Конан все понял.

Кхазалам-Амолом звалось это мерзкое божество, состоящее из двух существ, слитых воедино.

Казалам — невысокий старик, и Амол, подземный червь с жадной пастью.

Киммериец подлетел к старцу и вонзил в землю саблю по самую рукоять у его ног. Из-под земли раздался страшный нечеловеческий рев. Почва под ногами Конана вздрогнула, змеи по бокам оглушили его своим шипением. Сильные руки старика сжали варвара в железных тисках, так, что кости киммерийца затрещали. Огромный бугор вырос из земли, лишив северянина твердой опоры.

Вало, быстро сообразив, что долго Копану не протянуть, прыгнул па живой холм, подскочил к старику и вонзил свой нож в его руку. Бесполезно. Кхазалам даже не шелохнулся. Нечеловеческая сила продолжала скручивать извивающегося киммерийца, и тогда Вало отпустил рукоять ножа и налег на плечо старика, силясь ослабить его хватку.

Мунганы, тем временем, бросились на Амола и засыпали червя колющими ударами. Гирканец воткнул свою саблю под левый глаз чудовища.

Амол качнулся, и варвара с вендийцем бросило по воздуху. Хватка Кхазалама слегка сслабла, и Конан судорожно вздохнул.

Огромный червь раскрыл свою пасть и стал затягивать сопротивляющихся людей в воронку своего жадного зева. Один из мунганов, товарищ Малласа, с воплем улетел в нутро извивающегося червя. Маллас и пленница гирканцев принялись беспорядочно колотить оружием по шершавому телу Амола. Однако выручить своего товарища им было не под силу. Короткий крик, перешедший в хрип, — и Амол закрыл пасть. Спустя пару мгновений монстр вновь открыл ее, чтобы отрыгнуть белую пыль вперемешку с останками мунгана. На землю упали кости, покрытые порошком цвета снега.

Маллас вонзил саблю в тело червя — Амол качнулся и сбил женщину с ног. Гирканец рубанул сплеча, оторвав приличный кусок кожи с безгубого рта.

Вало, весь красный от напряжения, рыча, словно лев, отодвинул руку старика на пару дюймов. Конан высвободил свою руку и тотчас надавил большим пальцем на глаз Кхазалама. Старик протяжно взвыл, выпустив киммерийца из смертельных объятий. Варвар вырвал саблю из тела червя и рубанул Кхазалама по переносице. Брызнула черная кровь. Чудовище перешло на жалкий писк.

Червь взметнулся вверх, и Конан вместе с вендийцем полетели на землю.

Старик все так же протяжно пищал, и в его голосе даже слышались причитания, а Амол рвался из стороны в сторону, не подпуская к себе врагов.

Грузное тело червя смело Малласа, и мунган покатился по земле, выронив нож. Чудовище метнулось к остолбеневшей женщине, раскрыв голодную пасть. Вало оттолкнул ее в сторону, выхватил из ее рук саблю и вонзил оружие в светло-коричневую плоть хозяина пустынь. Конан присоединился к товарищу и проткнул глаз червя. Черная горошина лопнула, и из глазницы закапала вязкая жидкость.

Гирканец зашел сбоку — его кривая сабля выбила пару всплесков темной крови чудовища.

Амол дернулся. Лезвия Конана и Вало дважды полоснули по спине червя.

Истошный визг Кхазалама стих. Похоже, странное существо умерло.

Раненый червь извернулся в агонии и стал уходить по землю, отрыгивая белый порошок, смешанный со сгустками темной крови. В воздух взметнулись облака светлой ныли, похожие на лоскуты тумана.

Ворчливые стоны Амола становились все глуше и глуше, по мере того, как бог степей зарывался под землю.

— За ним! — вскричал варвар. — Будь я проклят, если под этим местом земля не прорыта для подземного хода!

— Ты собираешься лезть в логово монстра? — ужаснулась мунганка.

— Конечно, клянусь Кромом! И советую тебе последовать за мной, если через пару мгновений не хочешь встретиться здесь с сотней разъяренных воинов Клана Костей!

Конан прыгнул в затягивающуюся дыру, разбрызгав белую массу. Вало последовал за киммерийцем. Следом за воинами прыгнули мунганы. Немного подумав, к ним присоединился и гирканец. Земля поворчала и затихла, поглотив недавних жертв хозяина степей.

Когда Кезеш и его люди домчались до места недавней схватки, на месте, где кипел жаркий бой, остались только кучи белой пыли.

* * *

Спасшиеся от возмездия гирканцев странники оказались в темном коридоре, освещаемом лишь тусклым мерцанием странного напыления на стенах круглого коридора. С потолка свисали длинные корни трав, со всех сторон их окружала мгла и скверный запах.

— Теперь я знаю, как эти мерзавцы пробрались незамеченными в Араказ! — со злостью воскликнул Маллас, указывая на степняка. — Они крались по ходам, которые нарыл их ублюдочный бог, Кхазалам-Амол!

Мунган потянулся к ножу, но оружие он обронил в схватке. Степняк недобро ощерился и приподнял саблю.

— Только попробуй, и ты уже никогда не увидишь рассвет следующего дня, — сурово предупредил его Конан. — Мне все меньше и меньше нравится ваш жестокий клан.

Гирканец подумал, но, оценив силы неприятелей, предпочел отложить выяснение отношений до более удачного времени.

— Что будем делать, Конан? — спросил варвара вендиец-великан.

— Пойдем прямо по коридору. Он, несомненно, должен привести в какое-то важное место. Наверняка, Суригай держал своих пленников где-нибудь под землей. Я думаю, часть жителей вашего селения, Маллас, уцелела и, возможно, твои собратья томятся где-нибудь неподалеку.

— Суригай был жадным! — провозгласил гирканец. — Он всегда возил с собой наложниц, которые принадлежали только ему. Он спрятал их где-то под Араказом.

— Надеюсь, моя госпожа Кесея и ее ученицы не попали в их число, — грозно произнес Вало, обращаясь к невидимому врагу.

— Надо спешить, пока Кезеш не догадался, куда мы направляемся, — сказал Конан.

— И пока не вернулся раненый Кхазалам-Амол, — добавил Маллас. — Под землей у нас нет шансов противостоять кровожадному божеству.

— Идемте!

Группа стала осторожно пробираться во тьме, отодвигая в стороны свисающие корни.

Глава XV

В ту ночь Саттар увидел столько звезд, сколько не в силах уместить ночное небо. Удары рассвирепевших кочевников посеяли невыносимую боль во всем теле, и старик тяжко охал, хватаясь за ушибленные места, не в силах даже повернуться на другой бок. Таллоку пришлось нелегче — тело молодого странника превратилось в один сплошной синяк. Но глаза юноши, несмотря на огромные темно-фиолетовые круги, окаймляющие веки, блестели жарким огнем.

Вдвоем с лунным магом Таллока бросили в вонючую яму с помоями, закрытую сверху тяжелой металлической решеткой. Уйти от погони степняков им все-таки не удалось. Скакуны кочевников с легкостью догнали вендийских лошадей, отягощенных поклажей. К тому же, они не могли бросить повозку со спящей Алиэль, дух которой путешествовал в мире сновидений. Завязался бой. С отсутствием в команде Конана и Вало у дев-браминов не было шансов. Женщины не могли противопоставить свое колдовство целой орде разъяренных степняков. Саттар, молодец, призвал на помощь неведомые силы, нагнав на отряд врагов слабость. Двоих убили Кесея и Диаса. Исиру, Алексу и Алиэль уже к тому времени схватили. С двоими справился Таллок, вонзив в горло одному из кочевников свой короткий нож, а другому гиркаицу, кинувшемуся на помощь своему товарищу, он поставил подножку, после чего довершил дело клинком. Потом кто-то схватил его за руку, отобрал клинок и нанес в лицо такой сильный удар, что кровь брызнула из рассеченной брови. Таллока повалили на землю, и степные воины засыпали его градом ударов своих кожаных сапог.

В живых их с колдуном оставили неизвестно по какой причине — то ли кочевники поверили в легенду о том, что они являются мастерами по изготовлению волшебных снадобий, то ли их вдвоем готовили к какому-то кровавому ритуалу, где они должны были стать жертвой, принесенной чудовищному божеству. В любом случае, странники не хотели это выяснить. Таллок решил, во что бы то ни стало выбраться из зловонной ямы. Саттар был бы и рад помочь своему молодому товарищу, но у старика не осталось ни сил на побег, ни воли к сопротивлению. Брахман ордена Луны тихо постанывал в углу, проклиная коварных кочевников и весь жестокий мир.

До решетки нельзя было добраться — слишком скользкими казались стены ямы. А если даже вскарабкаться вверх, цепляясь за отваливающиеся комки жидкой грязи, то путь к свободе все равно отрезали прочные железные прутья. Решетка запиралась на большой замок. Таковым являлся каземат кочевников — колодец с помоями, вырытый на глубину пятнадцати футов. Создание подобной темницы не отнимало много времени, да и шанс того, что пленники сбегут из ямы, был невелик. Зловонное узилище даже никто не охранял.

Юноша вскочил на ноги и с проклятиями бросился на гладкую стену. Ему удалось преодолеть первые три фута, после чего Таллок грохнулся назад в масляную жижу, расплескав зловонную жидкость. Капли попали на одежду Саттара, и волшебник на мгновение прекратил стоны. Дернув носом, брахман поморщился и пробормотал что-то неразборчивое насчет того, что еще несколько часов, проведенных в этой дыре, могут пагубно сказаться па его здоровье. Таллок отряхнулся, хотя знал, что в здешнем окружении это бесполезно, и возобновил штурм стен.

Неудача следовала за неудачей, но юноша не сдавался. Вскоре силы оставили и его. Странник привалился спиной к скользкой поверхности стены, злобно уставившись вверх, где темнело серое небо. День медленно переходил в вечер.

— Бесполезно… — вздохнул Таллок. — Отсюда не выбраться.

Лунный чародей поддержал его тихим стоном.

— На вашем месте, молодой человек, я бы постарался сберечь силы, — сказал Саттар. — Возможно, представится момент, когда они вам понадобятся.

— Не могу я сидеть без действий, зная, что Алекса и остальные в плену у кочевников! Неизвестно, какие грязные мысли могут прийти в голову этим дикарям!

В отчаянии Таллок ударил кулаком в гладкую поверхность лужи, расплескав по сторонам застоявшуюся воду.

Брюхо земли отозвалось гулким урчанием. Из глубины разнеслось эхо скобления, возни и шуршания. Словно пол темницей в этот момент пробегало целое полчище подземных завоевателей.

— Что за… Землю встряхнул сильный толчок, так что Саттар с Таллоком подпрыгнули на месте и испуганно уставились на кучи грязи, точно ожидая, что оттуда появится трехрогий Азах. Урчание усилилось, толчки сменились легкой дрожью. Блестящая вода в лужах заколыхалась.

Внезапно прямо из-под земли вынырнула человеческая голова, разбрызгав по сторонам фонтаны белой пыли. Глаза старца были закрыты, все лицо покрывала черная запекшаяся кровь, вытекшая из разрубленной переносицы.

Таллок и Саттар, не сговариваясь, испустили крик ужаса. Голова тотчас снова спряталась под землю.

Почва под ногами зачавкала и начала проваливаться куда-то вниз. Стопы юноши и мага поглотила жидкая грязь. Невидимые рты стали жадно засасывать странников в глубину…

* * *

— Должно быть, ваш Кхазалам-Амол на редкость трудолюбивый демон, — сплюнув, произнес Маллас, обращаясь к гирканцу. — Мы бродим по этим ходам уже целую вечность.

Степняк быстро взглянул на мунгана, но ничего не ответил.

— Туда! — неожиданно произнес Вало, указывая вправо. — Слышите, голоса?

Конан прислушался. Действительно, в тишине можно было различить чей-то тихий плач и жалобный шепот. Варвар потер руку о светящееся напыление и, подняв ее словно факел, шагнул во тьму. Остальные последовали за ним.

Вскоре группа из пяти вышла в полый промежуток, где встречались несколько ходов. Чуть в стороне был прорыт грот, огороженный железной решеткой. В слабом свете единственного факела сидели пленники Клана Костей. Мужчины, женщины, дети — мунганы, выжившие после резни, устроенной поклонниками Кхазалам-Амола.

— Видишь, Маллас, я оказался прав! — с улыбкой произнес Конан.

Женщина и мужчина бросились освобождать своих собратьев. Вало помог Малласу сломать замок и выпустить пленников на волю.

— А где же наложницы Суригая? — с недоумением спросил себя гирканец, оглядев пленников.

— Враг! — крикнул один из мужчин, заметив степняка. — Что эта мразь делает вместе с вами, братья?!

— Он помог нам одолеть Кхазалам-Амола, — угрюмо произнес Маллас.

— Убить его! — воскликнул другой.

— Нет, — сказал Конан.

— Кто этот чужак, МаЛлас?! Он что за одно с гирканцами?

— Это Конан, — сказал мунган. — Ему мы обязаны своей жизнью, братья. Я в долгу перед этим человеком — если бы не он, пас пожрал бы проклятый демон, которого призвали воины Клана Костей. И если Конан не хочет смерти этого недостойного, не будем марать руки его кровью.

— Как знаешь, Маллас. Смотри, не поплатись за свое доверие…

Киммериец обернулся к палачу брахманов Сна.

— Нужно отыскать, где гирканцы содержат пленных девушек, Вало. Если дев-браминов среди них не окажется, можно будет увериться, что Кесее и ее ученицам удалось скрыться от кочевников.

— Хорошо, Конан.

— Оставайтесь здесь! — приказал северянин. — Мы скоро вернемся за вами.

Варвар бросил взгляд на степняка. Если оставить гирканца здесь с мунганами, толпа людей, жаждущих возмездия, его просто растерзает.

— Ты пойдешь с нами, — сказал он кочевнику.

— И я тоже пойду! — воскликнул Маллас. — Нужно до конца рассчитаться с Кхазалам-Амолом.

Киммериец кивнул.

Вчетвером они выбрали ход, который казался им наиболее предрасположенным к тому, чтобы вывести к месту заточения наложниц Суригая. Вскоре выяснилось, что интуиция их подвела. Странники вышли в подземный зал круглой формы. Здесь они увидели сгустки застывшей слизи вперемешку с белым порошком. Отбросы Кхазалам-Амола создали причудливые изваяния, похожие на невысокие резные башенки, которые и украсили зал. Вало попробовал сковырнуть кусочек с их поверхности — белая пирамида была прочна как камень.

— Похоже, мы зашли в самое логово Кхазалам-Амола, — сказал Конан, оглядываясь по сторонам.

— Только бы хозяин не вернулся, — мрачно произнес Маллас.

— Божество степняков ранено и истекает кровью, — сказал Вало. — Мы можем одолеть его даже под землей, достаточно всего пары точных ударов.

Издалека послышался тихий шелест и шуршание.

— Он там! — варвар указал на круглый вход в коридор диаметром около двадцати футов. — Прикончим его!

Четверо воинов поспешили в том направлении, откуда раздавался шорох.

В коридоре было светло. Странники бежали вперед, не встречая препятствий, по дороге обрубая или раздвигая руками свисающие корни.

У раненого бога, похоже, не было никакого желания вступить в схватку. Кхазалам-Амол привык поглощать своих жертв, когда они не оказывали сопротивления. Измученный и

потерявший много крови, идол Клана Костей желал забиться в укромную нору и отдохнуть. Они гнались за трусливо удирающим божеством.

Шуршание ушло вверх — видно, Амол надеялся отделаться от преследователей, прорыв новый ход. Глупый червь полагал, что там люди его не найдут.

Конан несся вперед, не разбирая дороги. Жажда мести и азарт подгоняли киммерийца лучше любого кнута. Неожиданно что-то заставило его остановиться. Вало замер рядом с товарищем.

Сверху, сначала медленно, а затем все яростнее, начала капать дурно пахнущая жидкость. Потом с потолка посыпались комья жидкой грязи, и вскоре смрадная масса рухнула вниз одним зловонным потоком. Среди пузырящихся луж и дурно пахнущих куч воины разглядели двух человек, копошащихся в грязи, подобно паре навозных жуков.

Внезапно Конан опустил саблю и разразился громким смехом, так непривычно звучащим под землей. Появление этих двух человек настолько развеселило киммерийца, что ему даже пришлось схватиться за живот в порыве неистового веселья.

— Таллок! Кром тебя разорви, парень! Саттар!

Неужели властелин подземного царства послал вас сюда вместе со своими испражнениями?! Вало не разделил веселья варвара.

— Где девы-брамины? — сразу спросил палач, оторвав от земли двух чародеев.

— Эй, аккуратнее! Руку сломаешь… Вало поставил обоих на ноги.

— Кесею и ее учениц схватили мунганы. Мы не смогли их защитить.

— Это не мунганы, парень, — сказал Копан, который вновь вернул серьезный вид. — Гирканцы из Клана Костей. Сейчас мы собираемся положить конец деятельности их мерзкого идола, а потом освободим дев-браминов и остальных пленников.

— Всегда готов помочь, — пробормотал Саттар. Колдун сразу забыл про все синяки и ушибы.

Таллок и лунный маг быстро привели себя в порядок. Уже вшестером они возобновили погоню.

Кхазалам-Амол уполз далеко. Гигантский червь разрывал почву уже где-то под Араказом. Воинам стоило немалых усилий догнать хозяина степей и вступить с ним в схватку.

Битва завязалась как раз в том месте под землей, откуда гирканцы проникли в селение мунганов. Пространство оказалось подходящим — пол был вычищен, с потолка не свисали пучки длинных корней. У стен горели факелы, которые странники использовали в бою. Конан ослепил Амола, вырезав ему оставшийся глаз. Вало пробил защиту под коричневой плотью, вонзив нож во внутренние органы червя. Остальные, используя оружие и подручные средства, исполосовали бока Амола, превратив кожу властелина степей в висячие лоскуты. Никто из воинов не пострадал. Злость в бойцах кипела настолько сильно, что справиться с идолом клана им не составило труда. После пяти минут жаркого боя от Кхазалам-Амола осталась одна лишь кровоточащая туша, подергивающаяся в последних конвульсиях.

Вблизи отыскалось и узилище пленниц Сури-гая. Стражников у входа не оказалось — видно, гирканцы предпочли убраться восвояси, заслышав стенания своего бога. Когда они вернутся, их будет ждать большой сюрприз.

Вало сломал и этот замок. Наверное, тот, кто создал запирающий механизм, не учел всех возможностей вендийца-великана.

В помещении, устланном рваными коврами, скопилось около двух десятков женщин —

вендийки, мунганки, кхитаянки и даже темнокожие шемитки.

— Конан! Вало! — почти вскричала Кесея, когда узнала своих спасителей.

— Госпожа! — грозный великан первым ворвался в темницу.

Маллас последовал за вендийцем.

— Теперь надо… Ох!

Мунган схватился за бок, пропоротый кривой гирканской саблей, Сквозь его пальцы струилась горячая кровь. Женщины в испуге вскрикнули.

— Теперь наложницы Суригая мои! — визгливо прокричал степняк, размахивая саблей. — А вы отправляйтесь в пасть к демонам!

Конан был с ним не согласен. Он подскочил к кочевнику и ударил сбоку. Гирканец отбил выпад, по удар киммерийца оказался настолько сильным, что сабля Конана располосовала предплечье степняка до самого локтя. Не позволяя противнику опомниться, варвар развернулся и ударил с другой стороны. Кочевник взвыл и стал оседать на землю. Последнее, что он услышал в своей жизни, был хруст позвоночника, перебитого саблей северянина.

— Маллас! — Конан подскочил к раненому мунгану.

— Оставь, — вздохнул тот. — Эта гирканская собака уже направила меня на путь в страну предков. Выведи из подземелий жителей нашего селения, Конан…

Маллас запрокинул голову и протяжно вздохнул. Через несколько мгновений жизнь покинула мунгана.

Из пяти дев-браминов в помещении темницы оказались только трое. Алексу и Исиру увели наверх. Кезеш и Асалга-колдун желали лично проверить умения юных дев. Под умениями, естественно, подразумевалось нечто непристойное.

— Вало! — обратился северянин к вендийцу-гиганту. — Тебе лучше увести женщин коридорами, в то же место, где ждут освобожденные мунганы. Оттуда вам будет проще выбраться на поверхность так, чтобы кочевники ничего не заподозрили. Подождете меня в назначенном месте ровно тысячу ударов сердца. Если по окончанию срока я не вернусь, уводи Кесею, Алиэль, Диасу и остальных из селения, — думаю, на тебя можно положиться.

— Конечно, теперь я никому не позволю коснуться их даже пальцем. Но куда ты собрался в одиночестве, киммериец?

— Я иду наверх в Араказ, чтобы вытащить Исиру и Алексу. И я лучше дам Азаху откусить мне голову, чем позволю гирканцам причинить им вред. Ты в это время присмотришь за остальными. С твоей-то защитой девам-браминам ничего не грозит, а мне бы, поверь, очень не хотелось вызволять их из заточения во второй раз.

— Договорились.

— Погоди, Конан! — Таллок схватил за плечо варвара. — Я хочу пойти с тобой.

— Зачем?

— Думаешь, мне приятно осознавать, что девушки в руках врагов? Только не говори, что у меня не хватит мастерства. Я тоже умею драться, пусть не так умело, как ты!

— Один человек в лагере врага — все равно, что ветер. Двое — команда, а трое — уже толпа. Хорошо, молодой воин, пойдем со мной.

Юноша обрадовано кивнул. Проверив вооружение, Конан и Таллок двинулись по коридору, медленно уводящему вверх.

* * *

Ночь полонилась звуками неутихающего веселья. То ли гирканцы не знали, что почитаемый ими бог мертв, то ли совершенно не заботились ни о каких других событиях, за исключением своего праздника.

Двое странников выбрались на поверхность и стали бесшумно пробираться вдоль шатров, скрываясь в ночной мгле и избегая выходить на открытое пространство, освещенное пламенем дозорных костров. Пост, находившийся ближе всех к месту, открывающему вход в подземелья, воины прошли без опаски — кочевники оказались мертвецки пьяны, и самым громким звуком, который мог встревожить их слух, был храп товарища. Конан бесшумно подкрался к костру, вокруг которого спали гирканцы, и обезоружил трех солдат. Кодекс чести варвара не позволял ему расправиться с людьми, не ждущими нападения. Вырезать спящих киммериец почитал за подлость. С противником надо управляться в открытом бою. Если бы кочевники не спали, им бы повезло меньше. Но тогда в селении, возможно, поднялась бы тревога, которая свела на нет все шансы освободить из плена Алексу и Исиру.

В двух ста шагах чернело огромное пятно из углей и золы — все, что осталось от главного шатра.

Конан и Таллок прокрались к пологу жилища кочевников, увенчанного алой тряпицей. Варвар быстро заглянул внутрь и снова скрылся в темноте. Цепкий взгляд северянина позволил ему запомнить все необходимые детали.

Воины. Девять человек, все в тонких железных кольчугах. При себе оружие — преимущественно сабли и ножи. Дев-браминов внутри не было.

Киммериец сделал знак своему помощнику двигаться дальше. Таллок, пригнувшись и выгнув спину, точно кот, последовал за Конаном, стараясь ступать также бесшумно. Однако мастерство северянина не поддавалось подражанию. Конан даже дышал беззвучно, и казалось, что во тьме крадется не живой человек, а бесплотный дух неупокоенного мертвеца. Поступь варвара была мягкой и пружинистой — киммериец был готов в любой момент незаметно раствориться в ночи, заметь его по воле случая глаз чужака.

Северянин остановился у груды пустых бочек и одернул Таллока за рукав. Конан медленно указал на дальний шатер, где весело плясал свет от костров, и бродили многочисленные стражники. Юноша быстро закивал.

— Три… Пять… Семь… Десять…, — считал Конан. — Кром! Их слишком много! Без шума не получится.

— Смотри! — шепнул Таллок, которого больше заинтересовало поведение стражников, нежели их количество.

Среди гирканцев разгоралась какая-то свара. Степняки о чем-то горячо спорили, осыпая друг друга проклятьями. Внезапно один из воинов выхватил саблю и полоснул ею по лицу своего товарища. Друг раненого вытащил свой нож и всадил его в бок обидчика по самую рукоятку.

— О, Иштар! — едва не воскликнул юноша. — Эти дикари просто безумны! Интересно, что заставило их вцепиться в глотки друг другу?

— Что бы тому ни послужило причиной, нам это на руку, — уверенно произнес Конан. — Если гирканцы вырежут друг друга, будет просто замечательно.

Вскоре в группе воинов, охранявших шатер, вспыхнуло жаркое пламя настоящей схватки. Степняки беспощадно убивали друг друга, орудуя кривыми саблями и длинными ножами. После нескольких минут ожесточенной драки, доведенной до смертоубийства, из шестнадцати свирепых воинов на ногах держалось только четверо. Те, что одолели своих противников, все в крови и порезах, тяжело ввалились в шатер.

— Идем! — тихо приказал Конан. — Кажется, я знаю, что происходит…

Вдвоем варвар и странник быстро преодолели расстояние, отделявшее их от шатра.

Картина, увиденная воинами, потрясала или, скорее, даже ужасала… Внутри лежал еще один труп. Без головы, в луже собственной крови, среди перевернутой посуды.

В углу за шторой, сидела связанная по рукам Исира. Один из степняков, жестоко расправившихся со своими товарищами, навис над девушкой и уже пытался сорвать с нее одежду. Трое других с азартом наблюдали за происходящим, ожидая своей очереди.

Конан подскочил к гирканцам. Злобно свистнула сабля, и отсеченная голова одного из поклонников Кхазалам-Амола покатилась по ковровой подстилке. Не теряя времени, варвар вонзил клинок меж ребер другому степняку. Таллок размахнулся и ударил по шее третьего, но сила юноши не шла ни в какое сравнение с той, которой обладал киммериец. Юноша не смог обезглавить своего врага одним ударом. Оружие в руках ученика кхитайских чародеев лишь серьезно покалечило гирканца. Кочевник с испугом схватился за лопнувшую кожу, как будто все еще не веря, что такое могло с ним произойти, и тихо заверещал. Конан тем временем набросился на четвертого гирканца, который оставил в покое Исиру и приготовился дать бой. Конечно, выстоять в одиночку против такого опытного мечника, как Конан, у степняка не было шансов. Спустя два кратких мгновения он рухнул на землю, скребя по коврам пальцами в предсмертной агонии. Потом киммериец забрал жизнь у последнего противника, которого ранил Таллок.

Варвар быстро освободил деву-брамина от связывающих ее пут.

— Конан! Я знала, что вы придете!

— Конечно, думаешь, мы бы оставили тебя у этих жестоких кочевников? Как тебе удалось сразить их своей магией?

— О, это было не так уж сложно, хвала Катару! Сначала меня привели в шатер к Асалге-колдуну, но робкие приставания старика я быстро пресекла, расцарапав ему лицо. Асалга разозлился и сказал, что раз я не захотела разделить ложе с ним, то достанусь его воинам. Затем меня привели в этот шатер, и чтобы я не смела сопротивляться, связали руки. Однако степняки забыли, что сила брахмана не в руках. Вероятно, если бы мне завязали глаза, то ничего бы из моей затеи с гипнозом не вышло. А так я заставила каждого из воинов страстно возжелать меня, распалив их убогое дикарское воображение. Солдаты купились на трюк, поверив, что я и вправду согласна стать покорной рабой! Причем в ум каждого из кочевников я вложила мысль, что только он единственный может получить меня. Ссора вспыхнула быстро — солдаты убили своего предводителя, который, вероятно, пожадничал сверх меры, пожелав оставить новую наложницу для личных утех. Затем степняки вышли наружу и стали выяснять, кто овладеет мной первым. Похоже, эти четверо победили в споре, но их мечте так и не суждено было сбыться. Забавно, да?

— Здорово, — согласился Таллок. — Но, думаю, сейчас самое время уносить отсюда ноги. Или вы хотите дождаться, пока в шатер ворвутся другие гирканцы?

— Правильно, Таллок. Нам еще нужно разыскать Алексу.

— Я вырву сердца этим ублюдкам, если они посмели до нее дотронуться!

— Где она может быть, Исира?

— Конечно же, в шатре Кезеша. Идемте, я помогу вам.

Шатер вождя степняков окружали суровые воины. Памятуя о сбежавших пленниках, стража хранила бдительность. Или же Кезеш опасался мести со стороны тех, кто поддерживал Суригая.

— Что будем делать, Конан?

— Действовать, раздави вас Кром! Тебе, Исира, лучше заняться стражей — отвлеки степняков,

заставь их покинуть свой пост. А ты, Таллок, проберешься в шатер, убьешь Кезеша и вытащишь Алексу. Я же позабочусь о том, чтобы гирканцы не чинили тебе препятствий. Ясно?

— Конечно, что может быть проще, — неуверенно пробормотал юноша.

— Тогда начинаем.

Исира вышла навстречу кочевникам, охранявшим покой верховного воина Клана Костей. Вендийка шла неторопливой поступью, призывно покачивая бедрами.

— Эй, ребята, не хотите поразвлечься?

Конан неслышно скользнул в темноту, оставив Таллока в одиночестве. Юноша начал ощущать легкое беспокойство. Дева-брамин что-то игриво говорила гирканцам, и на их лицах все больше разгорался азарт, граничивший с вожделением. Варвара не было видно, однако странник чувствовал, что Конан притаился где-то невдалеке. Исира, бесстыдно улыбаясь, махнула рукой, зазывая солдат Кезеша в темноту. К вящему удивлению Таллока, все степняки последовали за девушкой.

Пора!

Странник прокрался к шатру и отодвинул штору, занавешивающую вход.

Алекса сидела в центре круглого помещения. Глаза девушки, устремленные на степняка, горели ненавистью. Вождь клана ходил вокруг девушки с зажатой в руках плеткой.

— Танцуй, я тебе сказал! — приказал степняк. Алекса не шелохнулась. Тогда Кезеш ударил деву-брамина своим орудием повиновения. Жесткий ремень выжал из девушки слабый стон.

— Ах ты, недоносок! — вскричал Таллок, вскипев от ярости. Безумие ударило в голову с такой силой, что юноша забыл обо всем, сосредоточившись только на мучителе девы-брамина. Все остальное окружение оттенила серая пелена.

— Таллок! — с удивлением воскликнула девушка. В голосе её послышалось облегчение.

Кезеш выронил плеть. Однако оправиться от потрясения у верховного степняка не заняло много времени. Вождь Клана Костей вырвал из ножен свою саблю.

— Щенок! Тебя я ждал меньше всего!

За пологом шатра послышались дикие крики и лязг стали. Похоже, Конан занялся стражей.

— Сейчас я изрублю твое жалкое тело на корм Кхазалам-Амолу!

— Твой поганый идол мертв, кочевник! И ты разделишь его участь!

Странник выхватил нож и бросился на Кезеша.

Натужно всхлипнуло железо — гирканец выбил оружие из рук противника. Таллок, не помня себя от переполнявшего его гнева, вцепился в запястье степняка. Кезеш попытался высвободиться из хватки, но разъяренный юноша держал его кисть крепче любого капкана. Таллок резко повернулся вправо, выкручивая запястье гирканца, и врезал локтем в его скулу,

выбив брызги слюны. Белый малахай Кезеша упал на ковер, сальные волосы степняка растрепались.

— Паскуда!

Юноша подтянул руку противника к своему лицу и укусил степняка за палец. Вождь гирканцев вскрикнул и выронил оружие.

Кочевник навалился па Таллока всем весом и странник, который явно проигрывал плотному степняку в весе, упал на землю, придавленный тяжестью гирканца. В левой руке воина Клана Костей блеснул кинжал. Ярость придала новые силы Таллоку. Юноша извернулся, избежав удара клинка в грудь, и нанес свой удар кулаком в лицо степняка. Кровь из разбитого носа Кезеша закапала на одежду странника. Предводитель кочевников засопел, но не сдвинулся ни на дюйм. Таллок, стиснув зубы и рыча, словно раненый зверь, напряг мышцы так, что одежда на рукавах едва не лопнула. Рывок — и он высвободился из-под грузного тела.

Вождь гирканцев неловко поставил руку и напоролся на собственный кинжал. Из груди Кезеша вырвался последний отчаянный хрип.

Алекса, с широко раскрытыми от ужаса глазами, следила затем, как угасает взор предводителя кочевников.

— Ты убил его…

Таллок схватил девушку за руку.

— Уходим! Исира и Конан…

В шатер ворвался гирканец с безумным взглядом. Глаза его готовы были выкатиться из орбит. Девушка и юноша в испуге отшатнулись. Но степняк выронил копье и замертво рухнул на ковер, окрасив его своей кровью. Видно, этот несчастный искал спасения от клинка киммерийца.

На входе вырисовался мощный силуэт воина. Конан, точно грозный великан Имир, отодвинул штору и вошел в шатер. С сабли киммерийца стекала кровь, глаза варвара метали молнии. В этот момент Таллок испугался Конана больше, чем сотни свирепых кочевников.

— Там был целый десяток гирканских псов, — сказал воин. — Пришлось убить их всех.

Конан отшвырнул кривую саблю и сорвал с крючка свой меч, который Кезеш повесил у своего ложа, чтобы любоваться на дорогой трофей.

Штора взлетела, и в шатер вбежала встревоженная Исира.

— Сюда идет большой отряд кочевников!

— Прорвемся, — с мрачной уверенностью заявил Конан.

Таллок в этом не сомневался.

Глава XVI

Время под землей текло совсем по-иному. В темноте и тишине, нарушаемой лишь приглушенным хлюпаньем падающих капель, миг превращался в вечность. Тысяча ударов сердца. Срок уже истек. Неужели киммериец нашел свою смерть в лагере врагов?

Вало вопросительно взглянул на Кесею. Верховная жрица молчала. Вероятно, ее тоже грызли опасения.

Конан беспощадно растоптал все страхи своим неожиданным появлением. Весь в поту и в крови, он шел прямой походкой, несмотря на усталость.

Двуручный меч грозно поблескивал в тусклом сиянии, храня секрет того, сколько врагов ему выпало сразить.

Следом за варваром шли обе девы-брамина, целые и невредимые. От группы не отставал Таллок. Глаза юноши возбужденно блестели.

— Клянусь Митрой, такого я еще не видел! — воскликнул молодой странник. — Конан искрошил целое полчище врагов! Когда я в первый раз увидел, сколько их собралось, думал нам уже никогда не выбраться. Степняков вел Асалга-колдун. Чародей гирканцев пытался прочесть свое темное заклинание и напустить на нас слабость, но Конан подскочил к нему и проткнул своим мечом! Видя смерть своего предводителя, кочевники растерялись. Киммериец набросился на них, страшно крича и размахивая мечом. Несколько голов сразу же покатились по земле — гирканцы дрогнули, и побежали прочь от страшного меча. Потом мы быстро отыскали вход в подземелье и скрылись от преследователей.

Странники выбрались на поверхность в нескольких лигах севернее Араказа. Степные воины даже не послали погоню. Вероятно, им с лихвой хватило событий на оставшуюся ночь. Или же гирканцы в настоящий момент выясняли, кто займет место предводителя. За это время они с мунганами успеют благополучно скрыться.

На пути им встретился большой отряд конных всадников. Это мунганы из соседних селений, наконец, узнали, что Араказ захвачен воинами проклятого Клана Костей, и спешили на помощь своим сородичам.

Пленники из числа тех, кого освободили Конан и Вало пожелали присоединиться к бойцам. Кочевники вооружили своих соплеменников и спустя час приготовились вернуться в селение, чтобы выбить оттуда гирканцев.

Мунганы поблагодарили Конана и остальных за помощь и сказали, что они остаются в долгу у благородных воинов. Киммериец принял благодарность и с уверенностью заявил, что он еще непременно вернется в эти земли, чтобы объединить разрозненные племена мунганов и создать новое независимое королевство могучих воинов, которому не будут угрожать соседи.

Остаток ночи оказался неспокойным. Варвару снился сон, в котором к нему явился дух Алиэль.

— Конан! — улыбаясь, сказала девушка. — Я почти нашла Пагоду Сна. Кажется, я знаю, в чьем сознании колдун спрятал свою обитель. Как только я проверю догадку, я вернусь в настоящий мир и все расскажу. Очень хочу, чтобы в момент пробуждения ты был рядом со мной…

Облака начали таять, осыпаясь на землю блестящими каплями. Голос девушки

становился все тише и тише, пока не исчез совсем.

Конан хотел что-то крикнуть, предостеречь Алиэль, но из горла киммерийца не могло вырваться ни звука. Пространство вокруг него налилось неопределенной тяжестью, мешая двигаться. К тому времени, как варвар справился с невидимыми преградами, дева-брамин была уже далеко на пути в страну сновидений. Предчувствуя беду, Конан поспешил проснуться и рассказать обо всем Кесее. Надо вытащить Алиэль из эфемерного мира, к Таугу все игры!

Тревога варвара передалась всем остальным участникам похода. Кесся приняла решение немедленно проникнуть в мир сновидений и вызволить оттуда потерявшуюся деву-брамин.

— Ты был прав, Конан, — признала волшебница. — Эта идея была заранее обречена на провал. В одиночку Алиэль не справится с порученным заданием.

— Я имел в виду совсем другое. Дева-брамин может погибнуть от магии черного колдуна. Куда смотрит многоокий Гипнос-Рен? Почему бог эфемерного мира позволяет мучить людей кошмарами? Неужели он не в силах защитить жрицу Сна от колдовства Столикого?!

Путешествие в иллюзорные области страны снов далось легче, чем в прошлый раз. Вало предусмотрительно остался на страже, отказавшись погрузиться в сон. Если в стране грез его сила не могла помочь девам-браминам, то в реальном мире гигант мог защитить их от любого врага.

Странники замерли в иллюзорном пространстве, окруженные сонмом зерий. Духи снов не обращали на них никакого внимания, продолжая заниматься своими делами.

Кесея указала на алеющий красным светом провал.

«Алиэль там! Я чувствую».

«Кром! Чего же мы ждем?!» — в нетерпении подал голос Конан.

Семь путешественников по стране снов окунулись в блестящий туман. Жадная завеса красноватой мглы поглотила странников, и мигом позже все семеро оказались в воде. Черные волны плескались повсюду, насколько охватывал пространство глаз. Глубина странного моря везде была одинаковой — вода доходила до уровня колен. В вышине угрюмо нависали груды тяжелых облаков, готовые свалиться с неба в темную воду. Где-то вверху над угловатыми силуэтами туч блестело светило зловещего малинового цвета.

«Хотел бы я знать, куда это нас занесло», — проворчал Таллок.

«Добро пожаловать! — прогремел голос сверху. — Вы приходить за девчонкой? Вы попадаться в ловушку!»

«Шао Лун!»

«Хотите получить ее назад? Тогда попросите об этом его!»

Из-за туч показалось грозное лицо великана с ощеренными в жестокой усмешке зубами. Туманная рука сжимала в пальцах Алиэль, окаменевшую от ужаса.

«Мощи Балора! — воскликнул киммериец. — Что это за чудовище?»

«Джоо Мин, — выдохнула верховная жрица, и в ее голосе Конан уловил страх. — Слуга Шао Луна, злое существо, порожденное ненавистью Столикого и питающееся черными мыслями своего господина. Огромный паразит в чреве мира сновидений».

«О, Сирра, защити своих детей!» — воскликнул Саттар.

С неба потянулся целый десяток рук, полных тумана. Когтистые пальцы жадно вытянулись в сторону странников.

«Что нам делать, волшебница?» — крикнул Таллок верховной деве-брамину.

Но Кесея молчала, закусив губу.

Волны темнеющего моря осветились изнутри бледно-зеленым сиянием. Амулет на шее Конана вспыхнул свирепым пламенем, отгоняющим сумрак. Туман, ниспадающий сверху, пугливо дернулся.

«Я принес клятву перед троном Тянь-Чена защищать тебя, брат мой», — тихо прошелестел голос из матовой толщи.

«Это Синий Копьеносец, — сказал Конан. — Лао Чи предлагает нам свою помощь!»

Прямо из воды всплыла стойка с различным оружием — луки, топоры, мечи, пращи, копья. Весь арсенал был составлен из воздуха, пропитанного мерцающим светом.

«Вот это дело!» — обрадовался варвар, хватая светящуюся секиру.

Конан взмахнул оружием и отсек призрачную руку великана, тянущуюся сверху из темных облаков. Туман, который наполнял жуткую кисть, быстро растаял, и конечность бесследно исчезла.

Таллок схватил лук и выпустил стрелу в ладонь небесного чудовища. Луч света распорол мглу, оставив в воздухе яркий след. В руке чудовища расползлась дыра. Девы-брамин вытащили из стойки копья и принялись беспорядочно тыкать в мглистую плоть Джоо Мина. Руки растворялись, но с неба появлялись новые. Если бы в мире снов можно было чувствовать усталость, странники ее бы давно почувствовали. После нескольких минут (или часов) варвар понял, что многорукого великана так просто не одолеть.

Саттар, сражавшийся коротким блестящим кинжалом, избежал хватательного движения монстра и срубил два пальца на огромной руке. Лезвие срезало кусок туманной плоти, точно лист с ветки дерева. Колдун, низко пригнувшись, подбежал к Конану.

«Глаза! — крикнул он киммерийцу. — Глаза — его уязвимое место!»

Конан быстро взглянул наверх, потом размахнулся и изо всей силы швырнул серебрящийся топор в распахнутые очи небесного чудовища. Соприкоснувшись с глазом Джоо Мина, лезвие призрачного оружия ослепительно вспыхнуло и исчезло. Однако и сам великан сильно пострадал — на месте правой глазницы зияла черная дыра. Рот иллюзорного монстра больше не кривился в усмешке. Мглистые губы свела судорога — Джоо Мин беззвучно вопил от боли. Неожиданно все тучи на темном небе сдвинулись и закрыли туманного противника. Гигант исчез вместе со своей пленницей.

«Азах тебя побери! — Конап не мог сдержать гнева. — Куда он подевался?!»

«Сбежал», — сделал вывод Таллок, опуская лук.

«Возвращаемся назад, — мрачно приказала Кесея, отбрасывая светящееся копье в черную воду. — Шао Лун обязательно пошлет сюда других чудовищ».

«А как же Алиэль?»

«Найдем другой способ освободить ее. Здесь оставаться опасно».

«Мы до сих пор не нашли Пагоду Сна», — напомнил лунный маг.

«Я знаю. Но здесь ее точно нет».

«Почему? В чьи сны мы попали?»

«В сны Шао Луна. Бежим отсюда!»

Странники вырвались из призрачного пространства, после чего совершили обратное путешествие в реальный мир. Как и предсказывала верховная жрица брахманов Сна, кхитайский чернокнижник послал погоню. Другой злобный монстр иллюзий выследил и догнал Саттара, даже когда лунный маг уже проснулся. Поклонник ночного светила схватился за голову.

— Он там! Он внутри! — испуганно завопил чародей. — Вытащите его!

К счастью, чудовище, сумевшее пробраться в мозг Саттара, оказалось не особенно могущественным. Кесея, Исира и Диаса проникли в сознание колдуна и уничтожили паразита. Но даже этот успех дев-браминов не обрадовал киммерийца. Копан скрежетал зубами, вспоминая испуганную Алиэль, зажатую в туманной длани кошмарного монстра.

— Жаркое дыхание Митры! Я знал, что все так получится!

— Прости, Конан. Я виновата. Это я подвела свою ученицу.

— К чему просить прощение у меня? Какая теперь к демонам разница, кто виноват?! Нужно как-то освободить Алиэль из плена колдуна!

Дева-брамин все также спала на повозке, прикрыв глаза, словно прилегла отдохнуть после долгого пути.

Странники продолжили путь в угрюмом молчании. Теперь они ехали на лошадях, отданных им в дар мунганами.

Минуло два долгих дня, прошедших в полной неизвестности — Кесея пыталась определиться с планом, который бы позволил успешно проникнуть в страну сновидений и вытащить оттуда плененную Алиэль. Варвару порядком надоело постоянное молчание верховной жрицы, тем более, Конан никогда не оправдывал бездействие. Вдобавок ко всему у киммерийца начало складываться нехорошее предчувствие, что глава брахманов ордена Сна тщательно замалчивает какой-то важный секрет. Вероятно, во время путешествия по снам жрица Гипнос-Рена сделала важное открытие, но делиться своими догадками ни с кем не желала.

— Расскажи мне о снах, Кесея, — попросил Конан высшую деву-брамина. — Мне никогда не понять всех свойств того, что люди привыкли называть магией, но все же я хочу больше узнать о том, что скрывает покрывало сновидений. Первое, что я хочу знать: почему ты ничего не предприняла, когда на нас напало это многорукое чудовище?

— Потому что мы были в гостях у Шао Луна, в его сновидениях. Чернокнижник заманил нас в мир, созданный собственным воображением. Понимаешь, Конан, снами можно управлять, а чародей из Кхитая умеет это делать как нельзя лучше.

— Предположим. Тогда выходит, если чернокнижник будет вторгаться в мои сны, я тоже смогу использовать эту способность?

— Безусловно. Гипнос-Рен одарил каждого из смертных правом распоряжаться волшебным порошком, который создает образы сновидений, по собственному усмотрению. Духи снов всего лишь воплощают задуманное человеком в живые картинки, но создатель всех событий и персонажей в своем сновидении — это сам человек, погруженный в сон. Зачастую данная способность носит стихийный, неконтролируемый характер, но если это умение правильно развить и использовать, можно добиться неплохих результатов. Суть нашего ученичества у бога Сна как раз и сводилась к тому, чтобы научиться контролировать свои сновидения. И лишь только овладев мастерством создания своих собственных снов, можно было приступать к более сложным заданиям, требующим вмешательства в чужой разум. Шао Лун, например, достиг высшей ступени — ему удалось отвоевать часть сознания смертного, где Столикий спрятал свою Пагоду Сна.

— Второй вопрос: почему он пленил Алиэль?

— Потому что она узнала, где скрыта обитель чернокнижника.

— Тогда почему он попросту не убил девушку, как сделал это с Иллани?

— Ты не позволяешь ему.

— Что?

— Алиэль находится в заточении в Пагоде Сна. Туда ее унес Джоо Мин. Но сам колдун не властен над твоими снами, Конан. Несмотря на все попытки Шао Луна, чародей Сна так и не сумел взять под контроль твой разум.

Варвар мгновенно сообразил, что Кесея проговорилась. Отпускать свою добычу он уже не собирался.

— Клыки Сета! Что ты хочешь сказать, волшебница?!

— То, что я нашла Пагоду Сна, киммериец. Она у тебя в сознании.

Такое откровение могло пролить много дождя на грешную землю. В голове варвара промелькнул целый караван быстрых мыслей.

Кесея права. Пагода Сна спрятана в его голове. Иначе зачем проклятому Дракону столько хлопот с одним-единственным смертным? Откуда бы появлялись призраки, как не из его сознания?..

И мерзавец Шаагал Нуджар тоже об этом знал. Тайный советник мехараджуба дал ему оба пузырька с ядом. Таким образом, он надеялся избавиться от кхитайского колдуна и уничтожить его эфемерную обитель.

В эту ночь сон не шел к варвару. Конан думал, что нового для него принесло открытие Ке-сеи. Если волшебница права, то каждый способен управлять своими снами.

Управлять снами…

Северянин усмехнулся.

Хорошо, пусть колдун отвоевал крошечный участок его сознания, но маг еще об этом горько пожалеет. Если Шао-дракон решил утвердить территорию своих владений в его разуме, то он выбрал очень опасное соседство!

Глава XVII

Он совершал уже далеко не первое, и даже не сотое путешествие в мир снов, и потому совершенно не волновался и выглядел предельно спокойным. Все окружение с его поражающим разнообразием нисколько не впечатляло колдуна.

Кхитаец плыл в глубину, манящую приглушенным светло-зеленым сиянием, раздвигая гроздья огоньков, гаснущих при легком прикосновении. Хвостатые кометы медленно ползли вверх навстречу гостю, передвигаясь резкими толчками. Оранжевые клубки, оживленно махая многочисленными щупальцами, танцевали в большом хороводе, то сливаясь в бесформенную массу, то разлетаясь тысячами ярких точек. Снизу неслись звуки причудливой музыки, похожей на мурлыканье голодных кошек. Призрачные существа пытались увлечь чародея в водоворот своих игр, но кхитаец отстранял от себя гомонящий народ, и бесплотные духи обиженно разлетались прочь. Весь хаос пестрого разнообразия не касался мага.

Дно бездны оставалось все таким же далеким. Чародей бесконечно тонул в прозрачной среде, которая по мере продвижения окрашивалась из салатного цвета в темно-зеленые тона. Это был секретный путь в мир сновидений, о котором знал только он один. Кхитайский маг открыл новый проход не так давно — около года назад, как раз в тот день, когда завершил свой проект по созданию иллюзорной пагоды сна. Отныне он пользовался только этой секретной дорогой.

Наконец, внизу забрезжил свет, обозначивший вход в пространство сновидений. У светлого провала ворот чародея встретили шесть крылатых гигантов с тяжелыми палицами. Но признав в человеке своего повелителя, грозные стражи расступились, уступая дорогу. Кхитаец влетел в искрящийся овал и, преодолев завесу света, оказался в шарообразном помещении, напоминавшим миниатюрную модель того гигантского измерения, которое сотворил Гипнос-Рен. Здесь также летали зерии, за которыми неустанно следили спруты-саривии, но местные духи являлись всего лишь отражением реальных обитателей мира снов. В отличие от подлинной страны сновидений здешнее окружение содержало всего лишь несколько ходов в ночные видения смертных. Не больше трех-четырех десятков. Колдун выбрал самый большой и величественный вход с резными косяками. Войдя в этот провал, он окажется в области своих владений. Там в снах гордого смертного находится его убежище, Пагода Сна, двойник земной обители мага, из которой он совершал путешествие в иллюзорное пространство.

Кхитайский чернокнижник быстро проделал весь путь до своего величественного алтаря. Вот оно, иллюзорное пристанище мага, — высокий пятиступенчатый конус из камня бардового цвета с малахитовыми крышами-шляпками, увенчивающими каждый ярус. Острые края крыш смотрят вверх в темно-фиолетовое небо, полное низких зловещих туч.

Тот, кто родился в земле снегов, никогда не изменит свое представление о мире. Даже в воображении киммерийца царит холод и свирепствует лютый ветер. Маг предпочел бы обосноваться в разуме какого-нибудь стигийца, где всегда знойно и душно, но нет ненавистного мороза. Нет высоких гор со снежными пиками, устремленными в небеса, нет ледяной глади, стелющейся по земле. Конечно, выбирать не приходится. Каким бы ни было сознание орудия, с окружающими условиями приходится мириться. Приходиться терпеть все,

что угодно, лишь бы достичь поставленной цели.

Колдун вошел в золотые ворота, которые стерегли рубиновые драконы. Гигантские змеи проводили его долгим взглядом. Прошел по дворику, который уже успели облюбовать снежинки, и поднялся по золоченому крыльцу, ведущему к входу в пагоду.

В помещении царил легкий полумрак. Тьму рассеивал тусклый свет трех десятков длинных свечей из снежно-белого воска. В воздухе витал едва уловимый аромат сандала. Не задерживаясь, чародей миновал Зал Секретов и поднялся на второй ярус, в Зал Знаний. Остановившись около полки, кхитайский волшебник на миг задумался, потом принял решение и вытащил толстую стопку дощечек, на поверхность которых были нанесены черные иероглифы. Это была книга таинств.

Обычный человек не смог бы прочти больше трех символов — во время сна мозг работал совершенно по-другому. Однако чернокнижник, годами постигавший науку управления процессов восприятия и познания в мире сновидений, умел читать любые письмена так же хорошо, как и наяву. Создание книг не требовало больших усилий. Стоило всего лишь облечь знания в материальную форму, привычную для чтения, и их письменный хранитель появлялся сам собой. На самом же деле книги были иллюзией — все знания колдуна были зафиксированы в памяти смертного, хранящего Пагоду Сна в своем сознании. А человеческая память, как известно, могла вместить целые тонны знаний.

Кхитаец поднялся еще на один ярус вверх. Здесь, в Зале Иллюзий, он оставил книгу в центре мозаики с изображением парящего тигра. Время для волшбы еще не пришло. Сначала он осмотрит Подвал Кошмаров и Зал Ночных Видений. Возможно, взойдет на крышу, чтобы отследить все изменения в хитросплетении нитей, связывающих духов сна. Размышляя с чего начать, колдун замер. Ответ быстро пришел сам собой. Лучше всего сначала навестить пленников.

Маг Сна быстро спустился вниз по спиральной лестнице на подвальный ярус. Темное помещение, названное Подвал Кошмаров, имело два уровня. На первом, верхнем, содержались пленники волшебника — духи всех смертных, пойманных во сне и заключенные в этом месте. На втором, нижнем, были заперты кошмарные существа, которых чернокнижник взращивал специально для того, чтобы терзать умы людей в сновидениях. Большая часть выводка была подвластна колдуну — он лично создал и размножил несколько пород тварей, паразитирующих в сознании человека. Среди призрачных монстров в подвале содержались мелкие линь, тревожащие сон смертного, страшные ку, скребущие мозг своими когтями и не дающие человеку уснуть своим скрежетом, и са-ин, источающие силы своей жертвы, пока человек спал. Но были здесь и существа, обладающие собственной волей. С ними колдун обходился с особой осторожностью. Даже запертые в клетке они могли навредить своему хозяину, потому как имели очень скверный нрав.

По подвалу постоянно летал хищный всепожирающий туман, который изредка уничтожал выведенных чудовищ или чинил беспорядок на подземном ярусе. Это сознание смертного сопротивлялось навязанной должности по хранению убежища колдуна. Поток стихийных сил постоянно вторгался во владения чернокнижника, и магу стоило не мало усилий сдерживать его под контролем.

Однако хаос враждебной мощи не всегда и не во всем покорялся воле чародея. Например, кхитаец не мог добраться до некоторых своих пленников. Особую трудность представляла новая пойманная жертва. Алиэль, юная дева-брамин Сна. Ученица его вечной соперницы, находилась под защитой неведомых сил, и колдун уже успел пожалеть, что запер

девчонку в темнице. Из-за этой мерзавки контролировать бушующий хаос стало многим труднее.

Кхитайский маг молча прошел мимо клеток с узниками. Преимущественно все узники были колдунами. Отдельную часть пленников составляли воины. Однако самого могущественного из них волшебник уже потерял. Легендарного бойца звали Лао Чи, Синий Копьеносец. Герои не умирают. Теперь он принял сторону врагов.

Оставались маги. Во имя осуществления цели придется освободить из плена одного из колдунов. Нет, лучше двух или трех. Пусть они расправятся с врагами в реальном мире. Трое братьев-громовников как нельзя лучше подходят для этого задания. Их чернокнижник пленил не так давно, около месяца назад. В реальном мире эти трое спят в своем жилище отшельников на южной границе Кхитая. Придется вернуть им души, пробудить и послать навстречу приближающимся врагам.

Да, так он и сделает.

Кхитец подошел к одной из клеток, где бесновались неяркие силуэты трех колдунов.

«Вазар, Ронас, Дин-Ю! Ответьте мне, кто ваш хозяин!»

«Ты, Шао Лун, мастер снов», — донесся злой ответ.

«Тогда слушайте приказ вашего повелителя. Вы должны убить группу странников, направляющихся в Кхитай. Восьмерых. Девятого, варвара по имени Конан, вы должны только ранить, но так, чтобы он медленно умер под моим надзором. Проснитесь и летите по небу быстрее туч. Я буду следить за вами».

«Как прикажешь, хозяин», — раздалось шипение.

Более не задерживаясь в темном подвале, чародей поднялся на первый ярус, затем продолжил восхождение вплоть до четвертого этажа. В Зале Ночных Видений колдун устроился на ковре с одним большим иероглифом, обозначавшим «сон». Обе руки он положил на подставке с другими знаками — «слышать» и «видеть». Кхитайский чернокнижник погрузился в транс. Долгое время он пытался выяснить, что происходит в снах киммерийца, но ничего не мог различить, кроме тьмы и тишины. Тогда колдун подвинул другую подставку с изображением иероглифа «чувствовать». Вновь никаких результатов. Словно варвар запер на замок свои видения. Спуститься в зал Иллюзий и наградить непокорного киммерийца новой порцией кошмаров? Так он, наверное, и сделает. Но сначала нужно завершить последний экскурс по Пагоде Сна. Подняться на крышу и узнать, что нового произошло в отношениях духов, охраняющих сновидения варвара.

Темное холодное небо встретило чернокнижника неприветливым воем ветра, напевавшего мотив гулкой песни. Вверху обозначились целые скопища полыхающих огненных точек. Не может быть!

Ваеры! Существа, призванные варваром, чтобы защитить свои сны. Значит, это из-за их вмешательства он ничего не мог увидеть в сновидениях северянина. Но это еще полбеды. Ваеры ведь могут атаковать его пагоду, если варвар того пожелает. Во имя Тай-Хао, как ему удалось призвать на помощь этих могущественных слуг Гипнос-Рена? Ведь такое под силу не каждому колдуну! Если киммериец преуспеет в общении со своими незримыми защитниками, то ваеры непременно ринутся вниз, чтобы стереть Пагоду Сна из сознания своего подопечного. Нет, в это просто нельзя поверить! Копан постепенно разрушает все его планы. Неудачи повсюду преследуют чародея.

Пора заняться варваром. Наслать на него самые черные и страшные иллюзии! Заставить его трепетать от страха! Поселить безумие в его разуме!

Чуть ли не бегом кхитайский маг спустился на третий ярус. Рука чародея подхватила книгу таинств. С неудовольствием чернокнижник заметил, что его пальцы едва заметно дрожат.

Применить самое злое колдовство!

Маг начал быстро перебирать дощечки, отыскивая иероглифы в нужной последовательности. Вдруг книга растаяла прямого в его руках — ее съел жадный туман хаоса. Колдун вздрогнул. Это проклятый варвар забыл то, что никогда не помнил. Его заклинания!

Лицо колдуна побагровело от злости. Что происходит?

Ответом был сильный толчок, заставивший вздрогнуть иллюзорную обитель чернокнижника. Стены пагоды внезапно потеряли четкие контуры и подернулись серой мглой. Мигом позже они вернули утраченный вид, но происшествие произвело на кхитайца неизгладимое впечатление. Чародей вновь понесся на крышу.

Ваеры были на месте.

Неужели киммериец самостоятельно учится управлять снами? Проклятье! Надо что-то предпринять.

Трое громовиков займутся врагами в реальности, но что делать здесь, в мире иллюзий?

Колдун скривил свои тонкие губы. В конце концов, он мастер Сна…

То утро показалось Конану необыкновенно солнечным. Знание того, что он обнаружил Пагоду Сна, придавало киммерийцу новые силы. Колдун поступил опрометчиво, поместив свое убежище в сны северянина. Расправиться со Столиким будет проще. Вскоре они уже доберутся до Кхитая, и тогда отберут не только колдовскую силу мага, но и его никчемную жизнь.

К полудню группа добралась до переправы через реку, которую гирканцы называли просто — Великая Река. Однако к разочарованию странников они не увидели ни моста, ни бревен, перекинутых через поток, ни даже лодок, на которых можно было бы переправиться на другой берег. У самой воды сидели четверо степняков, бездумно уставившись на шуршащие волны. Заметив путников, двое гирканцев приблизились к группе на своих лошадях. Агрессивных намерений у кочевников, по-видимому, не было.

— Эй, добрые люди, поворачивайте назад! — прокричал один из степняков, высоко подняв руку. — Здесь вы не пройдете!

— Почему мы не пройдем? — нахмурился Конан. — Неужели вы нас не пустите?

— Нет, мы просто предостерегаем вас. Вода стала опасной. Реку нельзя перейти.

— То есть как это? Впервые слышу, чтобы река стала непреодолимым препятствием. Эрлик вас побери, где мост?

— Мост разрушен. Починить нельзя.

— Тогда мы перейдем реку вброд.

— Нельзя, — повторил гирканец. — Вы непременно погибнете.

Кесея тронула за плечо варвара. Волшебница хотела лично узнать обо всем у степняков.

— Что за опасность нам грозит, о, благородный народ?

— Да уж, благородный народ, — хмыкнул Таллок, припоминая свои злоключения в Араказе. — Эти подлецы хотели скормить нас своему идолу!

— Тише! — окрикнул юношу Саттар. — То были воины из Клана Костей, а эти, похоже, не имеют к ним никакого отношения.

Гирканцы сделали вид, что не заметили совещаний путников.

— В воде заключена смерть, — сказал кочевник. — Каждый, кто вступает в волны реки, умирает. Быстрые воды унесли жизни многих наших братьев. Но если вы не верите, идите вперед и проверьте сами.

Звучит искренне, — заметил Таллок. — Только что он имеет в виду?

— Смерть в воде… — размышляла Алекса. — Не могу и предположить, что бы это могло быть.

— А что происходит с теми, кто переходит реку? — спросила степняка верховная жрица.

— Сначала они входят в воду, потом вода начинает светиться, и жадный демон отбирает очередную жизнь.

— Жадный демон?

— Ну да. После смерти человека он сжирает его душу.

— Что же за чудовище поселилось в реке?

— Я не знаю, добрые странники. Если вы хотите узнать обо всем, вам лучше поговорить с Кхэйулом, нашим шаманом. Мудрый старик ведает обо всем, что происходит вокруг. Наверняка, он сможет рассказать вам об этом демоне больше, чем я.

— Где его можно найти?

— В нашем поселке. Следуйте за мной, я проведу вас к Кхэйулу.

Степняк сдержал обещание. Группа остановилась в пятидесяти шагах от юрты шамана. Гирканец сделал знак спешиться, объяснив, что верхом подъезжать к жилищу не принято. Юрта Кхэйула отличалась ото всех остальных особой символикой. Вокруг жилища на деревянных колах были развешаны голые черепа животных, призванные отпугивать от обители шамана злых духов. Юрту венчали витиеватые рога козлов и баранов, выкрашенные в разные цвета — символ колдовской силы. Из входа в жилище вился синеватый дымок со специфическим запахом — это Кхэйул занимался приготовлением колдовских зелий.

Четверо странников последовали за гирканцем, остальные остались ждать их возвращения снаружи. В юрту шамана вошли Конан, Диаса, Вало и Кесея.

Старик встретил путников без удивления, словно давно ожидал их прихода.

— Знаю, знаю, — Кхэйул первым начал разговор. — Большая беда привела вас ко мне, странники. Проклята наша земля, проклята. Зло пришло в эти края и поселилось в Великой Реке! Ха-рар предупредил вас об опасности, молодец. Вы должны благодарить его, ибо мой внук спас вам жизнь. Зайди вы в воду реки, вас бы ждала скорая и ужасная смерть.

Шаман был очень стар. Наверное, Кхэйулу давно перевалило за сотню лет — блестящие волосы колдуна был белы как молоко, а темную кожу на лице избороздили глубокие морщины. Но в глазах старика, похожих на два уголька, горела яркая искра жизни. Шаман сидел на коврике из бараньей кожи, вдыхая дым тлеющих листьев, разложенных на железной подставке.

— Что случилось с Великой Рекой?

— Суррейш выбрал ее своим домом.

— Кто такой Суррейш?

— Разве вы никогда не слышали? Это один из сыновей ранних Каавана. От брака с Хезетой, матерью мрака, родилось три сына. Кхазалам-Амол, Нехаж-Галюд и Суррейш. Единый отец хотел сделать их своими наследниками, но, отворив их черные души и увидев, насколько злыми оказались его отпрыски, Кааван изменил решение. Создатель разгадал коварный замысел своих сыновей. Три брата возжелали сбросить с трона своего родителя и

безраздельно царствовать во всем мире. Кхазалам-Амол определил для себя землю, Нехаж-Галюд — небо, и наконец Суррейш — воду. Но великий Кааван изгнал своих детищ из дома и превратил трех сыновей в ужасных чудовищ, которые с того момента навеки были обречены странствовать по миру и причинять зло людям.

— Значит, вы не поклоняетесь Суррейшу? — неудачно спросила Диаса.

Кхэйул бросил на нее злой взгляд.

— Конечно, нет, девушка! Он наш враг, такой же враг, как и для всех людей.

— Мы встречались с вашим братом, который приносил жертвы Кхазалам-Амолу, — сказал Конан. — Что ты можешь сказать на это, колдун?

— Мне стыдно за наших соплеменников, — сказал Кхэйул. — Клан Костей, Клан Песчаного Дна, Клан Крови — они позорят наш род.

— Что, если мы убьем Суррейша? — спросил варвар.

— Тогда наш поселок никогда вас не забудет. Клянусь своей бородой, я сполна отплачу за вашу доброту.

— Но что ты можешь предложить взамен, старик?

— Скажите мне, что вы ищите, и я скажу вам, где это можно найти. Это сокровище? Драгоценный амулет?

— Вообще-то, то, что мы ищем, не имеет отношения ни к каким земным ценностям. Мы держим путь в Пагоду Сна.

— Сны? ~ Кхэйул задумался. — Я знавал одного кхитайского чародея, который занимался созданием сновидений. Но это было давно. Сейчас он, наверное, уже мертв.

— Его имя Шао Лун?

— Нет, мага звали Чей Танг.

Кесея и Диаса переглянулись. Похоже, это имя было незнакомо девам-браминам.

— Если вы поможете нашему народу одолеть водяного демона, я расскажу все, что знаю об этом чародее. Вероятно, он сможет чем-нибудь помочь, если, конечно, не опочивал в страну предков.

— Договорились.

— О, спасибо, добрые странники! Харар поможет вам.

Путешественники покинули жилище шамана. Четверо участников похода вернулись к остальным и рассказали обо всем, что узнали от колдуна гирканцев.

— Ты и в самом деле собираешься выполнить обещание? — спросил Конана Таллок.

— Почему бы и нет? Суррейш или Кхазалам-Амол — какая разница? Убить второго сына Каавана будет немногим сложнее, чем первого.

Вало многозначительно взглянул в сторону реки.

— Будем ловить рыбу?

Северянин улыбнулся, оценив юмор вендийца. Вдвоем с гигантом они расправились с повелителем степей. Разве новый враг сумеет испугать двух бывалых воинов? К группе путников подошел Харар, тот самый гирканец, который предупредил их об опасности и проводил к жилищу Кхэйула.

— Что потребуется могучему воину, бросившему вызов обитателю илистого дна?

— Мне понадобятся сети, — сказал варвар. — Много сетей.

Глава XVIII

Над степью быстро мчалось черное облако, затмевающее солнце. Не плыло, подобно своим ленивым собратьям, но стремительно неслось от кхитайской границы в южном направлении. Среди рваных лоскутов, объятые гроздьями тумана, летели три чародея, увлекаемые скорым потоком воздуха. Невидимая злая сила мчала колдунов быстрее ветра. Словно тяжкие цепи, чары Столикого сковывали громовников. Братья-маги оказались заперты внутри клубящегося вихря из нескольких туч, и неведомая сила чужого колдовства постепенно лишала их собственной воли.

Базар, старший из братьев-громовников, с ненавистью глядел на проносящуюся внизу землю. Роиас пытался сопротивляться магии, мчащей их по небу, но у колдуна не хватало могущества, чтобы соперничать с чародейством Шао Луна.

Дин-Ю уже смирился с судьбой и готовился к предстоящей битве, вбирая в свое тело дар стихии воздуха. Ярко-желтые одежды чародеев развевались подобно огненным крыльям, и если бы кто-то снизу различил их стремительно несущиеся над землей силуэты, то непременно подумал, что это пролетают демоны из свиты Тагала, укравшие с неба луну.

Пленники Столикого готовились выполнить задание своего господина — убить Конана и дев-браминов Сна.

* * *

Закат нарядил небо в облачные одежды ярко-красных тонов. Солнце устало плыло за горизонт, теряя свой блеск. Воды Великой Реки были объяты алым пожаром, который медленно угасал, пока светило удалялось на покой.

— То есть, как это совсем не осталось лодок? — недоумевал Конан. — Как же вы тогда переправляетесь на другой берег?

— После того, как здесь поселился Суррейш, мы вообще не подходим к реке, — сказал Харар. — А все лодки разломал сам водяной демон.

— Хм, что-то не верится. Никогда бы не подумал, что водяному демону могли чем-то помешать ваши плоскодонки. Ну, плоты-то хоть у вас сохранились?

Степняк яростно поскреб затылок.

— Были где-то на отмели…

— Тогда веди на отмель.

У кочевников отыскалось всего три плота годных к плаванию. По четыре человека на каждый — итого двенадцать воинов могли принять участие в охоте на монстра. Из группы странников вызвались Конан, Вало, Таллок, Исира и Саттар, из степняков — Харар, его двоюродные братья Тулар и Парук, а также еще трое гирканцев, не боявшихся ни богов, ни демонов. Охотники до самой темноты готовили сети, точили гарпуны и крючки.

Когда все приготовления были сделаны, они отчалили от берега, направив речной транспорт вниз по течению.

Киммериец, дева-брамин и лунный маг занимали один плот, Вало, Харар и его братья — другой и, наконец, Таллок и его три помощника из числа гирканцев — третий. Два плота держались близко друг от друга, так, чтобы в любой момент можно было натянуть сети, в то время как на третьем плоту, которым управлял юный странник, воины готовили копья и гарпуны, чтобы атаковать пойманного демона. Картина выглядела зловеще — странники, точно сами рыбаки небесных вод из свиты Эрлика, отправились ловить чудовище, восставшее из пучины.

Река несла воинов по темным водам, в которых затаилась невидимая смерть.

Любопытство варвара пересилило. Сначала Конан опустил в воду лезвие своего меча, потом окунул руку. Ничего не случилось. У киммерийца появилась нехорошая мысль, что гирканцы их разыгрывают. Харар, сдвинув брови, сделал знак северянину немедленно прекратить тревожить воду.

— Суррейш чувствует появление человека в своих владениях, — шепотом объяснил гирканец. — Коварный демон может подкрасться незаметно.

Прошел час в полной тишине. Единственным звуком, доносившимся от темной воды, который слышали странники, был плеск рыбы. Саттар воззвал к ночному светилу, отгоняя дремоту и усталость. Киммериец был вынужден признать, что чародейство лунного мага производило определенный эффект — спать больше не хотелось, тело наливалось приятными волнами бодрости.

— Сеть! — внезапно крикнул Конан, заметив светящееся пятно, которое двигалось по дну в их направлении.

— Суррейш! — в голос воскликнули гирканцы. Несмотря на кажущийся испуг, кочевники

действовали быстро и слаженно. Вскоре чудовище затрепыхалось в сети. Вопреки ожиданиям, пойманный монстр совсем не походил на водяного демона, скорее, на рыбу, плоскую и уродливую, с тонкими крыльями, охватывающими тело.

— Это не Суррейш, — сделал заключение Харар.

— Кажется, я знаю, что это за существо, — произнес Таллок. — Это такая рыба, которая зовется электрическим скатом. Несколько раз подобных бестий вылавливали в Море Запада. Но ума не приложу, что эта рыбина может делать в Великой Реке.

— Выходит, эта рыба убивает людей? — спросил Таллока один из гирканцев. — Такая мелкая?

— Думаю, она здесь не одна, — ответил юноша. — Требуется, по крайней мере, десятка три таких скатов, чтобы нести смерть всем, кто вошел в воду. И все равно… Река слишком большая, чтобы скаты могли убивать повсюду!

— Значит, их кто-то направляет! — пришел к выводу Конан. — Будь я проклят Кромом, если это не один из трех кланов, почитающих сыновей Каавана!

— Эй!

Таллок хлопнул по кисти гирканца, который попытался дотронуться до ската рукой.

— Жить надоело? Умрешь скорее, чем ветер свистнет! Видел когда-нибудь молнии на небе во время грозы? Вот эта самая рыбина способна вырабатывать такие же.

Степняк в ужасе отдернул руку.

— Надо убить ее! Быстрее!

— Не поможет, — сказал варвар. — Их здесь могут быть десятки или сотни. Да и морская рыба, насколько я знаю, не может жить в реке. Во всяком случае, без магии своих

покровителей.

— Что ты хочешь этим сказать? — задал вопрос Харар.

— Нужно найти тех подлецов, которые поселили скатов в Великой Реке. Без поддержки их чародейства рыбы вымрут сами. А нам следует всего лишь заставить мерзавцев покинуть эти земли.

— Вернемся в селение и расскажем остальным, — предложил Харар. — Поднимем всех воинов. Узнав, что в реке царствует вовсе не Суррейш, но рыбы, которые убивают по приказу людей из нечестивого клана, многие согласятся помочь.

— Хорошо, — согласился Конан. — Только надо действовать быстро. Ночь — время, когда враги меньше всего ждут нападения. А я уверен, что негодяи затаились где-то неподалеку.

— Так оно и будет, воин, — пообещал гирка-нец. — Еще первые лучи рассвета не упадут на землю, как все воины Клана Песчаного Дна будут мертвы.

По возвращении в поселок кочевников, Харар собрал большой отряд воинов, которые почти и не спали, дожидаясь возвращения группы. Тулар и Парук повели часть людей вверх по течению, в то время как остальные гирканцы, возглавляемые Хараром, двинулись вдоль реки в противоположном направлении. Конан и остальные присоединились к воинству Харара. Гирканские всадники быстро скакали вдоль берега, стараясь производить как можно меньше шума.

Через пару миль они наткнулись на то, что служило вражеским лагерем. Как и предполагал киммериец, поклонники Суррейша не ждали нападения. Возможно, если бы солдаты гирканцев проезжали бы в этом месте днем, то ничего бы не обнаружили. Временные жилища почитателей водяного демона оказались тщательно скрыты от посторонних глаз, и если бы не дым костра, да шумные крики ничего не подозревающих воинов нечистого клана, люди Харара попросту проскакали бы мимо.

Степняки из поселка налетели на вражеский лагерь, точно смерч, сметая на пути всех неприятелей, подобно вороху сухих листьев. Ночь наполнилась звуками битвы, криками и скрежетом железа. Браги кочевников не были готовы дать отпор, и потому сразу же понесли большие потери. Харар лично расправился с двумя противниками, Конан и Вало убили шестерых. Общие потери воинов Клана Песчаного Дна составили двадцать три павших бойца. Гирканцы из поселка потеряли всего двоих.

В замаскированных жилищах, прорытых у берега реки, воины нашли большие стеклянные емкости с водой, в которых содержались морские скаты. Колдуны клана управляли поведением рыб с помощью магических талисманов, которые гирканцы после короткого совещания решили уничтожить в пламени костров.

Однако торжествовать было слишком рано. На помощь своим собратьям спешили другие почитатели Суррейша. Степняки, забыв об осторожности, оказались в окружении превосходящего в числе врага.

Завязалась битва. Гирканцы из селения отбивались от разрозненных отрядов Клана Песчаного Дна. Вскоре берег реки устлали тела павших воинов. Кривые сабли со свистом рассекали плоть, длинные копья всадников пронзали тела пеших бойцов. Харар потерял четверть своих людей, но поклонникам Суррейша так и не удалось окружить отряд. Вождь рассчитывал продержаться до прихода своих братьев, чтобы потом ударить по врагу с новыми силами и разделаться со всеми членами клана.

Счастье, девы-брамины остались в селении кочевников — в такой беспорядочной свалке

они могли погибнуть от удара какого-нибудь отчаянного вояки, избравшего своей мишенью голову волшебницы. Магия не спасала в вихре горячего боя, где на первом месте всегда оставались сила и ловкость.

Вало и Конан, не щадя сил, рубили направо и налево, убивая своих противников. Таллок прикрывал Исиру и Саттара, которые творили волшбу в помощь союзникам.

Сражение превратилось в беспорядочную кучу одиночных стычек…

Все изменилось, когда ночное небо раскололось пополам, и из открывшейся бреши вылезла грузная туша гигантского призрачного существа. По жилам великана струился неяркий свет. Весь облик ночного странника напоминал о темноте и скорби подземного царства. Единственный глаз Джоо Мина свирепо блестел во мраке, нагоняя ужас на остолбеневших людей.

— Похоже, Шао Лун выпустил на волю своего цепного пса! — сказал Конан.

Призрачный гигант прошел мимо скованных страхом степняков, которые забыли про схватку, и замер перед киммерийцем. Великан возвышался над северянином, точно высокая башня.

— Я убью тебя, варвар! — громогласно проревел Джоо Мин. — Ты едва не лишил меня зрения, но теперь тебе не скрыться. Лао Чи не придет тебе на помощь, ха! Я раздавлю твою голову, как спелый плод!

Конан отложил меч и с усмешкой взглянул на великана.

— Выбравшись из снов Столикого, ты потерял свою неуязвимость, обитатель иллюзорного царства. Теперь ты не опаснее водяной крысы!

— Водяной крысы? Я покажу тебе водяную крысу!

С ревом Джоо Мин бросился на Конана и сгреб его тремя парами своих огромных лап. Туман, из которого состояло тело великана, казался плотным и тяжелым. Варвар, напрягая свои огромные мышцы, сумел разжать хватку Джоо Мина и потянул на себя гиганта. Тело чудовища, привыкшего путешествовать только по иллюзорному пространству, покачнулось и стало заваливаться вперед. Подарок Шао Луна, мглистая плоть, оказался непривычным для обитателя страны сновидений. Конан, ловко изогнувшись, перехватил шею великана и сдавил горло Джоо Мина. Монстр замахал руками, растопырив пальцы, в отчаянной попытке высвободиться, но варвар держал крепко. Постепенно усиливая давление, он не отпускал шею гиганта, пока Джоо Мин не перестал дергаться и не затих. Тогда Конан разжал согнутую в локте руку, и позволил обмякшему телу упасть на землю. Плоть чудовища начала таять, съеживаться, морщиться, словно кожура гнилого яблока…

Исчезающий гигант, подхваченный ветром, полетел в сторону реки, и вскоре быстрые воды без остатка пожрали его мглистое тело.

Изумленные степняки испустили вопль.

Харар переводил взгляд от реки на киммерийца, пытаясь понять, что только что произошло, и даже почитатели Суррейша забыли об атаке, полностью переключившись на Конана.

Кочевники не представляли, что им делать дальше. Вмешательство сверхъестественной силы оказалось таким неожиданным, что гирканцы не знали, кому произнести молитву — властелину вод или герою, который избавил их от кошмарного существа.

Дальнейшие события начали разворачиваться с пугающей быстротой. Едва растаяло тело огромного человекообразного чудовища, как с неба появились новые чужаки. Три колдуна в ярко-желтых одеждах опустились на берег, всколыхнув зыбкой рябью волны реки.

Чародеи оглядели поле сражения безо всякой спешки. Так обычно смотрят на своих врагов люди, уверенные в своих силах.

Впрочем, ситуацию братья-громовники оценили неверно — увидев Конана и окружающих его степняков, маги сделали вывод, что варвар собрал воинство из числа гирканцев для похода на Пагоду Сна. Повинуясь воли своего хозяина, которого им было приказано охранять, чародеи начали беспорядочно уничтожать всех степняков.

Поклонники Суррейша взвыли, увидев, как с рук чужих колдунов срываются голубые ветки молний. Они-то до сих пор верили, что секрет небесного огня неизвестен никому, кроме кланов, почитающих сыновей Каавана.

Яркие линии расчерчивали темное пространство, врезаясь в грудь кочевников, и несколько воинов попадали на мокрую землю, объятые роем колючих искр и клубами сизого дыма.

В эти мгновения люди Харара и поклонники Суррейша забыли о своей вражде. Гирканцы, смешавшись в единой волне, атаковали дерзких магов. Несмотря на приказ Шао Луна, закрепленный в сознании чародеев, основная суть которого сводилась к тому, чтобы уничтожить группу дев-браминов Сна и сопровождающего их киммерийца, громовники с усердием взялись за новое задание. Братья предпочли сначала убить всех врагов, мешавших достижению основной цели, и потому щедро тратили силы на орущую толпу кочевников.

Яркий синий свет разорвал темное ночное покрывало серией коротких вспышек. Степняки падали на сырую землю, умирали один за другим, но так и не могли добраться до тройки грозных колдунов. Ослепительные блики неслись по водной глади пугающими светлыми пятнами. У гирканцев не хватало сил достичь той невидимой черты, которой маги ограничили себя от всего беснующегося воинства врагов. Убегать степняки тоже не желали. Многочисленных воинов переполнила дикая ярость, стершая даже страх перед небесным огнем.

Солдаты Харара и почитатели Суррейша одинаково видели в трех магах воплощение зла. Если кочевники из поселка представляли колдунов, как источник всех бед, свалившихся на селение, то поклонники водяного демона усмотрели в этих троих нечто, позволившее им прийти к заключению, что братья-громовники являются противниками почитаемого ими божества. Как оказалось неспроста — к месту битвы неслышно подъехала Кесея со своими ученицами. Верховная жрица Гипнос-Рена узнала о замысле Шао Луна, в одиночестве совершив путешествие в страну снов.

Волшебница догадалась о том, что кхитайский чернокнижник послал своих рабов с заданием убить дев-брамин и тех, кто их сопровождал. И вот она пришла на помощь своим союзникам, которым угрожала опасность. Возможности блестящей ученицы Гипнос-Рена, которые Кесея тщательно скрывала, были неисчерпаемыми. Навык массового гипноза, которым владела чародейка, оказался верным орудием для достижения цели — Кесея заставила гирканцев поверить, что их общий враг — это три злых мага, расточающих убийственное голубое пламя.

Громовники оказались могучими колдунами. Стоя спиной к воде, они отражали одну за другой волны атакующих кочевников. С прикрытым тылом, Чародеи создали линию безупречной обороны, умело распределив усилия — Ронас и Дин-Ю посылали молнии направо и налево, а Базар подпитывал своих братьев стихийной силой. Атака степняков превратилась в бессмысленную бойню, берег реки быстро покрывался все новыми и новыми телами гирканцев.

В голове варвара, немало смыслившего в тактике сражения, сразу пронеслась мысль, что еще пара минут — и от объединенного воинства степняков останется только зола. Нужно было выманить магов на открытое пространство и окружить, иначе чародеи перебьют всех до единого.

Конан в три прыжка подскочил к Кесее и передал свои опасения.

— Внуши им, что они боятся колдунов! — сказал киммериец. — Пусть чародеи поверят в страх гирканцев и отойдут подальше от берега!

Страх.

Ученица великого бога сновидений попыталась представить сама, что бы бы она почувствовала, когда оказалась посреди хаоса мельтешащих тел, объятых синими искрами и дымом.

Три колдуна сеют смерть. Спасения нет нигде.

Бежать! Бежать! Бежать без оглядки, прочь от страшного места!

Степняки дрогнули. Ярость сменилась диким испугом. Кочевники ринулись прочь от колдунов, беспорядочно наталкиваясь друг на друга.

Базар, Ронас и Дин-Ю мгновенно заглотили наживку. Громовники забыли об обороне и бросились в погоню за бегущим врагом. Хлесткие молнии догоняли гирканцев, и те, в кого попадал небесный огонь, валились наземь, рассыпая фонтаны гаснущих искр мертвенного синего цвета. Пал еще один противник, еще…

Преследователи стремглав неслись за своими жертвами. Теперь, похоже, братья-маги оказались в плену азарта и забыли, с каким заданием они сюда явились первоначально.

— Давай, Кесея! Прикажи им обернуться и ударить по врагу!

Внезапно безудержная ярость вновь охватила гирканцев. Степняки осознали, что врагов всего трое, в то время как их больше, по крайней мере, раз в тридцать. Не успели громовники опомниться, как оказались в окружении кочевников, пылающих жаждой возмездия. Заблестела холодная сталь клинков и копий — Ронас рухнул на колени, захлебываясь собственной кровью.

Дин-Ю и Вазар не дали кольцу сомкнуться. Маги стали прорываться обратно к воде.

Зарычав, Конан подхватил свой тяжелый меч и устремился в сторону пятящихся колдунов, которые разбрызгивали по сторонам голубое пламя.

Никто из степняков так и не успел осознать, что убило второго громовника — настолько быстро все произошло. Мигом позже гирканцы разглядели, кто же из героев отправил к праотцам Вазара. Это киммериец быстрее ветра подкрался к двум магам, пригнулся, избежав попадания пущенной молнии, которая угодила в кого-то из менее удачливых воинов, и пронзил клинком своего противника. Удар оказался настолько сильным, что меч оторвал волшебника от земли, и тот повис в воздухе, нанизанный на лезвие меча, подобно бабочке.

Сразу же ревущая толпа степняков погребла под собой оставшегося в живых мага. Варвар не стал дожидаться кровавой расправы и вернулся к группе своих друзей.

Откуда-то издалека разнесся тихий звук стука копыт. Степь робко зашепталась. Это Тулар и Парук спешили на помощь Харару со своими всадниками.

Вдруг Таллок вытянул вперед руку, указывая на кучу неподвижных тел гирканцев, из-под которой выбрался Дин-Ю. Около двух десятков врагов мага оказались мертвы, убитые страшным электрическим зарядом. Желтая одежда чародея-громовника свисала изодранными клочьями, лицо волшебника заливала кровь, тело покрывали многочисленные порезы, на левой руке не хватало трех пальцев. Но, тем не менее, Дин-Ю был жив. Качаясь,

словно во время шторма, маг плелся к воде. Остолбеневшие кочевники не смели его преследовать.

Диаса слепо уставилась в воду. Сначала Конан подумал, что девушку испугал колдун, казавшийся только что вернувшимся с того света, но, проследив за направлением ее взгляда, варвар понял, что внимание девы-брамина привлекло нечто по-настоящему ужасное. Дин-Ю продолжал пятиться в реку, и вода уже достигла его колен. За спиной волшебника что-то плеснуло, послышалось тихое бульканье. По темной глади реки пробежала мелкая рябь.

Что-то огромное и ужасное вынырнуло из волн с такой пугающей неожиданностью, что все следившие за движением в реке испустили вопль изумления и страха. Над поверхностью показалась мокрая чешуйчатая спина, распахнутая беззубая пасть и комья слипшихся плавников.

Дин-Ю вздрогнул. Маг выставил вперед обе руки, словно пытаясь защититься от новой опасности, и ладони громовника расцветило яркое голубое сияние. Это было последнее, что успел сделать колдун, перед тем как исчезнуть в жадном зеве чудовища. После этого скользкий монстр вновь скрылся в воде, выбросив в воздух тучи мелких брызг.

— Суррейш! — пронесся дрожащий голос.

— Суррейш, — эхом подхватили другие степняки.

Вода в том месте, где скрылся хозяин реки, начала пениться. Что-то заклокотало в глубине, а на поверхности заиграли блики света. Потом внезапно раздался оглушительный взрыв — река перевернула свою воду, отрыгнув вместе с жидкостью гигантские всплески чего-то густого, красного и дурно пахнущего. На берег полетели большие куски мяса, точно в Великой Реке лопнул огромный кит — гиркацев щедро окатило водой, перемешанной с кровью.

— Видать, не понравилось речному идолу угощение, — с усмешкой заметил Конан, отшвыривая ногой еще теплый кровоточащий комок.

На лицах кочевников застыл ужас.

— Воины клана! — обратился варвар к почитателям взорвавшегося бога, выступая вперед. — Суррейш мертв. Вам больше нечего делать в этих землях! Уходите из этого края и больше никогда не пытайтесь вернуться со злыми намерениями. Этой ночью нам случилось биться на одной стороне — больше нет нужды проливать кровь друг друга. Братья из вашего народа вам не враги!

Гирканцы из числа противников людей Харара не стали поспешно хвататься за оружие. Увидев жуткую гибель своего бога, кочевники потеряли весь боевой задор. У степняков из поселка также не было желания продолжать схватку.

К месту сражения подоспели Парук и Тулар. Всадники погребли павших товарищей, недавних врагов они отпустили с миром. Кочевники и группа странников во главе с Конаном вернулись в поселок к рассвету.

После того, как путники отдохнули и набрались сил, они пошли к Кхэйулу. Шаман выполнил свое обещание. Старик рассказал странникам все, что знал о древнем чародее из Кхитая. Оказалось, Чей Танг исследовал сны за долго до того, как ученики бога сновидений вышли на открытое противостояние.

Киммериец сделал предположение, что Кесея и Шао Лун были не единственными учениками Гипнос-Рена. Чей Танг, наверняка, относился к старшему поколению магов Сна. Алекса заметила, что, если, по словам Кхэйула, некогда волшебник обитал в провинции Камбуи, то это приблизительно в том же районе, где ныне располагается поселок Пэй-Кван.

Если Чей Танг уже умер, то не исключено, что Столикий построил свою пагоду в том же месте, где некогда располагалась обитель мага. Кесея придерживалась иного мнения — волшебница была уверена, что Шао-дракон даже не слышал о существовании кхитайского мага Сна.

Медальон, сказал Кхэйул. Найдите медальон! Знаменитый амулет чародея, по слухам, отличался необыкновенной мощь, и с помощью него Чей Танг управлял сновидениями. Шаман гирканцев настаивал на том, что странникам необходимо заполучить этот медальон, ибо именно он может стать ключом к победе над злым Драконом, терзающим людей кошмарами…

В поселке степняков группа задержалась ровно на день — отдохнуть от всех бед, участившихся за последнее время, и пополнить съестные припасы. После короткого отдыха путники вновь отправились в дорогу.

От селения гирканцев они отъехали недалеко.

Их нагнал Харар на взмыленном коне. Он принес тревожное известие. Вождь степняков сказал, что Кхэйул только что получил от Кааваиа тревожный знак и просит путешественников вернуться в поселок.

— Я раскинул гадальные кости, — позже объяснял старый колдун. — Дурные вести. О, наш единый отец предупредил меня об опасности, которая угрожает одному из участников похода! Я возвращаю свой долг перед вами, странники, передавая вам это послание. Бойтесь — враг хочет причинить зло одному из вас, и он уже подготовил свою черную волшбу!

— Кто это, мудрый старец? — спросила шамана Кесея. — Кому угрожает опасность?

— Той, Кто Спит, — произнес Кхэйул зловещим голосом.

В памяти всех странников одновременно всплыла черная горошина гадального бисера Таллока, которую выбрала Алиэль перед тем, как группа вошла в Араказ.

Глава XIX

Никогда нельзя полностью познать то, что обычно сокрыто от познания. Даже Шао Лун, каким бы великим мастером ни казался этот кудесник сновидений, не смог постичь все чудеса таинственного королевства под названием сон. Не говоря уже о Конане, который разбирался в тонкостях магии настолько же хорошо, насколько британийский пастух в древних стигийских трактатах. Один только лишь Гипнос-Рен имел полную власть в своем иллюзорном мире, но хитрый бог оставался в стороне от дел смертных;

О, если бы он только помог киммерийцу вызволить деву-брамин из темницы Пагоды Сна, куда ее заточил коварный колдун! Кажется все просто: сознание девушки находится где-то в плену внутри сознания варвара. Алиэль ждет его помощи, он сгорает от нетерпения поскорее выручить ее из неволи. Но почему ничего не меняется? Почему юная ученица Кесеи все также спит крепким, беспробудным сном, а Шао Лун бесчинствует в его разуме? Как можно положить этому конец?

* * *

Кхитайский маг прошествовал в темную клетку, где был заперт дух девы-брамина.

Пора, наконец, действовать самому, решил для себя Шао Лун. Киммериец справился со всеми врагами в реальном мире — одолел Джоо Мина и отправил к Тянь-Чену троих громовников. Следствие фантастического мастерства или небывалого везения. И то и другое одинаково скверно. Столикий не мог терпеть ни сильных, ни удачливых. Пора показать Конану, что игра нередко оборачивается поражением даже для того, кто, казалось, выигрывал до самого последнего момента. Неужели варвар и в самом деле задумал совладать с ним, мастером сновидений? В подтверждение мыслям чернокнижника иллюзорную пагоду пронзила мелкая дрожь — это киммериец отчаянно боролся за свою свободу и свободу той, которую любил. Черная улыбка расчертила лицо колдуна, сделав его похожим на лик ужасного демона. Хорошо чувствовать себя способным причинить боль противнику. А этот удар Конан запомнит надолго! О, да, может быть, это станет худшим потрясением для варвара. Кошмар, воплощенный в реальность…

Шао Лун вошел в клетку, где метался плененный дух Алиэль. Не долго думая, маг простер руки — и призрак замер, как будто в испуге. Одновременно с лютой ненавистью и злорадством собственной жестокости Столикий низверг на дух девы-брамина поток пламени. Огонь охватил размазанный силуэт, который стал медленно таять, растворяясь в волнах уничтожающей материи. Колдун продолжал поливать пламенем бесплотный дух, пока, наконец, сознание пленницы не пожрал безликий хаос.

Только тогда Шао-дракон покинул мрачное узилище и, не оглядываясь, стал подниматься вверх по спиральной лестнице.

* * *

В тот момент, когда глаза Алиэль широко распахнулись, Конан находился рядом, пребывая в задумчивости, угнетенный сознанием своей беспомощности. В изумрудных зрачках девушки застыла боль. Взгляд девы-брамина упал на киммерийца, на краткий миг ее глаза очистили хрустальные слезы, принесенные воспоминанием о пережитой радости.

— Конан, я люблю тебя, — тихо прошептала она. — Никогда не забывай меня, мой герой. Помни о своей Алиэль…

Ученица Кесеи вздохнула и…

Умерла.

Жизнь волшебницы оборвалась, навсегда остановилось ее юное сердечко.

Конан вскочил на ноги.

Степи сотряс яростный вой, полный боли и отчаяния. Так не мог кричать человек, так кричит раненый зверь, попавшийся в западню хищник, у которого отняли надежду на спасение…

* * *

Ночь сгустилась темными облаками, которые съели солнце. Бледный диск светила окутала дымка клубящейся мглы, ночные демоны вышли на охоту.

Сознание киммерийца изменилось. Теперь здесь царила темная ночь, многим мрачнее той, что окутала реальный мир.

Снег, украшавший двор пагоды, окрасился в кроваво-красный цвет. Вверху пылающие тела ваеров источали необыкновенно яркий злобный малиновый блеск. В воздухе кружили воющие призраки, оглашающие пространство своими жуткими голосами. Духи жалобно стонали, сетуя на расточаемую извне печаль и скорбь, которая обрекала их на невыносимые страдания.

Когда Шао Лун вторично за этот день погрузился в сны Конана, он поразился изменениям окружения. Чернокнижника впервые уколола неприятная мысль, что иллюзорная среда может стать опасной. Для него!..

Рубиновые драконы валялись у ворот одной кровавой кашей, раздавленные невидимой силой. Смерть верных стражей могла означать, что киммериец преодолел барьер и проник в эфемерную Пагоду Сна. Инстинкт подсказал колдуну, что внутри обители витает беснующийся дух варвара, жаждущий возмездия. Кхитаец начал колебаться.

Что, если он войдет внутрь, и его постигнет смерть?

Шао-дракон тут же отбросил эту мысль. Варвар-северянин не может управлять снами! Глупо опасаться гнева киммерийца в сосредоточии собственных магических сил.

Однако нехорошее предчувствие не оставляло кхитайского мага. У чародея не возникало сомнения в том, что нечто зловещее и мрачное затаилось внутри пагоды, по своей природе схожее с тем, что обычно создавал сам кудесник сновидений для своих недругов. Переступив

через свои сомнения, колдун вошел внутрь.

Пагоду переполняла тишина. Все вокруг замерло, словно в ожидании. Шао Лун начал подумывать о том, чтобы спуститься в подвал и выпустить на волю танцующих змей, которые станут терзать мозг варвара. Но что-то сверхъестественное, неумолимое и властное потянуло его наверх, в Зал Иллюзий. Призыв был настолько сильным, что его нельзя было проигнорировать. Точно невидимый повелитель приказал магу выполнить это необходимое действие.

Ступени лестницы, будто живые, подталкивали его ступни. Вверх! Все настойчивее звал беззвучный голос. Вверх!

Шао Лун вошел в зал и замер посреди магического круга. Символ, представлявший собой круг с заключенной внутри спиралью, тускло алел во мгле. Пространство вокруг дышало враждебностью. Нельзя сказать, что маг испугался, но все же в эти мгновения цепкие коготки страха все же пощекотали его нервы.

«Наконец-то я нашел тебя, подлая мразь! — разрезало тишину низкое рычание киммерийца. — Ты убил девчонку, жестокосердный колдун! Будь ты вечно проклят Митрой! Скоро, уже очень скоро, я доберусь до твоего жилища, и тогда ты пожалеешь о том, что появился на свет. Я привык возвращать долги, а у меня их накопилось много… Ты готов к путешествию в подземный мир? Будь уверен, проклятый чернокнижник, я направлю тебя на темную дорогу. Демоны будут медленно жрать твою ядовитую печень и упиваться вкусом ее горечи! Твои мучения продлятся не один век. И Кром, и Асура одинаково питают к тебе особую неприязнь. Помни мои слова: твое будущее — это море страданий и боли!»

Шао Лун быстро прочитал изгоняющее заклинание, точнее, оформил свои мысли в обусловленное канонами подобие звуковой оболочки, как бы он это сделал наяву. Очень странно, но чары кхитайского мага не подействовали. Дух Конана, обретший место внутри собственного сознания киммерийца, по-прежнему оставался в пределах иллюзорной обители Столикого. Варвар почувствовал тревогу колдуна и догадался о его судорожных попытках освободиться от присутствия киммерийца.

«Никакие мольбы богам тебя уже не спасут, чародей. Ты давно отвернулся от них, а они не примут к себе отступника. Или ты сам вознамерился стать богом? Царствовать в иллюзорном мире, подобно многоокому Гипнос-Рену? Управлять снами своих жертв?»

— Убирайся вон! — закричал кхитаец, забыв о своей былой уверенности. Его голос разлетелся по сторонам кучей жалких отголосков слабого шепота.

«Ты приказываешь мне покинуть собственный разум, колдун? — спросил его Конан. — Мне кажется, незваный гость в этом месте — это ты. Но чего же ты так кричишь? Я почти слышу твой голос, каким он есть — хриплый, точно карканье ворона. Неужели ты, жалкий маг, боишься за свою никчемную жизнь, когда с легкостью отбираешь ее у других, более достойных существовать па земле?»

Столикий принялся ткать узор иллюзии, чтобы отпугнуть киммерийца или натравить на него одно из своих призрачных чудовищ. Однако все усилия оказались напрасными, — словно чудовищный молот свирепого хаоса вдребезги разбивал все слепленные магией образы.

«Ты когда-нибудь испытывал те страдания, на которые тебе случалось обрекать своих жертв? Тебе знакомо то чувство, которое мы зовем болью или отчаянием? Ты хоть знаешь, как чувствует себя тот, кого загнали в угол и отрезали все пути к спасению? Ну, скажи мне, маг, каково превратиться из охотника в жертву?»

Шао Лун начал медленно пятиться из магического круга. В голосе Конана он уловил нечто такое, что сулило угрозу — безо всякого запугивания, угрозу, которая была очевидна только вследствие своего существования.

Спасайся! — подсказывал чародею инстинкт. Волна холодного жара прокатилась по телу Столикого. По щеке Шао-дракона пробежала предательская капля пота — липкая и скользкая, почти как настоящая.

— Твоя девка сильно страдать, когда я ее развоплощаю! — выкрикнул маг в сторону невидимого врага, скорее для придания уверенности себе, чем для того, чтобы расстроить противника.

«Алиэль, Лао Чи, Базар, Ронас, Дин-Ю, Судир Шах… — перечислил киммериец. — Это лишь те, кому случилось погибнуть у меня на глазах. Скольких же ты еще убил, ненавистный колдун? Кстати, братья-громовники уже отправились в подземный мир, и Азах надел их на свои рога. Вся компания ждет, не дождется, когда к ним присоединишься ты. Трехрогий согласился назначить чародеев на должность твоих персональных мучителей, так что в гостях у Темного тебе скучать не придется. Такого негодяя, как ты, станет за честь разорвать зубами любому демону».

Шао Лун потянулся к иллюзорным книгам и талисманам, способным защитить его от варвара. Внезапно все колдовские вещи рассыпались сияющим прахом, а тяжелые дощатые тома лопнули, разбросав по полу тысячи деревяшек с иероглифами.

«Еще в Айодхье я предлагал тебе убраться из моих снов, — вновь зазвучал голос Конана. — Но ты не из тех, кто отступает от задуманного, верно? Явись па землю хоть сам Асура или Тянь-Чен в своем пламенном одеянии, чтобы запретить тебе осуществить свои мысли. Ты всегда идешь до конца. Я тоже, колдун. Теперь разрешить наш с тобой спор можно только смертью одного из нас. Делай все, что можешь, Столикий. Используй свою самую черную волшбу, потому что времени у тебя уже не остается. Я ИДУ ЗА ТОБОЙ!»

Едва прозвучали последние слова, как что-то жесткое сомкнулось на горле Шао-дракона, словно из ниоткуда к его кадыку потянулись железные пальцы киммерийца. Невидимые тиски с чудовищной силой сдавили его горло, так что кхитаец захрипел, брызгая слюной. Казалось, стальные клешни вот-вот разорвут его голосовые связки.

Вот уже его ноги оторвались от земли и принялись бешено пинать воздух. Глаза мага закатились, изо рта повалила пена. Тело колдуна сотрясла сильная судорога, вытянувшая все мышцы в тонкую струну.

«Я ИДУ ЗА ТОБОЙ!»

Булькающий хрип поглотил все окружающее пространство…

* * *

Чернокнижник долго катался по полу, плюясь и отрыгивая самые черные проклятья, все еще не в силах совладать с последствиями дурного сна, который больше походил на реальность.

Способность дышать вернулась не сразу. Удушье высосало все силы и едва не прикончило пожилого мага. Шао Лун, точно утопленник, которого чудом вытащили из воды

еле живого, вновь учился вдыхать воздух маленькими порциями. Он долго восстанавливался после событий пережитого, отчаянно пытаясь понять, что же помогло киммерийцу преодолеть его колдовскую оболочку неуязвимости в снах.

Кхитайский маг неохотно признал, что этот поход в иллюзорную обитель едва не стоил ему жизни. Ему вообще повезло вернуться в реальную Пагоду Сна. Что же будет в следующий раз? Неужели варвар и в самом деле прикончит его?

Столикий чувствовал себя скверно. Очень скверно. Наверное, впервые за прошедшую сотню лет. Никогда ему еще так не доставалось, и — где! В мире сновидений, в котором до этого момента он считал себя полноправным хозяином.

Вот и все кончилось…

Пришел грубый варвар с севера и все уничтожил. Конец всем планам…

Нет, нельзя этого допустить!

Покалеченное горло отдавало тупой ноющей болью. Пару раз колдун срывался на мучительный кашель, грозивший вывернуть наизнанку все внутренности. Точно призрачная рука до сих пор сжимала дыхательные пути.

Враг близится. Через пару дней Конан и девы-брамины будут в Кхитае.

Нужно что-то делать.

Со стоном Шао Лун поднялся на ноги. Попытка оказалась не совсем удачной — маг едва не повалился обратно на каменный пол. С трудом передвигая отекшие ноги, он прошел через зал к лестнице, ведущей на ярус выше. При этом он тщательно избегал глядеть в большое зеркало, которое обвили тела золотых драконов. Столикий и так знал, что на его горле осталось пять кровоподтеков в тех местах, куда впились пальцы варвара.

Чародей прошествовал в Зал Ночных Видений, отличавшийся от своего иллюзорного двойника меньшими размерами и несколько иным интерьером.

Здесь, посреди круга, в котором был выведен символ бога сновидений, колдун упал на колени и преклонил к земле голову.

— О, Гипнос-Рен! — взмолился Шао-дракон впервые за свою жизнь. — Я верно служил тебе, оберегая секрет переданного тобой умения от непосвященных. Пришло время обратится к тебе за помощью, хозяин призрачного мира! Защити своего ученика!!!

Неистовый крик разнесся по залу, заставив содрогнуться даже каменные стены.

Глава XX

Серые тучи роняли на землю частые капли. Казалось, даже небо скорбело о гибели одного из участников похода. Лица путешественников казались хмурыми, намного пасмурнее темных облаков. Никто до сих пор не мог поверить, что это все-таки случилось. Они уже почти достигли Кхитая, уже час расплаты Столикого за все злодеяния казался как никогда близок, — и все же несчастье опередило их. Злой рок отнял жизнь у Алиэль, которая всеми силами пыталась помочь в борьбе против ненавистного чернокнижника.

Нет, это не злой рок! В смерти девы-брамина был повинен один лишь кхитайский чародей. Теперь даже если они ввосьмером сгинут, великий Митра спустится с небес и сполна рассчитается с магом. В это, по крайней мере, верил Конан. Небольшой спор возник в вопросе с медальоном Чей Танга. Алекса, Исира и Диаса полагали, что лучшим вариантом будет найти полезную волшебную вещицу, чтобы явиться в Пагоду Сна во всеоружии, хорошо подготовленными и уже наверняка покончить с подлым волшебником. Киммериец настаивал на том, что необходимо держать направление на Пэй-Кван, к проклятой обители колдуна, и ни в коем случае не отклоняться ни на полмили, даже если того потребует ситуация. Кесея заняла нейтральную позицию. С одной стороны она понимала, что доводы ее учениц разумны — с магическим талисманом их шансы на победу значительно возрастут. С другой — верховная жрица Сна не желала перечить Конану, который, руководствуясь одними только чувствами и инстинктом, в большинстве случаев оказывался прав практически в любой ситуации. Таллок и Саттар, независимо от того, какое решение лидеры группы примут в конечном итоге, были готовы во всем поддержать своих союзников. Вало, разумеется, тоже.

Если бы не гибель Алиэль, Кесея, наверняка бы, сочла нужным отыскать медальон Чей Танга. А так…

Зловещие обстоятельства требовали принятия поспешных решений, заставляющих забыть о всяком здравом смысле и логике вещей. После всех споров странники договорились заняться поиском волшебной вещи, при том условии, если это занятие не уведет их с правильного курса на кхитайский поселок, где была скрыта резиденция Шао Луна.

Волшебница выразила тревогу по поводу того, что по мере приближения к Пэй-Квану, Шао Лун несомненно успеет подготовить очередную гадость. И поскольку чародей знает о целях их похода, то постарается превзойти самого себя, чтобы помешать странникам достичь своей обители. По словам Кесеи, успевшей изучить характер своего врага лучше остальных, Столикий припас напоследок нечто невообразимо скверное.

Хуже смерти героя нет ничего, возразил Конан. Страшнее того, что произошло с Алиэль, уже не может ничего случиться. Варвар заявил, что не боится никаких каверз мага, ни тем более его черной волшбы, которую он старательно практиковал на них все это время, и не у кого не возникло сомнения в правдивости слов киммерийца.

Группа приближалась к поселку Ки-Цин, который лежал в юго-западном приграничье Кам-буи. Здесь условно начинался Кхитай. Для того чтобы попасть в поселение путникам требовалось преодолеть семнадцать миль — сначала шла Пустошь Предков, увековеченная исполинскими каменными статуями, значительная часть которых уже развалилась от старости, дальше начинались безграничные рисовые поля. Ки-Цин был последним поселком, располагавшимся в приграничной степной области.

На севере Таллок заметил скопище черных туч, ползущих в их сторону. Юноше пришла в голову мысль, которой он счел нужным поделиться с остальными.

— Не иначе как чернокнижник выслал на нас свое воинство!

Конана это не пугало.

Варвар был готов биться хоть с тысячей демонов, если дети мрака встанут у него на пути. До Пагоды Сна теперь ему, пожалуй, не помешает добраться даже сам Азах.

Вновь заморосил мелкий дождь, нагоняя уныние и тоску. Но при одном взгляде на Конана, который ехал в седле с прямой спиной и горящим взором, у странников мгновенно исцелялась всякая хворь.

Ветер, дувший с севера, бросал в лицо путешественникам пригоршни капель дождевой влаги. Неведомые силы яростно препятствовали продвижению группы.

Пустошь Предков являла собой открытое пространство, заваленное обломками древних статуй. Некоторые фигуры сохранили целостность, но в основном от многих изваяний из камня остались только руины. Обломленные руки и головы сохранились лучше всего. Некогда это место признавалось, как святое. Кхитайские колдуны черпали здесь магические силы. Но теперь это место забыли.

О происхождении Пустоши Предков было известно немного — кхитайские историки утверждали, что пространство с древними статуями некогда являлось центральной площадью одного из крупнейших кхарийских городов. В то далекое время, когда была воздвигнута эта площадь с исполинами, кхарийская империя достигла небывалого величия. В настоящий момент Пустошь Предков представляла собой лишь жалкие останки древней цивилизации. Многие верили, что где-то под землей до сих пор хранятся сокровища, оставшиеся с незапамятных времен — целые горы золота и серебра. Но клад недоступен для искателей приключений — его охраняют невидимые слуги богов, которые отводят глаза алчным охотникам за древними ценностями.

Ветер усилился. Грозное воинство темных облаков пронеслось над их головами. На несколько кратких мгновений дневной свет померк, уступив место серой мгле. В том, что появление дурного знака было вызвано действием неких колдовских чар, сомневаться не приходилось. Однако странники продолжали путь, не задерживаясь посреди пустоши.

Постепенно они начали замечать неяркое мерцание у подножий полуразрушенных каменных великанов — то горели не волшебные огни, то поблескивали драгоценные камни, привлекавшие взор путников своим сиянием.

Любопытство долго боролось с осторожностью. Наконец, Вало, Таллок и Конан подъехали к одной из статуй, где блестела разноцветная россыпь.

Вендиец-гигант остался в седле, в то время как варвар и молодой странник спустились с коней, чтобы получше разглядеть новое чудо. Разумеется, никто из них не собирался всерьез интересоваться какими бы то ни было диковинными вещами, и уж тем более ни один из странников не имел тайной мысли прельститься обманным блеском драгоценностей.

Киммериец пошарил рукой в груде неограненных камней.

— Яшма, топаз, сапфир, агат, рубин, изумруд, — перечислил Конан. — Будь я проклят, если эти камни не прекраснейшие из всех самоцветов, которые я когда-либо видел!

Он задумчиво повертел в руках зеленый семигранник. Потом отбросил изумруд обратно в кучу драгоценностей.

— Эти камни… настоящие? — спросил варвара Таллок.

— На ощупь они кажутся вполне настоящими, — ответил Копан. — Но скорее всего, это

всего лишь иллюзия. Поверь мне, парень, драгоценности никогда не валяются на дороге. А здесь, судя по всему, их рассыпано на тысячу тысяч вендийских рупий.

Киммериец направился обратно к своему коню.

— Но, может быть, взять хотя бы несколько штук? — в нерешительности спросил Таллок, чувствуя, что уже не может отвести взгляд от переливающейся груды. — Возможно, пригодятся… в дороге.

Конан тронул его за плечо.

— Оставь, — твердо сказал северянин. — Алчность людей — радость демонов. Пусть эти камни останутся на месте.

Юноша, не обращая внимания на вопли протестующего голоса разума, отвернулся от радужной россыпи и неуверенно зашагал в сторону своего скакуна вслед за Конаном. Однако что-то неумолимо тянуло его назад.

«Остановись, глупый! — звучало в голове странника. — Здесь же несметное богатство! Разве плохо разжиться всего за несколько мгновений? Возьми пару огненно-красных рубинов или перламутровых жемчужин. Всего пару. Ну, чего тебе стоит? Ты обеспечишь себя до конца своих дней! Куда же ты плетешься, несчастный? Развернись, подбеги к груде камней, набей себе полные карманы драгоценностей — все это твое!»

«Нельзя», — убеждал себя Таллок, и мысль его оказалась настолько твердой, что он неоднократно произнес ее вслух.

Конан начал подозревать ловушку. Ему совсем не понравился бегающий взгляд юноши.

— Идем, парень. Это место проклято.

«Всего пару…»

Таллок остановился. Что произойдет страшного, если он возьмет только один мелкий камешек? Вообще-то одного мало. Лучше два. Или три. Нет, хотя бы пригоршню. Пригоршню. Этого хватит, чтобы жить богато и счастливо, после того, как закончится поход. Можно будет купить дом. Или нет, лучше дворец. Где седельная сумка? Набрать ровно столько, чтобы хватило на дворец. Не больше. Иначе, зачем он вообще поплелся в этот поход? Из-за мести? Как бы ни так! Из-за Алексы. После того как Шао Лун будет мертв, она сможет уйти из общества Сна и жить с ним в роскошном дворце, вдыхая ароматный лото и слушая крики павлинов. Девушке точно не помешают украшения из жемчуга, а камни… вот же они рядом!

Юноша взглянул на деву-брамин. Та смотрела на него с некоторым испугом.

— Идем, — повторил Конан, более настойчиво.

Чего боится этот киммериец? Он же не собирается ночевать в этом месте, собирая все камни с пустоши! Всего пару-тройку горстей.

Вало тоже начал хмуриться и уже перекинул одну ногу, чтобы слезть с коня.

Он что же? Все против него? Не хотят, чтобы он был счастлив? Или завидуют, что он сможет стать богаче других, только благодаря тому, что догадался захватить несколько драгоценностей из этого проклятого места?!

— Ладно, вот что, — решил Таллок. — Вы пока поезжайте вперед, а я вас догоню через какое-то время.

Разумеется, они не ушли. Конан и Вало, два огромных человека, продолжали буровить его взглядом. Ну чего? Что плохого в том, чтобы задержаться здесь на пару минут и собрать всего несколько камешков? Он будет брать только самые крупные, уже решил юноша. А ведь эти верзилы не дадут ему даже склониться к земле!

— Идем, разрази тебя Кром! — громко произнес варвар. — Не то, клянусь троном

Эрлика, мне придется тащить тебя силой!

«Убей их! — неожиданно шепнул добрый советчик. — Убей Конана и Вало, хватай Алексу, набирай камней и сваливай отсюда ко всем демонам! Зачем тебе чужие проблемы? У тебя на плечах своя голова! У тебя своя жизнь! Прочь отсюда! Убить Вало и Конана!»

Последнее прозвучало уже как приказ.

Убить? Убить друзей? Ни за что! Он еще не сошел с ума!

Драгоценные камни все также притягивали своим магическим блеском.

Подними нас! Словно тысячи живых существ, маленьких младенцев, молили они о спасении. Забери нас из этого места, унеси нас с собой!

«Все это богатство — твое, — вновь мягко произнес все тот же голос. — Ты же не собираешь упускать такой удачный шанс?! Возьмись за нож, ткни под ребра каждого из этих двоих воинов и собирай камни, тебе никто не помешает. Ты будешь богатым и счастливым!»

Что за проделки нечистого Тагала?

Таллок бросил взгляд на мерцающую груду и быстро облизнул пересохшие губы. Копан уже начал терять терпение. Варвар твердой походкой направился к остолбеневшему юноше. Рука странника непроизвольно потянулась к ножу. Все, что ему хотелось — это смотреть на светящуюся россыпь. И чтобы ему ни в коем случае не мешали!

Камни…

Здесь целое состояние!

Таллок выхватил нож и быстро взмахнул лезвием в сторону приближающегося киммерийца.

Конан, обладавший превосходной реакцией, увернулся от удара, и клинок распорол только воздух.

— Ты что совсем спятил?! — заорал он на юношу. — Или Азах сожрал твой скудный разум? А ну-ка, немедленно опусти эту штуку, не то я очень на тебя рассержусь!

В эти мгновения ученик кхитайских чародеев не страшился даже гнева киммерийца, который мог невзначай убить его ударом своего огромного кулака.

Весь мир затмил разноцветный блеск драгоценных камней…

К ним троим подъехали остальные путники, встревоженные происходящим.

— Что происходит? — немедленно потребовала ответа Кесея.

— Таллок рехнулся, — с негодованием произнес Конан. — Простоял, точно вкопанный, уже несколько минут, а когда я решил подойти, напал на меня с ножом, когти Сета! Если он не прекратит озорничать, я отберу у него клинок и как следует выпорю плетью!

Кесея пристально вгляделась в бегающие зрачки юноши, который дышал так часто, что казалось, будто он только что пробежал ни одну лигу.

— Дело скверно, — сказала волшебница. — Таллок околдован. Очень сильные чары. Он все еще сопротивляется, но тугая сеть заклинания опутывает его все больше и больше.

— Я же говорил, это место проклято!

— Нет, причина того, что Таллок попал в ловушку, вовсе не связана со здешним окружением. Я чувствую присутствие враждебной силы, примчавшейся с севера, чтобы околдовать нас.

— Значит, это Шао Лун. Чернокнижник рассыпал здесь эти проклятые камни, чтобы завлечь нас в колдовскую ловушку!

— Шао Лун или одно из его созданий.

— Так что делать с Таллоком?

— Своим вмешательством мы можем только навредить ему. Нужно, чтобы он сам выпутался из этой магической сети заклятья. А мы должны ему помочь.

— Хорошо, тогда как это сделать?

— Давайте я попробую, — выступила вперед Алекса.

— Будь осторожна, — предупредил ее Копан. — Если погибнет кто-то еще из нашего отряда, Шао Луну не рассчитаться даже своей смертью. Если почувствуешь, что парень настолько обезумел, чтобы не понимать твоих слов, дай мне знать — я быстро скручу его по рукам и ногам.

Вало сурово кивнул в знак согласия.

Если бы то был враг, они бы не стали медлить. Но Таллок был своим, а это создавало проблему. Юноша много помогал им во время пути и навредить ему никто не хотел, поэтому приходилось идти на определенные уступки.

— Лучше действовать убеждением, нежели силой, — напомнила Кесея. — В противном случае мы рискуем лишь усилить эффект заклинания, и Таллок тогда проявит агрессию по отношению к нам. То же самое касается и гипноза.

Вало и Конан остались в стороне, однако с напряжением следили за Алексой, готовые сорваться с места в любой момент, чтобы прийти на выручку деве-брамину.

Алекса стала осторожно приближаться к Таллоку, тихо шепча ласковые слова — совсем как ребенку. Как ни странно, это действовало. Лицо юноши начало проясняться, в глазах угас алчный блеск. Рука с ножом дрогнула, и странник едва не выронил оружие.

— Ну что же ты, Таллок, родной, — шептала девушка. — Уж мы-то меньше всего хотим причинить тебе зло. Ведь мы же твои друзья, не так ли? Забудь об этих жалких камнях, они приносят одно лишь несчастье, Разве стоит проливать кровь из-за блестящих самоцветов? Особенно кровь тех, кто о тебе заботится. Неужели ты хочешь убить кого-то только для того, чтобы собрать эти никчемные камни?

— Нет, — вздохнул Таллок и опустил нож. Потом вдруг устыдившись собственного поведения, выпустил из рук оружие, присел на землю и закрыл лицо руками.

— Я ведь не хотел! — простонал юноша. — Я совсем не хотел никого убивать и даже угрожать-то никому не хотел! Не знаю, что на меня нашло. Словно кто-то другой руководил моими действиями в эти мгновения. Какого демона я только что вытворял?

Алекса подошла ближе и мягко обняла Таллока за шею, чтобы утешить юношу.

— Кажется, он одумался, — сказал Конан. — Я рад, что не пришлось скручивать его в бараний рог.

Внезапно странник подскочил — но только для того, чтобы выплеснуть свою ярость на злополучные камни. Юноша пнул по мерцающей груде, и россыпь разлетелась тучами меркнущей пылью. Все драгоценности в округе стали медленно исчезать.

— Колдовство, — подтвердил свой вывод варвар.

Однако не едва утих один спор, как тут же начался другой — еще не успели забыться колдовские камни, как участники похода неожиданно нашли новый повод, чтобы поссориться. Диаса и Исира вспомнили друг другу былые обиды, которые уходили корнями едва ли не в самое детство. Причем обеим девам-браминам было неясно, имелись ли таковые вообще, но кто-то же начал беспричинный спор, а, следовательно, его было необходимо разрешить. Диаса вцепилась в волосы вендийке, та схватила подругу за рукав платья и пыталась его разорвать.

— Так совсем никуда не годится, — нахмурился Конан. — Вскоре мы точно дойдем до

того, что поубиваем друг друга.

Вало и киммериец растащили в стороны дерущихся девушек, которые продолжили осыпать друг друга ругательствами.

— Это Беллакр! — неожиданно воскликнула Кесея, напугав своих учениц и лунного мага, который едва не подпрыгнул, услышав зловещее имя. Даже Диаса и Исира прекратили ссору и затихли, погрузившись в молчание. — Он где-то поблизости!

— Что еще за Беллакр? — задал вопрос волшебнице Конан.

— Слуга Гипнос-Рена, демон Сна, невидимое существо, порождающее иллюзии. У Беллакра есть любимая забава — ссорить людей и смотреть, как они отводят душу, увеча тех, кого еще недавно считали лучшими друзьями. Я уверена, то, с чем мы только что столкнулись — проделки мерзкого шутника.

— Все ясно, — сказала Алекса. — Шао Лун призвал демона из страны сновидений, чтобы мы все перессорились, покалечили друг друга и никогда не добрались до Пагоды Сна. Надо было догадаться, что чернокнижник прибег к услугам одного из самых гадких созданий эфемерного мира. Теперь Столикий будет спокойно ждать, пока Беллакр заставит нас перегрызть друг другу глотки!

— Но ведь теперь, когда мы знаем, чего опасаться, неужели мы позволим какому-то демону заставить нас наброситься друг на друга? — сказал киммериец. — Я лично не намерен вступать ни в какие ссоры. До обители колдуна мы должны добраться ввосьмером, и плевал я на магию этого Беллакра!

— Боюсь, не все так просто, — сказала Кесея. — Слуга Гипнос-Рена очень искусен в своем нечистом ремесле, и сопротивляться его чарам очень трудно. Тем более, у демона Сна имеется многовековой опыт строительства различных козней. Но в одном ты прав — ни на миг не следует забывать, с какой опасностью мы столкнулись, все время сохранять спокойствие, независимо от того, на какие действия нас подталкивают обстоятельства, и тогда, возможно у нас будет шанс противостоять чарам Беллакра.

Группа странников, наконец, оставила позади Пустошь Предков и продвинулась на несколько миль в северо-западном направлении.

Странники ехали через рисовые поля в сторону поселка Ки-Цин. Зловещим казалось то, что несколько раз не из-за чего возникали словесные перепалки, и у каждого вертелась на языке целая сотня обидных слов, которые невидимый советчик постоянно вынуждал вылить на своего соседа. Путешественники чувствовали себя злыми и раздраженными до предела, так что постоянно поддерживать спокойствие оказалось весьма трудным занятием.

Конан сурово вглядывался вдаль. Его рука покоилась на медальоне, подаренном Лао Чи перед схваткой, который должен был защитить киммерийца от всяких напастей. Ведь надо кому-то сохранять здравый рассудок и следить за тем, чтобы разгорающийся конфликт случайно не зашел слишком далеко. Кесея грызла свои ногти и не проронила ни единого слова за последние несколько часов.

— Я устала ехать! — через некоторое время капризно заявила Алекса. Раньше таких жалоб от девушки никто не слышал. — Я хочу отдохнуть и как следует выспаться! В Ки-Цин мы можем попасть и завтра с утра.

Чтобы не создавать новый повод для конфликта, путешественники решили не возражать. Группа быстро разбила стоянку, и каждый занялся своими делами. Над лагерем повисло злобное молчание.

Конан без устали точил свой меч. Вало ушел прогуляться по окрестности, чувствуя, что

даже он в какой-то момент может не сдержаться — и тогда последствия, вероятно, окажутся более чем ужасными.

Таллок, время от времени беспокойно оглядываясь по сторонам, с силой и беспричинной яростью втыкал в землю свой нож, словно она одна была виновата во всех грехах. Саттар постоянно охал и что-то причитал. Девы-брамины шипели на него с явным неудовольствием и несколько раз они едва не поссорились вновь. Кесея по-прежнему хранила молчание, словно верховная жрица Сна решила больше вообще никогда ни с кем не разговаривать. Действие черной магии Беллакра ощущалось почти физически, и последние силы уходили на то, чтобы не сорваться и не начать перебранку.

В угрюмом молчании, нарушаемом лишь причитанием Саттара, они просидели до самых сумерек. Ехать в темноте было бессмысленно, потому группа путников решила дождаться утра, прежде чем снова пуститься в путь.

Саттару как всегда не спалось большую часть ночи. На этот раз лунный маг не позаботился даже о том, чтобы создать защитную оболочку. Он сидел на земле, не меняя позы, посылая в небо тихие жалобы.

Вало и Конан тоже не спали, скорее всего, из-за возникшего взаимного недоверия. Каждый из воинов полагал, что его товарищ, околдованный чарами Беллакра, может причинить вред остальным.

Сон сморил киммерийца посреди ночи. Конан уснул, и снились ему отвратительно мерзкие вещи. Нечто беспокойное тревожило его разум на протяжении нескольких часов.

Вендиец-палач незаметно для себя тоже увяз в липких тенетах сновидений.

Саттар все так же сидел на одном месте без единого движения. Лунный маг размышлял, что ему делать дальше. Прекратить бесполезный поход или остаться до конца. Пожалуй? если вернуться в Айодхью, думал он, и подать прошение радже о возвращении на пост главного ночного охранника через совет брахманов, все может вернуться на свои места.

Возможно, ему придется вынести ни одну тяжбу суда или даже просидеть несколько месяцев в тюрьме, но, пройдя через весь круг мучений, он снова получит почетную должность магического стража.

А зачем он нужен здесь? Какой злобный дух притащил его к самой границе Кхитая?

Пора возвращаться в Вендию…

Колдун ордена Луны тяжко вздохнул. Может быть, это все-таки чары демона нагоняют такие мысли? Беллакр и его черная магия подталкивают его на то, чтобы оставить тех, с кем он прошел до конца почти весь путь.

Но ведь девы-брамины справятся с кхитайским чернокнижником и без его помощи, разве не так?

Они же могучие жрицы Гипнос-Рена, а он простой колдун, владеющий знанием бесполезной магии.

Ощущая свою ненужность как никогда остро, Саттар поднялся. Взглянув на спящих товарищей, он еще раз вздохнул. Лунному магу хотелось верить, что он все-таки хоть чем-то помог приблизить их общую победу над врагом. Остается надеяться, что Шао Лун, наконец, расстанется со своей никчемной жизнью, как только группа доберется до Пагоды Сна.

Старик оглянулся в последний раз и зашагал в обратном направлении, в сторону Пустоши Предков, которую путники оставили днем.

* * *

Солнце рассыпало на лагерь пригоршню ярких лучей, разогнав пасмурные тучи, взывая к пробуждению. Путешественники один за другим стали просыпаться. Настроение в сравнении с прошедшим днем заметно улучшилось. Даже казалось, что тяжкий гнет колдовства невидимого Беллакра заметно спал.

Вало оказался на ногах первым. Впрочем, нет — Конан уже не спал до этого. Похоже, варвар поднялся незадолго до того, как на землю пролились первые лучи солнца. Сейчас он стоял у западной границы лагеря, внимательно вглядываясь вдаль. На лице киммерийца Вало-гигант разглядел след тревоги.

Конан несколько раз нагибался к земле, словно пытался отыскать чьи-то следы. Вендиец палач оглядел стоянку и быстро понял, что так встревожило варвара.

— Саттар пропал, — походя, сказал Конан, подтвердив догадку защитника дев-браминов.

Глава XXI

Странники исследовали окрестность в поисках лунного мага, но не обнаружили никаких знаков, которые могли бы им подсказать о том, в каком направлении ушел чародей. Ученицы Кесеи вспомнили, что ночью Саттар жаловался на свою ненужность, и это позволило заключить, что брахман Луны повернул обратно. Лунный маг направился назад, в Вендию. Поскольку шел он ночью, обожаемое им светило щедро делилось с колдуном силой, и Саттар успел уйти достаточно далеко. Временами, питаясь светом луны, старик становился просто неутомимым.

Таллок решил, что нужно во что бы то ни стало догнать чародея, но Конан отрицательно покачал головой.

— На это уйдет много времени, а Беллакр успеет поссорить нас еще ни один раз. Так что мы поворачивать не станем и продолжим путь к Пагоде Сна.

— Что? Ты хочешь бросить Саттара?

— Пришла пора с ним расстаться. Он ведь не умер, парень, следовательно, не о чем жалеть. На подступах к проклятой обители кхитайского чернокнижника нас будут поджидать новые ловушки, и, знаешь, Саттару повезет, если его не окажется рядом с нами. Старик и так нам здорово помог — незачем тащить его до самого конца и подвергать новым опасностям.

— Что ж, ты прав, Конан, — признал Таллок. — После всего, что мы пережили, старику нужен отдых. Только ты уверен, что Шао Лун не станет преследовать его?

— Уверен. Враги Столикого — это девы-брамин и я. Своим уходом из нашей компании Саттар, возможно, сохранит себе жизнь.

Кесея согласилась с мнением Конана. Сплоченные новой напастью, странники забыли все обиды, и даже чары невидимого Беллакра перестали действовать на какое-то время. Всемером они продолжили путь на северо-запад, к поселку Ки-Цин.

Жители селения отнеслись к прибытию путников с восторгом. Нечасто они видели вендийских брахманов, путешествующих вместе с варваром из далекой горной страны. Кхитайцы посоветовали странникам нанести визит семье Чей, среди которых они знали немало мудрецов и книжников, способных оказать помощь в выполнении тяжелой миссии путешественников. Кесея и Конан, недолго посовещавшись, решили последовать мудрому совету. И киммерийца и волшебницу Сна одинаково привлекло имя семьи — Чей. Судя по всему, легендарный Чей Танг числился среди ее предков. Или, должно быть, представители семейства хотя бы были наслышаны о колдуне, некогда учившемся у Гипнос-Рена, и его могущественном медальоне. Если догадка подтвердится, то вскоре странникам было суждено обрести волшебную вещь, которая поможет им покончить с ненавистным чернокнижником.

Дом семьи Чей отличался внушительными размерами. В глаза бросалось и то, что вместительное жилище было воздвигнуто из камня, в отличие от бедных крестьянских домов, которые кхитайцы с низким достатком строили из дерева и бамбука. Над воротами в виде двух истуканов с копьями реяло широкое знамя семьи — желтый тигр на красном фоне. Это являлось отличительным символом — знак свидетельствовал о родовитости и хранимом семейством Чей особом кодексе правил.

Странников пригласили в дом. Вало остался снаружи присматривать за конями.

Путников принимали две девушки, обходившиеся с новыми гостями с необыкновенной учтивостью, которая, впрочем, могла показаться немного фальшивой. Создавалось впечатление, что девушки-кхитаянки, ухаживающие за гостями, следовали неписанным инструкциям. Как догадались вендийские девы-брамины, хозяева успели распознать их высокий статус в обществе у себя на родине — иначе бы путников даже не пустили дальше порога дома.

Ритуалом чаепития руководила молодая кхитаянка, одна из представительниц высокопоставленного семейства. На девушке был пестрый шелковый халат, прическу на голове поддерживали золотые спицы. Зрачки ее глаз почти не двигались, и было похоже, что кхитаянка все время смотрит в одну точку. Позже она назвала свое имя. Девушку звали Фанг.

— Итак, с чем вы пришли в наши края?

Конан подумал, что будет невежливо начинать беседу с разговора о магическом медальоне и предке, который им обладал. Требовалось выждать какое-то время, прежде чем перейти к главной цели. Тем не менее, не было нужды скрывать свои истинные намерения.

— Мы проделали долгий путь из Вендии в Кхитай, чтобы рассчитаться со злым колдуном, который вознамерился покончить с обществом дев-браминов Сна, а меня навеки заточить в узы ужасного плена, — сказал Конан. — Дорога не показалась легкой прогулкой — один участник похода погиб, став жертвой ненавистного чернокнижника, другой оставил нас, околдованный злыми чарами демона, которого наш заклятый враг призвал из страны сновидений. Из Ки-Цина мы направляемся в Пэй-Кван, недалеко от этого поселка, в Чаще Ветров, сокрыто убежище колдуна.

— Ясно, что в наш дом вы явились за помощью, чужестранцы. Могу вас уверить, вы пришли в нужное место. Члены нашей великой семьи издревле занимаются раскрытием тайн волшбы и преуспели в овладении многими секретами, недоступными никому из живущих ныне колдунов. Но на что рассчитываете вы, странники? Неужели вы полагаете, что семья Чей выступит против другого колдуна?

— Нет, благородная Фанг. Мы не ищем ничьего покровительства. Все, что нам нужно — это заполучить одну магическую вещь, которая поможет нам совладать с врагом.

— Что же это, воин?

— Медальон Чей Танга, великого чародея, некогда побывавшего в ученичестве у бога сновидений Гипнос-Рена. Надеюсь, ты слышали об этой магической вещи?

— Слышала ли я? — губы молодой кхитаянки тронула едва заметная улыбка. — Конечно же, я слышала. Чей Танг был моим дедушкой. Он постоянно практиковался в магии Сна. Перед смертью старик завещал мне свой драгоценный медальон. В то время я была совсем юной. И перед тем, как умереть, дедушка произнес странные слова, заставив меня выучить их наизусть и запомнить на всю жизнь: «Сила сего амулета возродится в руках того, кто носит в своей голове сосредоточие колдовских сил. Этот медальон поможет изгнать зло — праведный гнев дикаря сотрет в пыль могущество того, кто возомнил себя высшим».

— Сосредоточие колдовских сил, надо понимать, — это иллюзорная Пагода Сна, которая заперта в сознании Конана, — сказала Кесея.

— А дикарь, пылающий гневом, — это и есть наш дорогой киммериец, — лукаво улыбнулся Таллок.

— Носитель зла, возомнивший себя высшим — Шао Лун, — добавила Алекса.

— Выходит, Чей Танг предвидел наше появление? — почти утвердительно спросила Исира.

— Медальон! — воскликнул Конан. — Ты сохранила этот медальон, девушка?

— Я не снимала его с тех пор, как умер мой дед, — ответила Фанг. — Однако я не вижу причин, чтобы передать медальон вам, незнакомцы. Вы думаете, внезапно нагрянув издалека со своей историей о большой вражде и благородных целях, вы заранее имеете право получить семейную реликвию? Я не собираюсь отдавать ценный артефакт чужестранцам.

— Но ведь мы же избранные! — возмущенно воскликнул Таллок. — Разве твой дед говорил не о нас? Разве не мы должны усмирить зло, расточившее власть в сновидениях?

— Может быть, и вы, — с показным равнодушием произнесла кхитаянка. — Но, чтобы я передала вам этот амулет, сначала вы должны заслужить мое доверие.

Варвар исподлобья поглядел на девушку.

— И как же мы можем это сделать?

— Выполните одно небольшое поручение, и тогда я смогу судить, те ли вы люди, которым стоит вручить нашу семейную ценность.

— Что нужно сделать? Фанг вновь улыбнулась.

— Я знала, что вы согласитесь выслушать мою просьбу.

— Наверное, опять придется кого-то убить, — вздохнул юноша.

— Нет, ты заблуждаешься, юный воин. Калечить и убивать никого не нужно. И, тем не менее, это очень деликатная услуга. Дело в том, что мой двоюродный брат Хэй Пан выбрал себе невесту…

— Наши поздравления, — с усмешкой заявил Таллок. Счастье, что кхитаянка этого не расслышала.

— …из рода Ций. А отец невесты, местный чиновник Ций Е Ло, скорее позволит отрубить себе голову, нежели выдать свою дочь замуж за колдуна. Мой брат не намерен дважды просить руки — не позволяет семейная гордость, ибо представители семейства Чей не унижаются ни перед кем. Мне нужно, чтобы вы соединили Хэй Пана и его возлюбленную Тань. Не важно, каким способом. Убедить ее отца отдать дочь замуж или выкрасть девушку из семьи — решать вам. Чем скорее вы разрешите эту проблему, тем скорее я смогу сказать, достанется ли вам медальон.

— Сводником я еще никогда не был, — признал Конан. — Но время от нас ускользает, благородная Фанг, потому выбирать нам не придется. Клянусь молотом Крома, еще до заката твой брат и его невеста будут вместе. Очень надеюсь, что когда мы выполним обещанное, ты не разочаруешь нас решением со своей стороны, потому что медальон твоего деда нам очень нужен. Без него чары Беллакра источат до капли наши и без того скудные силы. Если ты говоришь о гордости, то, несомненно, должна знать, что это такое. Хотя я не вижу разницы между гордостью, и гордыней, если парень не может самостоятельно добиться руки своей избранной.

— Так вы согласны?

— Да.

— Отлично. Крепость Ций находится на западе нашего поселка. Поезжайте туда прямо сейчас и возвращайтесь с хорошими новостями.

С этим они вышли из знатного дома. Вало встретил их на пороге. По лицу гиганта было заметно, что он волновался. Скорее всего, не за того, что внутри дома Чей девам-браминам могла грозить какая-то опасность, но из-за того, что мерзкое существо, посланное в мир Гипнос-Ре-ном по просьбе своего ученика, сумело спровоцировать странников на очередной скандал, который мог привести неизвестно к чему.

— Все это нелепо, — с раздражением произнес Таллок. — Зачем нам искать невесту для — кого там? — Пэй Хана? — когда можно было отнять медальон у этой дрянной девчонки и скрыться из поселка? Если вещица Чей Танга, как она говорила, висела на ее шее, было достаточно всего одного легкого удара по темени и…

— Нет, — твердо сказал варвар. — Я бы не стал этого делать.

— Почему? Потому что это подло? Или потому что у нее не было оружия? Нам нужно спешить, Конан, а не выполнять дурацкие капризы внучки колдуна! Шао Лун не станет ждать, пока мы разберемся с личными делами. Что тебе дороже — жизнь этой мерзавки или цель нашего похода?!

— Уймись, Таллок, — предупредила юношу Диаса. — Ты заходишь слишком далеко.

— Да, и что с того? — вспылил юный странник. — К моему мнению хоть кто-нибудь здесь прислушивается? Только и слышишь — Конан то, да Конан это… А чем я хуже? Почему нельзя поступить хотя бы раз так, как я предлагаю? Почему мы вечно должны слушать то, что скажет нам этот верзила?

Киммериец нахмурился.

— Почему он ничего не сделал, когда чернокнижник убивал Алиэль?

Суставы сжатых пальцев на руке варвара громко захрустели. На шее воина выступили вены. В глазах Конана потемнело от бешенства. Но он сдержался.

— Прекрати, Таллок! — воскликнула Алекса. — Все мы знаем, что Конан больше всех не хотел того, чтобы с Алиэль что-нибудь случилось, но даже никто из нас, опытных воинствующих жриц Сна, не смог ничего противопоставить магии Столикого, не говоря уже о том, кто и книги-то в руках ни разу не держал! Что мог сделать тупой кретин с севера, чтобы остановить великого чернокнижника?.. Ой!

Алекса не могла понять, как сорвалась с губ последняя фраза. Все, чего она хотела, это защитить интересы Конана, а получилось наоборот.

Точно кто-то произнес за нее эти обидные, злые слова.

— Что ж это я такое говорю? — недоумевала девушка. — Я не хотела тебя оскорбить, Конан. Прости меня, пожалуйста. Наверное, я совсем запуталась в мыслях. Просто, когда девы-брамины кажутся сведущими в магии и в то же время ничего не могут предпринять, создается впечатление, что… ты настоящий осел!

Ученица Кесеи испугалась своих же слов и начала бормотать что-то неразборчивое, все больше и больше стягивая невидимые нити ловушки. Что бы ни говорила девушка, все сказанное оборачивалось полной бессмыслицей, способной ранить не хуже острого меча. Наконец, Вало прекратил ее лепетание, приложив ко рту волшебницы свою огромную ладонь. Вендиец-палач многозначительно хлопнул себя по губам, потом повел рукой по воздуху.

— Помните о демоне сновидений, — шепотом подсказал Вало.

Попытавшегося вставить свое слово Таллока он тут же оборвал коротким шлепком по устам и вновь показал на свои губы, призывая к молчанию.

— Тишина, — напомнил великан.

Конан указал рукой на запад. Это значило, пора ехать к резиденции Ций.

На этот раз никто не рискнул ему перечить. Теперь странники опасались проронить даже одно-единственное слово, которое могло раздуть искру спора в настоящий пожар смертоубийства.

У ворот приземистой каменной крепости их встретила сама Тань, возлюбленная Пэй

Хана.

— Отца нет дома, — сказала девушка. — Утром он уехал в поле, чтобы собрать налог с крестьян, и его до сих пор нет. Я боюсь, что с ним стряслась какая-нибудь беда.

— В каком направлении он поехал? — спросил Конан.

— На запад. Это недалеко отсюда.

— Мы скоро вернемся, — пообещал варвар.

Странники поскакали в том направлении, которое им указала девушка-кхитаянка. Ций Е Ло они отыскали без труда. Чиновник попал в водоворот проблем — его повозку с мешками риса окружили разбойники, которые требовали своей доли. Кхитайцев в черных повязках было семеро и, если учитывать то, что отец Тань путешествовал в одиночку, негодяи имели большое преимущество. В том, что это был тот самый Ций Е Ло никто не усомнился.

— Будет хоть на ком сорвать зло, — невпопад вставил Таллок, взглянув на разбойников.

Вооружение кхитайцев составляли в основном дубины. Двое держали в руках острые косы. И только у одного из разбойников, скорее всего, предводителя, имелся настоящий меч с прямым лезвием.

Без лишних разговоров странники атаковали бандитов. Исира, пользуясь своим гипнотическим даром, отключила сознание одного из противников. Второго, оказавшегося ближе всех к группе, проткнул мечом Конан. Вало снес голову третьему. Остальные четверо, оказавшие на деле далеко не такими храбрыми воинами, бросились бежать, побросав оружие и громко взывая к своим богам.

— Эти негодяи застали меня врасплох, — сказал Ций Е Ло. — Никогда бы не подумал, что жалкая банда Лу Тао рискнет напасть на представителя власти. Вы заслужили благодарность рода Ций, чужеземцы. Кто вы такие?

— Я — Конан из Киммерии, — сказал северянин. — Это Таллок, а это верховная жрица Сна Кесея со своими ученицами.

— Как я могу отблагодарить вас, друзья?

— Есть только один способ, — напрямую сказал Конан. — Вы должны согласиться выдать свою дочь замуж за Пэй Хана из рода Чей.

Лицо пожилого кхитайца посуровело.

— Значит, вас послали колдуны из этого семейства?

— Я бы предпочел выразить это другими словами — нас попросили оказать одну услугу, — заметил Таллок. — Семейство Чей слишком гордое, чтобы лично просить руки вашей дочери.

— Очень похоже на них, — согласился Ций Е Ло. — Однако вы можете передать им, что я согласен.

— Что?

— Я недавно начал подумывать о том, что союз с семейством Чей может укрепить могущество нашего рода Ций. К тому же, насколько я успел убедиться, Пэй Хан хороший юноша, он отлично подходит Тань. И если молодые люди и вправду любят друг друга, разлучать их просто жестоко.

— Ну вот, дело разрешилось само собой, — устало вздохнула Диаса. — Пора вернуться к Чей Фанг и потребовать свою законную награду. Надеюсь, у нее не возникнет желания придумать нам новое задание…

* * *

Медальон отозвался тревожным дребезжанием, когда Фанг сняла его со своей шеи. Точно неведомая злая сила узрела в этой волшебной вещи опасность и готовилась ее уничтожить. Недоброе предчувствие охватило всех присутствующих в доме, даже представительницу родовитого семейства. Всем одинаково показалось, что солнце за узкими окнами стало меркнуть. Посуда начала сыпаться с полок, вода плеснула из перевернутых кувшинов.

Тихий нарастающий гул исходил из-под пола. Невидимые волны магической силы бились о каменные стены дома. Бамбуковые шторы треснули и осыпались дождем тонких щепок.

Страх погладил спины странников своими липкими руками.

— Медальон! — воскликнул киммериец. — Дай мне скорее медальон!

Фанг замерла, не в силах сдвинуться с места от страха. Рука девушки, сжимавшая фамильную ценность, задрожала.

Другой медальон, тот, что висел на шее варвара, подарок Лао Чи, приподнялся на цепочке и стал медленно раскачиваться из стороны в сторону. Сапфировые глаза дракона горели злобным огнем.

Таллок очнулся от оцепенения быстрее всех. Юноша подлетел к кхитаянке, вырвал из ее ослабевшей руки волшебный амулет и бросил его Конану. Едва киммериец поймал магическую вещь в свою ладонь, как их невидимый противник проявил себя. Дымчатый силуэт, похожий на копоть из печной трубы, быстро скользнул в сторону северянина. Оживший сумрак с яростью бросился на Конана, стремясь вырвать медальон из его руки. Цепкие пальцы врага впились в предплечье варвара, едва не порвав кожу.

Ученицы Кесеи замерли в нерешительности и слепом страхе. В эти мгновения их наставница ничем не отличалась от дев-браминов. Фанг прикрыла ладонью рот, и было похоже, что девушка вот-вот закричит. Таллок метал взгляды направо и налево, не зная, что ему сделать, чтобы помочь киммерийцу. Гигант Вало застыл в медитирующей позе, точно решил обрести покой и отстраниться ото всей суеты именно в это злополучное время.

Конан катался по полу, извиваясь в тугом клубке, отчаянно сопротивляясь полувидимому существу. Огромные мышцы варвара натянулись, готовые порваться в любой момент от колоссального напряжения. Он рычал, оскалив зубы, словно зверь, напрягал все силы, отчаянно извивался, но не позволял туманному демону завладеть медальоном. Из тех мест, куда вросли мглистые пальцы противника, брызнула кровь.

Клубок, в котором по очереди мелькала то сумрачная фигура демона, то бугрящееся мышцами тело воина, судорожно метался из угла в угол, переворачивая мебель и опрокидывая вещи. Агония схватки разгоралась все сильнее и сильнее с каждой секундой. Никто из двоих противников не уступал. Конан брал своей яростью и мастерством, демон — стихийной силой и коварством.

Наконец, медальон Чей Танга вылетел из ладони киммерийца и упал у ступней Вало. Гигант осторожно поднял ценную вещь, не размыкая век.

Дымчатая фигура тут же оставила Конана и бросилась на вендийца-палача.

С пронзительным воем, демон налетел на защитника дев-браминов.

Тогда Вало открыл глаза. Оказалось, все это время он готовил тайное заклинание. Его взор ударил по противнику, заставив полувидимое существо отшатнуться. Затем очи гиганта начали затягивать черный туман, из которого состоял враг. Не успели девы-брамины ничего осознать, как зрачки Вало всосали и поглотили в себя всю туманную материю. Демон растаял во взгляде великана.

Вало тут же закрыл глаза, словно боялся, что плененный враг может сбежать.

— Он поймал его! — воскликнул Таллок.

— Что ты наделал, Вало… — хрипло выдавила из себя Кесея. До волшебницы, наконец, дошел смысл происшедшего.

— Ему не по силам совладать с Беллакром! — ужаснулась Алекса.

— Вало!

Вендиец вновь открыл глаза. На этот раз их наполнял черный как ночь туман, и во взгляде его не было ничего человеческого.

Конан резко поднялся на ноги, несмотря на то, что все тело саднило после жестокой схватки с могучим противником.

Защитник дев-браминов оглядел свои руки, как будто видел их впервые, несколько раз сжал и разжал кулак. Внезапно его мощное тело сотрясла жуткая конвульсия, лицо Вало исказила гримаса невыразимой боли.

— Держи, Конан… — вендиец подавился собственным вздохом. Однако, даже покачнувшись и с трудом сохранив равновесие, он сумел бросить северянину блестящую вещь, которую до этого сжимал в своей руке.

Киммериец поймал медальон Чей Танга и быстро надел его себе на шею.

Через миг демон вновь овладел рассудком палача из общества Сна. Вало хищно улыбнулся.

Конан не стал хвататься за меч. Убивать брахмана Кесеи он вовсе не собирался. Вместо этого варвар набросился на вендийца и сжал его в удушающих объятиях, стремясь оторвать гиганта от земли. Если Вало казался необычайно сильным и без скверного соседства в своем сознании, то с демоном, пленившим его тело, великан был просто сказочно могущественным. Убийца из общества Сна разжал руки варвара, окольцевавшие его торс, и отбросил киммерийца от себя. Конан отлетел к стене, перевернув шкаф с магическими свитками.

Таллок схватил низкий столик и попытался ударить им Вало по затылку. Гигант выставил свой огромный кулак — оружие юноши разлетелось в щепки. Тут же вендиец сгреб странника за шиворот, точно котенка, и подбросил высоко под самый потолок. Таллок, взвыв и отчаянно размахивая руками, совершил головокружительный полет, который завершился на полу сильным ударом.

Все-таки призрачный враг не до конца овладел сознанием грозного убийцы брахманов Сна. Беллакр просто пользовался его телом и контролировал разум, но к тайным знаниям воина он так и не нашел доступ. Если бы демон воспользовался хоть десятой частью мастерства вендийца, Конан и Таллок, вероятно, к этому моменту были уже мертвы. Вало не стал бы их беспечно расшвыривать по сторонам, но нанес бы сокрушительные удары в жизненно важные органы — в солнечное сплетение, в грудь, в область сердца, горло или в основание шеи, на стыке позвонков. Тогда бы воинов ждала скорая смерть.

Выведя из боя основных врагов, вендиец занялся оставшимися. Потемневший взгляд Вало остановился на Кесеи и ее ученицах.

— Нет! — взмолилась Алекса. — Вало! Ты же всегда защищал нас!

— А теперь я буду вас убивать, — низким голосом провозгласил он.

— Опомнись, Вало! Тебя контролирует мерзкий демон!

— Ну и что? Я еще никогда не чувствовал себя так хорошо, как сейчас. И зачем я вообще служил вам все эти годы, слушался ваших приказов? Надо было давно свернуть ваши худые цыплячьи шеи. Хотя, пожалуй, время еще не упущено — я могу сделать это прямо сейчас. Забавно, насколько сильно захрустят ваши нежные позвонки…

Фанг, до этого момента следившая за происходящим с ужасом и полной отрешенностью, наконец, сумела взять себя в руки. Кхитаянка, точно очнувшись ото сна, оглядела сцену битвы, оценив возможности неумолимого мучителя и его жертв. Магические силы тут же вернулись к юной волшебнице. Фанг простерла руки в сторону Вало, и с ее тонких пальцев сорвалась волна мягкого зеленого света

Изумрудный луч ударил в грудь околдованного вендийца, гигант крякнул, сильно покачнулся, но не больше того. Зато это позволило отвлечь внимание палача от дев-браминов, которых он некогда защищал. Как оказалось мигом позже немалой ценой — ярость демона переползла на Фанг, которая сжалась от ужаса под взглядом угольно-черных глаз.

Вало медленной и тяжелой поступью направился к кхитаянке-волшебнице. Девушка стала осторожно пятиться назад, спотыкаясь о разбросанные в ходе схватки мелкие вещи.

Вендиец приближался к ней жуткой тенью, такой же мрачный и зловещий, как сама смерть. Руки палача неспешно потянулись к сведенному судорогой горлу девушки.

Так, наверное, восстает феникс из пепла, как Конан выпрыгнул из кучи погребших его свитков. Точно мифический демоноборец Ашан-Та-лад, повергающий мирового дракона, киммериец набросился на Вало, защищая Фанг от хватки его железных рук. Варвар, повиснув на плечах вендийца, обхватил шею противника и сдавил что было сил. Из горла плененного демоном воина вырвалось злобное рычание. Так рычит лев, собиравшийся пожрать молодую газель и внезапно отвлеченный от трапезы нападением дерзкого шакала.

Кисть Вало легла на предплечье Конана, но — что это? Даже колоссальная сила Беллакра, смешанная с мощью вендийца-великана, не смогла сдвинуть руку варвара. Сжатая в локте конечность была тверже каменной. Наверное, сам Имир в то мгновение испугался бы мощи того, кого все знали под именем Конана-киммерийца.

Чудовищная хватка продолжала удерживать гиганта — и через несколько мгновений Вало, а с ним и плениший его демон, начали терять сознание от удушья. Грузное тело стало медленно оседать на пол — сначала защитник дев-браминов опустился на колени, потом оперся одной рукой о пол, затем начал заваливаться на правый бок. Еще миг — и гигант упокоился на полу одной недвижной массой.

Еще мгновением позже в зал запоздало ворвались члены семейства Чей и их слуги, привлеченные звуками битвы. Многие были вооружены мечами и тяжелыми копьями. У двух или трех человек имелись луки. Увидев, что Фанг в безопасности, прижимается к груди могучего киммерийца, который отчаянно пытается успокоить испуганно всхлипывающую девушку, они опустили оружие.

— Несите веревки. Или лучше цепи, — устало сказал Конан.

Глава XXII

— Как там чувствует себя наш друг? — спросил Таллок Фанг, вернувшуюся из подвала после осмотра места заключения вендийца.

— С ним все в порядке.

— Ну, если не считать того, что он сидит в подземелье, где бегают шустрые крысы и мало света, то это правда.

— А ты думаешь, нам было бы лучше поместить его в главный зал? Чтобы вся моя родня слушала вопли заточенного в нем демона?

Кесея тоже только что вернулась из подземелий.

— Вало зовет тебя, Конан, — сообщила высшая жрица Сна.

Не проронив ни слова, киммериец направился в подвал дома Чей. В тесной комнате, куда не проникали лучи света, но, тем не менее, сухой и теплой в отличие от обычных подземных камер, варвар нашел Вало. Огромные цепи опутывали великана по рукам и ногам — вендиец нисколько не возражал. Так казалось безопаснее для всех остальных.

— Я его поймал, Конан, — тихо сказал гигант. — Поймал Беллакра, и теперь уже он не сможет причинить вам вреда.

— Зачем ты это сделал, Вало?

— Зачем? Разве не понятно — до Пагоды Сна вы теперь доберетесь без ненужного сопровождения.

— А как же ты, друг?

— За меня не беспокойтесь. Идите к обители чародея и выполните задуманное.

— Тогда пообещай, что с тобой все будет в порядке.

— О, нет, брат варвар. Это ты должен пообещать мне, что с вами все будет в порядке. Раз уж на мою участь выпало сторожить этого демона в своем теле, вся ответственность за безопасность дев-браминов возлагается на тебя, Конан. Но ты такой человек, которому можно доверять — я в это искренне верю. Ты обязан охранять Кесею и ее учениц и днем, и ночью. Думаю, ты справишься, киммериец, — ведь я уже достаточно долго тебя знаю.

Голова Вало бессильно опрокинулась на плечо. Казалось, защитник брахманов попросту сражен сном, налетевшим после долгой бессонницы. Тем не менее, это было не так — пойманный Беллакр беспокойно метался в сознании вендийца.

— А теперь идите, — вымученно выдавил из себя великан, и было видно, что сохранять рассудок стоило ему немалых усилий. — Прикончите проклятого Шао Луна…

Зубы Вало клацнули, кожа на лице пленителя Беллакра натянулась.

— Вам никогда не победить его! — пророкотало существо голосом Вало. — Вы не одолеете Шао-дракона, жалкие глупцы!

Варвар вздохнул.

— Что ж, мы выполним нашу миссию, друг. Не сомневайся, после того, как червоточина сновидений будет искоренена, мы обязательно вернемся за тобой. Потерпи немного.

Похлопав по плечу вендийца, киммериец покинул подземелье. В зале Конана ждали Кесея и остальные участники похода.

— Придется отправляться без Вало, — выразил общую мысль Таллок.

На несколько мгновений в зале повисла тишина. Потом путники стали собираться в

дорогу.

Диаса пожелала остаться в доме Чей, чтобы присматривать за палачом брахманов Сна до того момента, пока не вернутся Кесея и другие, поэтому в путь им предстояло отправиться уже впятером.

Таллок и Алекса сильно сблизились, словно молодые люди чувствовали, что только в единстве их двоих можно превзойти злую магию Столикого. Оставались еще двое лидеров похода — Кесея и Конан, у которых были личные счеты с чернокнижником. Исира была готова идти до конца. После смерти подруги, волшебница желала поскорее свести счеты с ненавистным магом из Кхитая.

После того, как Беллакр исчез в голове Вало, дорога давалась многим легче. В мире и согласии странники проделали путь на северо-запад длиной в тридцать восемь миль. Пэй-Кваи с нетерпением поджидал группу.

Истерзанные души пленников, заточенные Шао Луном в иллюзорную Пагоду Сна, подняли настоящий бунт против своего тюремщика. То и дело в мысли варвару приходили воспоминания о великих воинах, гордо возвышающихся над холмами врагов во всеоружии, облаченные в полные боевые доспехи, или видения о могучих колдунах, склонившихся над древними пергаментами в тусклом свете свечей. Пленники сна требовали свободы, и приближение освободителей к оплоту чернокнижника вызывало невиданный всплеск магических сил тех, кто веками стремился вырваться из заточения Столикого.

Пэй-Кван на первый взгляд ничем не отличался от других провинциальных поселков Кхитая — те же убогие жилища и скопище голодных крестьян. Окрестности Камбуи не радовали путешественников разнообразием. Однако было достаточно другого, более пристального взгляда, чтобы понять, что все здешнее окружение просто дышало магией. Слюна Дракона катила здесь свои ядовитые волны, тихо шептались деревья таинственной Чащи Ветров, о чем-то горько плакало сиреневое небо, и описывала свои невзгоды недовольным урчанием сырая земля. Именно поэтому Шао Лун выбрал это место, чтобы заложить основу своей колдовской обители. Здешние жители верили, что некогда в этом краю обитали изгнанные отпрыски Тянь-Чена, которые пытались воссоздать на земле подобие небесного царства. С тех далеких времен Пэй-Кван прослыл Заброшенным Небом, но немногие помнили древние сказания о деяниях сыновей и дочерей небесного владыки.

Что-то в этом селении постоянно настораживало, несмотря на кажущееся со стороны видимое спокойствие. Это неясное чувство возникало на уровне интуиции, и объяснить его было трудно — как будто некий бог (или демон) опрокинул над Пэй-Кваном кувшин с магией, и чары расплескались повсюду, залив невидимой субстанцией даже мелкие трещинки.

Шаагал Нуджар некогда предупреждал Конана о скрытой здесь опасности — в облике крестьянина-кхитайца может оказаться сам черный колдун, сказал тогда тайный советник мехарад-жуба. Но только теперь варвар начинал догадываться об истинном значении его слов. Казалось, будто чернокнижник скрывался в облике каждого из жителей Пэй-Квана или, точнее, каждый кхитаец здешнего поселка носил в себе часть сущности Столикого. За долгое время соседства с Пагодой Сна Пэй-Кван с легкостью мог быть взят под контроль черным магом Сна. Судя по выражению лиц жителей поселка, провожавших странников долгим и пристальным взглядом, крестьяне догадывались об их целях и, будучи мысленно связанны со своим повелителем, не питали ничего кроме открытой враждебности к чужеземцам.

Впятером девы-брамин, Конан и Таллок ехали по улицам Пэй-Квана, постоянно

оглядываясь по сторонам и ожидая какой-нибудь западни. Они исследовали окружение осторожно и очень внимательно — так, чтобы не демонстрировать свою подозрительность и недоверие к людям, но и в то же время, не позволяя застигнуть себя врасплох.

Некоторые кхитайцы оборачивались им вслед, некоторые даже прекращали свои дела только для того, чтобы взглянуть на пятерку странников, бросивших вызов Шао Луну. Однако никто из них не дерзнул приблизиться к группе или даже выкрикнуть одно-единственное оскорбительное слово. Повсюду путников обволакивало недоброе молчание. Сколько эта загадочная игра может продлиться, предугадать было трудно — все зависело от того, насколько была сильна власть Столикого над этими людьми. Но то, что рано или поздно Шао-дракон попытается использовать зависимых от его желаний рабов, можно было предвидеть безо всякой ворожбы.

Постепенно киммериец стал замечать происходящие в людях перемены — в выражение лиц некоторых недоброжелателей добавилась тщательно спрятанная усмешка.

— Шао Лун поблизости, — шепнул Конан. — Загляни в их глаза, Кесея!

Верховная жрица последовала совету варвара и убедилась в том, что Конан был прав. Столикий незримо присутствовал в каждом из тех кхитайцев, в чьих зрачках разжегся едва заметный зловещий огонек.

«Я здесь, воин. Попробовать поймать меня, варвар», — пронесся в сознании киммерийца тихий шелестящий шепот.

Конан сурово огляделся по сторонам.

«Убить меня прямо сейчас!» — вновь пронеслась беззвучная усмешка колдуна.

Варвар не поддался на трюк. Даже если дух мага действительно скрывается в ком-то из этих людей, он не станет ничего предпринимать. Шао Лун только и желает того, чтобы он убил одного или нескольких крестьян, подвластных его чарам, и тем самым начал конфликт с жителями Пэй-Квана.

«Ты боишься, проклятый колдун! — мысленно ответил варвар. — Я чувствую твой страх даже с этого места. Но никакие жалкие фокусы уже не спасут твою шкуру, потому что Я ПРИШЕЛ ЗА ТОБОЙ!»

Невидимая паутина, оплетшая умы кхитайцев, растворилась. Блеск в раскосых глазах угас, взор крестьян прояснился.

Этим, разумеется, чернокнижник не ограничится, догадывался варвар. Пэй-Кван — последнее препятствие, разделяющее мстителей и Пагоду Сна, в которой укрылся маг, поэтому Шао-дракон использует все средства, чтобы они не добрались до места.

«Ты многому научился, варвар. Но тебе не совладать с тем, кто постигал науку таинств с самого детства!»

Никто из остальных участников похода не слышал слов Столикого. Чернокнижник обращался только к разуму Конана.

«Ты так думаешь, чародей? Я везу с собой медальон Чей Танга, который твой любимец Беллакр не сумел помешать нам заполучить. Может быть, ты вновь воззовешь к Гипнос-Рену, чтобы он послал тебе еще парочку невидимых злобных тварей? Или ты уже надоел даже великому владыке сновидений? Тогда молись Тагалу — пусть он выведет на поверхность легион огненных демонов, которые встанут кольцом вокруг твоей нечистой пагоды, в противном случае ты сам отправишься к нему в гости через несколько часов».

Мысли Шао Луна стали открыты для Конана — киммериец уловил легкий трепет, который свидетельствовал о том, что маг действительно боялся. Гипнос-Рен, по всей

вероятности, отказал своему ученику в защите, отвергнув повторную просьбу о помощи. Властелин снов вновь занял нейтральную позицию или даже перешел на сторону Кесеи. Любой из этих вариантов был губителен для Столикого. Сейчас колдун отчаянно искал выход, стремясь использовать любой шанс на спасение. Гордыня не позволяла ему позорно бежать, приближение врагов заставляло чародея все отчаяннее ломать голову в поисках решений. Даже загнанный в угол, он был опасен — огромный опыт чернокнижника являлся хорошей поддержкой. С другой стороны, недостатком было то, что большую часть своей жизни колдун просидел в замкнутом пространстве, изучая тайны магии. Поэтому его основным оружием служили чары, которые удобнее всего распространять на расстоянии от противника, и мысли Шао-дракона не могли течь в ином направлении. Он привык повелевать своими рабами, он привык отдавать приказы безвольным людям, но с теми, кто до последнего шел на риск, презирая всякую опасность, черный маг еще не сталкивался, и потому боялся Конана и его союзников.

У Кесеи тоже найдется тысяча поводов для того, чтобы лишить его жизни, знал Столикий. Они не пощадят его.

Нельзя позволить им достичь пагоды! Эту мысль варвар почти услышал так, как будто чародей произнес ее вслух.

Киммериец разгадал план врага. Было бы странно, если бы Шао Лун не воспользовался ни одним из своих умений. Как и Кесея, чернокнижник имел способность ткать иллюзии или накидывать на людей сеть массового гипноза. Конан понял, что колдун собирается прибегнуть к своей черной волшбе и распространить чары на многочисленных крестьян, которые помещают им достигнуть Чащи Ветров. Он рассказал об этом Кесеи. Волшебница мгновенно приготовилась отразить магию Столикого. В своей обители Шао Лун был несомненно сильнее, чем жрица Гипнос-Рена на чужой земле, потому чтобы в эти краткие мгновения ни придумала глава общества брахманов Сна, ее задумка воплотилась в реальность далеко не так, как она рассчитывала.

— Мертвецы восстали! — закричали крестьяне, указывая на группу путешественников. — Это едут посланники гуй, приносящие несчастье!

Не составило труда догадаться, что за этим последует.

Кхитайцы поспешно похватали все, что попалось под руку — косы, мотыги, грабли, камни, палки.

— Убить бесов! Прогнать нечисть из наших краев!

Ревущая толпа собралась по обе стороны дороги. Крестьяне размахивали оружием и злобно покрикивали на странников.

— Возвращайтесь в свои могилы! Вы пришли посеять зло в нашем поселке! Убить их! — разносились их голоса.

Конан вынул из ножен меч, готовясь зарубить первого, кто бросится на странников. Взгляд его ярких голубых глаз предупреждал каждого, что опрометчивый поступок может стоить очень дорого. Крестьяне бесновались по сторонам, но не решались открыто нападать на отряд.

— Смерть им!

В членов группы полетели камни.

Один из увесистых булыжников ударил в висок Алексе, и девушка, охнув, медленно сползла с коня. Таллок тут же соскочил со своего скакуна на помощь молодой волшебнице, и толпа крестьян хлынула в его сторону. В это мгновение даже Конан не успел бы спасти обоих

от скорой и кровавой расправы — настолько неожиданно обезумевшие люди бросились на врагов.

Ученик кхитайских чародеев сделал первое, что подсказала ему интуиция в этой сложной ситуации. Неожиданно вспомнив то, чему его учили маги, он извлек из своей памяти кусок заклинания, некогда выученного наизусть:

— Мин Юй! Мин Ванг! Мин Фьонг!

Крестьяне застыли. Невидимая преграда отстранила их от жертв, точно кусок магической стены рухнул в то место, где проходила тонкая черта, отделяющая странников от жителей селения. Таллок быстро помог девушке подняться и взобраться на коня.

— Как это у тебя получилось? — вздохнула она с удивлением, не опуская пальцев с ушибленного места.

— Случайно вышло, — отмахнулся Таллок. — Ты в порядке?

— Да. Немного голова болит, но, в целом, со мной, кажется, ничего серьезного. Спасибо тебе.

— О чем речь, Алекса? Я всегда готов помочь. Пусть только эти мерзавцы попробуют дотронуться до тебя хоть пальцем!

— Ты такой храбрый, Таллок, — улыбнулась молодая волшебница.

Кесея, наконец, нашла магическую нить, тянущуюся из пагоды в поселок. Она не могла оборвать ее и тем самым рассеять чары чернокнижника, но верховная жрица была способна использовать колдовство Столикого против него самого.

— Исира, помоги мне!

Глава ордена Сна задумала преобразовать гипноз, который Шао Лун распространил на кхитайцев из селения.

Крестьяне закричали — с изумлением и испугом одновременно. Многим почудилось, что от группы чужестранцев начали расползаться сотни, тысячи, сотни тысяч пауков. Иллюзия была настолько правдоподобной, что жителям Пэй-Квана безоговорочно верилось в подлинность происходящего. Скопище мерзких тварей засеменило в их сторону, перебирая мохнатыми лапками. Пауки шуршали по земле, и было их так много, что вся земля почернела от их матовых восьминогих телец.

— Обитатели могил! — закричали люди. — Что за проклятье вы принесли в наши дома? Что вам нужно, ужасные создания?

Конан громко захохотал.

— О, мы страшные демоны, питающиеся свежим мясом! Трепещите, ибо мы очень голодны! Но, клянусь рогами нашего мастера Тагала, мы сразу же оставим вас в покое, как только утолим голод своим собратом по имени Шао Лун! Скажите нам, где он прячется, и мы пощадим вас, низкорожденые!

Все как один указали на дальний мост через реку, неторопливо перекатывавшую свои смрадные волны. На другом берегу качали ветвями деревья таинственной Чащи Ветров.

Варвар усмехнулся.

— И не вздумайте нас преследовать, негодные! Иначе мы можем передумать и полакомиться вашей кровью вместо того, чтобы есть колдуна.

Устрашенные словами киммерийца, крестьяне остались стоять на месте, даже не подумывая о том, чтобы пуститься в погоню. Путники оставили позади толпу кхитайцев и двинулись дальше по направлению к деревянному мосту, обозначившему северную границу Пэй-Квана. Странно, что чернокнижник никому не приказал разрушить переправу через

ядовитую реку — это упущение, возможно, дорого обойдется Шао Луну.

У опушки коней пришлось оставить. Ветви деревьев, склоненные к земле, делали невозможным передвижение верхом.

На Алексу свалилась новая неприятность — девушка случайно наступила на колючку, проткнувшую ее ступню. Растение, создавшее эту преграду, оказалось ядовитым. Казалось, даже окружающая среда настроена враждебно по отношению к незваным гостям. Благо, Конан знал, как вывести яд из раны — жизнь юной девы-брамина оказалась вне опасности. Но киммериец настоял на том, что волшебнице лучше вообще не двигаться какое-то время, иначе может наступить оцепенение.

Чтобы не терять время, путь к Пагоде Сна странники продолжили втроем. Таллок остался присматривать за девушкой. Кесея, Конан и Исира рассчитывали положить конец скверным деяниям мага — до ненавистной обители колдуна оставалось всего каких-нибудь тысячу шагов. Следуя инструкциям Нуджара, отыскать пагоду оказалось совсем не трудно.

…Убежище Шао Луна. Земной оплот черного мага — волшебная обитель из пяти сужающихся кверху ярусов, окаймленных остроконечными шляпами черных крыш. Резиденция Столикого утопала в хаосе: узники мага рвались на свободу, темные подвалы пагоды покидали спящие люди, так и не выбравшиеся из плена сна и шествовавшие со смеженными веками. Бесплотные духи и призраки, воя тихо и протяжно, кружили в жутком танце.

Пагоду сотрясала дрожь — словно умирающее животное пристанище колдуна тряслось в агонии. Клубы мерцающего тумана, рожденные колебанием магических сил, окутывали подножие обители Шао Луна, сиротливо прижимаясь к бардовому камню здания, требуя защиты. На площади около пагоды носились дикие стаи бликов и отсветов — радужный свет стелился причудливым ковром у ног трех странников. Некогда созданное Столиким творение медленно таяло, выбрасывая из себя потоки магии.

Пробил тот час, когда чернокнижник потерял контроль над всеми заточенными в пагоде существами, и теперь они жестоко мстили своему тюремщику, растаскивая на части колдовскую защиту здания.

Как оказалось, поводом тому послужило вмешательство могущественной силы.

Прямо с неба на трех участников похода полились яркие лучи жемчужного света. Бог Сновидений приветствовал путешественников.

— Я знал, что ты придешь, Адана, — мягко сказал Гипнос-Рен.

— Повелитель!

— Долгих восемьдесят лет я наблюдал за вашей враждой, моя ученица! Пришло время разрешить затянувшийся спор. Все это время я размышлял, кого же из вас двоих я смогу взять в свою страну, чтобы сделать своим наместником. Ты и Шао Лун доказали, что вы, без сомнения, являетесь лучшими из всех учеников, которых я когда-либо отправлял на землю. Я думал восемьдесят лет — краткий миг для бога и почти целая вечность для человека. За это время вы набрались опыта и теперь готовы с умом распорядиться моим даром, но получить его может только один из вас. Я сделал свой выбор, кому передать право управления миром иллюзий. Это ты, Адана. Ты только что справилась с последним из испытаний, которые я приготовил для тебя, доказав свое право быть избранной — добралась до Пагоды Сна. Ты прошла через все преграды, несмотря на то, что я намеренно помогал твоему противнику. Шао Лун оказался в плену собственной злобы, а деструкция, присутствующая в сознании чародея, может привести к гибели целого мира, потому я не могу позволить Дракону занять

трон в стране снов. В награду за твою преданность я приглашаю тебя в мой мир прямо сейчас — оставь тщетную суету жизни и стань королевой снов!

— Как пожелаешь, великий Гипнос-Рен. Но, сначала я должна помочь Конану закончить дело, с которым мы явились сюда. Если Столикий умрет в реальности, то его дух навеки останется блуждать в сознании киммерийца. Позволь помочь Конану разрушить иллюзорную Пагоду Сна и утопить в хаосе дух заклятого врага. Тогда будет восстановлена справедливость.

— Твое желание весьма похвально, Адана. Я разрешаю тебе в последний раз войти в страну снов из своего материального тела. После того, как вы расправитесь с противником, я, наконец, сделаю тебя полноправной владычицей моего мира.

С этим они вошли в умирающую обитель колдуна.

— Мы должны поторопиться, Конан, — предупредила варвара высшая жрица Сна. — Необходимо уничтожить эфемерную обитель Столикого до того, как рухнет ее реальный двойник, иначе последствия могут оказаться непоправимыми — Шао Лун, отрезанный от настоящего мира, навсегда останется заперт в твоем разуме.

— Этого еще только не хватало! Давайте поскорее покончим с проклятым магом!

Втроем странники поднялись по лестнице в самый верхний зал, куда привела их судьба для финального сражения.

Там, посреди магического символа, склонившийся над дощечками с начертанными на поверхности иероглифами, разложенными у ног, в медитирующей позе спал сам колдун.

Внешность мага сильно изменилась — отныне Столикий не казался молодым.

Искусственная маска юности спала с его лица, обнажив уродливый и отталкивающий лик старости. Посеревшее лицо испещрили мелкие капли пота. Седые волосы чернокнижника ниспадали на плечи сальными космами.

Сомнений не было — перед странниками был Шао Лун, творец кошмаров.

Глава XXIII

Хрустальные пики тянулись ровной грядой, точно зубья гигантской пилы. Желтый снег падал на раскаленные угли и таял. Река гнева, алая и жаркая, жадно лизала подножия гор. Красный свет наполнял прозрачные пики — окружающее пространство озаряло их зловещее свечение.

Наконец, преддверье иллюзорного мира кончилось, и трое путешественников ворвались в безразмерный шар со множеством дверей, уводящих в сны смертных. Словно поток искрящихся теней, они проносились мимо полчищ духов сновидений, пока не отыскали вход в сны Конана.

Кесея, Исира и киммериец вошли в темный провал. Варвар мгновенно утратил подобие материальной оболочки — он не мог присутствовать в собственном сознании отдельно оттого, что он воспринимал. Как только Конан вошел в свой разум, он слился с окружающим миром, и, тем не менее, Кесея и Исира ясно ощущали присутствие киммерийца, словно их друг был рядом повсюду, со всех сторон, хотя его нигде не было видно.

«Здесь вы меня не одолеете, проклятые разрушители! — услышали они визгливый голос, полный злобы и отчаяния. — Я хорошо успел подготовиться к этой встрече».

Мягкий ветер подхватил дев-браминов — это Конан нес волшебниц по направлению к Пагоде Сна. Навстречу жрицам из иллюзорной обители выпорхнул целый сонм летучих мышей, которые закрыли своими крыльями фиолетовое небо с тяжелыми тучами. Тысячи красных глаз горели злобными огнями, предвещающими несчастье. Шао Лун сейчас выпускал на свободу самых мерзких порождений кошмара. Шелестящие тучи неумолимо надвигались на волшебниц, и хищное хлопанье крыльев голодных монстров разрывало тишину все сильнее с каждым мгновением.

«Конан, помоги!»

Сильный ветер ударил по живой волне, разбросав в воздухе множество черных тел. Кровожадные бестии замедлили полет, но даже ураганный ветер не мог их остановить. Летучие мыши быстро приближались к двум девам-браминам.

«Использую мою силу, брат!» — прокатился по небу раскат грома, вещающий голосом Лао Чи.

Фиолетовые тучи закружились с невиданной быстротой, гигантская воронка начала засасывать нетопырей в свой зев. Черное полчище стало быстро исчезать в жутко воющем провале. Бешено вращающийся столб воздуха сжался, скручивая в тугой спирали всех своих пленников, вытянулся в тонкую струну — и лопнул, щедро разбросав над землей ошметки черных тел, которые тут же стали таять, словно весенний снег.

Шао Лун не терял ни мгновения. Пока две волшебницы проделывали путь к иллюзорной обители колдуна, а незримый Конан расправлялся с помощью Лао Чи с тучами монстров, Столикий успел выпустить на волю другое ужасное создание, плод самых черных кошмаров. Из пагоды выползла огромная змея с сотней человеческих голов на чешуйчатом теле.

Чудовище исторгало пронзительный писк из сотни глоток, а облик его заставил бы устрашиться даже самого отважного воина. Извивающийся гигант свернулся кольцами, высоко подняв голову — монстр приготовился к атаке.

С темнеющего неба хлестнула ветка молнии. Одна из голов чудовища окуталась дымом

и бессильно повисла. Невидимый варвар низринул с неба новые волны голубого пламени — теперь змея перешла на дикий визг, полный боли. Ветви молнии обрушились на ужасное создание целым шквалом небесного огня.

Вскоре всю верхнюю часть тела гигантской змеи окутал удушливый дым с проблесками ярко-желтого пламени.

Монстр пару раз конвульсивно дернулся, и уже безжизненное тело повалилось на землю. Чудовище вспыхнуло ослепительным светом, разрывающим чешуйчатую плоть изнутри, и сгорело в пламени, вырвавшимся из собственного нутра. Вскоре жадный огонь без остатка пожрал огромное тело.

«Вам не одолеть меня, глупцы! — разнесся истерический смех. — Все ваши усилия — пустота! Я непобедим!»

Кесея и Исира опустились на площади перед пагодой. Вход в пятиярусное здание заполонили бесформенные порождения кошмара. Жуткие силуэты чудовищ с неравным количеством двигательных и хватательных конечностей, с несколькими головами или туловищами, загромоздили преддверье мерзкими шевелящимися кучами. Чернокнижник выводил в бой свои последние резервы.

Однако атака бесформенных уродцев так и не состоялась — откуда-то изнутри вылетели светлые призраки плененных магом душ. Плоть воинов Шао Луна с треском лопнула, едва свет прозрачных фигур коснулся их иллюзорных тканей. Вырвавшиеся на свободу духи спешно покидали сознание киммерийца, чтобы вновь соединиться со своей плотской оболочкой в реальном мире.

Умирающее здание опустело. Обрывки света исчезнувших призраков и тающие кусочки мрака еще напоминали о недавних событиях, но вся колдовская сила помалу оставляла Пагоду Сна, растворяясь в окружении.

Убежище Столикого что-то сильно встряхнуло — от основания до самого верха, так что призрачное строение едва не рухнуло.

Как догадались девы-брамины, это невидимый Конан высвобождал свою ярость на обители кхитайского чернокнижника.

Шао Лун оставался внутри, в компании медленно издыхающих серых теней.

«Нет, это еще не конец…» — тихо возвестил чародей.

Повторный удар вновь сотряс эфемерную твердыню. Из трещин пагоды брызнул искрящийся туман.

Верховная жрица и ее ученица уже хотели войти в гибнущее здание, чтобы положить конец существованию Столикого, но что-то удержало их на месте.

Как оказалось, промедление спасло им жизнь.

Пагода Сна начала оживать: ворота превратились в жадный рот чудовищного великана, провалы окон обернулись глазами, из бардовых стен вылезли каменные руки, сжатые в кулаки. Нутро волшебной обители огласил безумный рев.

Это Шао Лун воссоединился со своим творением в единое целое, слив свою магическую сущность с тем, что некогда являлось Пагодой Сна.

«Я сотру вас в порошок!» — ухнула ожившая обитель.

Глаза-окна уставились на Кесею и ее ученицу. Драконы, украшавшие пагоду, зашевелили своими бронзовыми мышцами.

«О, да, я давно мечтал покончить с тобой, Кесея, и сегодня моя мечта сбудется, клянусь зубами демона! Пусть мне пришлось пожертвовать многим, но, в конце концов, я все же

достигну своей цели!»

Пространство заколыхалось от оглушительного смеха твердыни. Хрустнула черепица и камни — огромное здание сделало шаг в сторону замерших от ужаса дев-браминов Сна.

Жрица Гипнос-Рена выбросила в гигантского противника сгусток магических сил, но наскоро слепленный шар магии разлетелся вдребезги, едва соприкоснувшись с каменной кожей исполина. На плоской стене появилась глубокая выбоина — но не больше.

«Конан!» — позвала волшебница.

Ответа не было, словно варвар покинул свои сны.

«Убить! Убить!» — ревело здание, заглушая все остальные звуки.

Вздымая тучи пыли, волшебная обитель приблизилась еще на два шага. Исира зажмурилась от страха. Казалось, спасения уже нет. Впереди долгие, бесконечно долгие мгновения мучительной смерти. Великан воздел свои огромные конечности, готовясь расплющить двух волшебниц. Возможно ли умереть во сне? Каменные кулаки уверенно заявляли, что возможно. Еще миг и…

«Э, нет! — злобно прорычал жуткий монстр. — Это будет слишком легким наказанием за все беды, которые вы мне причинили. Я развоплощу вас не спеша, я сожру ваши души настолько медленно, чтобы почувствовать вкус ваших страданий — дюйм за дюймом переваривая призрачную плоть в своем нутре. Ваши муки продлятся целую бесконечность, пока я, наконец…»

Пагода-маг не заметила вспыхнувшего провала за своей спиной — все глаза обители были устремлены на дев-браминов. Ослепительный свет полыхнул настолько ярко, что огненное свечение заполнило все окружающее пространство. Пламенеющий луч врезался в землю, насквозь пробив сверху вниз ожившее строение. Нестерпимое сияние росло, пока не выжало слезы из глаз волшебниц. Потом резко померкло, оставив в нахмурившихся облаках огненный шлейф.

Недоумевающий вой, с примесью обиды и отчаяния, звучал всего несколько мгновений, потом видоизменившийся Шао Лун с хрустом распался на две аккуратные половины.

Пагода рухнула двумя грудами раскрошившегося камня, который тут же подернулся сиреневой дымкой и стал медленно таять, уплывая под самое небо туманными лоскутами.

Так окончил свое существование Шао Лун, творец кошмаров.

В глазах Исиры стояли слезы. Но не яркий свет, первоначально вызвавший их, отныне был тому причиной — в памяти юной волшебницы, осмелившейся заглянуть в самое сердце провала, убившего черного мага, до сих пор стояла яркая картина, сохраненная памятью. Она видела силуэты тех, кто расправился со злым колдуном. То были Конан и Алиэль, державшиеся за руки в последнем прощании…

Дева-брамин на краткие мгновения вернулась из небесной страны, чтобы помочь своему любимому одолеть врага в стране снов.

Исира всхлипнула. Ища поддержки у своей наставницы, девушка обернулась к Кесее, но на том месте, где еще мигом раньше стояла верховная жрица Гипнос-Рена, никого не оказалось. Покончив с Шао Луном, волшебница отправилась к трону своего бога, чтобы стать королевой сновидений.

Молодой чародейке пришлось возвращаться в реальный мир в одиночестве.

* * *

Исира и Конан проснулись в верхнем зале реального двойника уничтоженной в мире снов пагоды. Стены здания дрожали. Варвар и дева-брамин поднялись на ноги, чувствуя необыкновенную усталость.

Кесея не очнулась ото сна — верховную жрицу призвал Гипнос-Рен, и в этот день волшебница завершила свой долгий земной путь. Теперь она станет могущественной повелительницей эфемерного царства и больше уже никому не позволит терзать людей злыми кошмарами.

Шао Лун был мертв. Кожа на лице старика сморщилась, подобно кожуре гнилого яблока, от неподвижного тела исходил невыносимый смрад, точно вся магическая сила чернокнижника обернулась дурным запахом.

Так ушли из жизни два величайших ученика Гипнос-Рена — один возвеличился до невиданных высот и обрел бессмертие в эфемерном мире, другой низко пал и был наказан бесславной гибелью.

Когда киммериец и его спутница покинули медленно разваливающуюся пагоду, на Кхитай опустилась мягкая ночь. Нежная. Очищенная ото всяких кошмаров.

В Чаще Ветров они нашли Таллока и Алексу, и тогда пустились в обратный путь.

Далеко за спинами странников что-то гулко вздрогнуло, потом ночь вновь закуталась в покрывало безмятежной тишины.

То Пагода Сна испустила свой последний вздох…

Эпилог

— Кого я вижу! Алекса и Таллок! — удивленно воскликнула Диаса, увидев пару молодоженов на базарной площади. — Глазам своим не верю!

Кажется, прошла целая вечность с тех пор, как мы виделись в последний раз. Ну, рассказывайте, как у вас дела, я вся сгораю от любопытства!

— Да мы, в общем-то, ненадолго в Айодхью, — сказал юноша, прижимая к себе невесту. — Посмотрим на город, вспомним прошлое, а потом снова подадимся на запад, в Замору — глядишь, наш дом уже успели достроить.

— О, да я гляжу, дела у вас и вправду идут отлично. А ты, Алекса, не жалеешь, что ушла из нашего общества брахманов Сна?

— Нет, подруга. Хотя, конечно, я временами скучаю по былым временам, но новая жизнь у меня ничуть не хуже старой, а то, признаться, и лучше — постоянные странствия, дела, торговля. Новые страны, большие цветущие города — просто голова идет кругом!

— Значит, вернуться ты не захочешь, — с легкой укоризной и сожалением произнесла Диаса. — Жаль. Новая верховная жрица приняла бы тебя в общество прямо сейчас.

— Новая верховная жрица? Подожди, дай-ка угадаю… Исира?

— О, конечно! Совет брахманов избрал ее сразу после возвращения из похода в Кхитай. Исира сильно изменилась — стала важная, словно сама Дэви. Никому не дает спуску, но с нами она все такая же любезная. А вот Саттар зазнался.

— Да? Как поживает этот старый негодяй?

— Спрашиваешь! Думаешь, жизнь раджи когда-нибудь была скучной?

— Не может быть! — даже Таллок не сдержал своего изумления. — Лунный маг сделался правителем столицы? Это больше похоже на чудеса.

— Чудеса имеют свойство нередко воплощаться в реальность, — подмигнула Диаса. — Я вот, например, тоже никогда не предполагала, что встречу своего избранного.

— Вот как? И кто же он?

— О, один симпатичный вендиец! Смелый, точно тигр, и ласковый, как котенок. К тому же, молодой и состоятельный. И самое главное — добрый.

— Ну, вот насчет чудес, я, честное слово, не знаю, — неуверенно сказал Таллок. — Я бы скорее представил жабу в колдовском колпаке и скипетром в тонких зеленых лапках, чем Саттара на троне раджи.

— Старик много выстрадал, — вспомнила Диаса. — Сначала тюрьма, потом суд… А потом внезапно пришел приказ от самого мехараджуба о назначении брахмана на пост правителя Айод-хьи, правда, неизвестно, за какие заслуги. Говорят, постарался некий тайный совет — хотя, я признаться, не особо верю в эти сплетни о деятельности недосягаемо высокого начальства.

— Ой, Диаса мы забыли спросить, как же там Вало! Он полностью исцелился от недуга?

— Разумеется. От болезни не осталось и следа. Наш великан поистине великий воин — он сам уничтожил демона, которого некогда пленил в Ки-Цине. Разве такое не заслуживает восхищении?

— И он все так же верно служит жрицам Сна?

— Конечно. Вало уже накопил достаточно денег на безбедную старость, но преданность обществу не позволяет ему оставить должность главного защитника дев-браминов. Единственным участником нашего похода, от которого я не получала вестей, остается Конан. Наверняка, вы его тоже не встречали?

— Ну, почему же, — с улыбкой произнес Таллок. — Вчера вечером мы видели киммерийца также близко, как и тебя, в одном из пригородных постоялых дворов. Наш герой-варвар к тому времени опустошал уже седьмой кувшин вина, в промежутках между распитием спиртного рассказывая о своих приключениях восторженной толпе зевак.

— Надеюсь, он достоверно изложил наш поход в Кхитай?

— О, да Конан и думать о нем уже забыл! Как выразился киммериец, его захлестнула волна таких приключений, по сравнению с которыми все былые деяния все равно, что детские забавы. Впрочем, о вас он хранит память. Конан, памятуя о помогавших ему жрицах, велел передать вам кое-что.

— Это дар обществу дев-браминов, — подтвердила Алекса, извлекая из одежды плотный сверток.

Таллок бережно помог развернуть тряпицу. На солнце сверкнул своими глазами-сапфирами амулет в виде дракона, сплавленный с кругляшом медальона семьи Чей. В новый артефакт неизвестный ювелир добавил девять крупных алмазов, девять — по числу участников похода.

— Пусть отныне эта вещь позволит девам-браминам хранить сны чистыми и ясными, словно весенний ручей, сказал Конан. Пусть волшебный медальон защитит тех, кто постигает тайны магии Сна и поможет им в овладении великим искусством, которое больше никем и никогда не должно быть использовано во зло.

Диаса приняла амулет из рук Алексы.

Яркие солнечные блики расцветили дорогую вещь, заставив полыхать золото, подобно пожару. В голубых глазах дракона зажегся светлый огонек, сулящий спокойствие и безмятежность всем путешественникам в страну сновидений.